

Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный медицинский университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)

В. Фудзимото д-р истории, проф. (Осакский университет экономики и права, Япония)

Д. Вулф д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)

В. Дённингхаус д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)

Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)

С. В. Кондратьев д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)

А. С. Лавров д-р ист. наук, проф. (Университет Париж – Сорбонна, Париж, Франция)

Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Н. Н. Родигина д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

С. Ю. Сапрыкин д-р. ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)

Д. Смил д-р истории, проф. (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)

И. Халфин д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)

Э. Д. Хейвуд д-р истории, проф. (Абердинский университет, Великобритания)

П. Холквист д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, США)

В. И. Шишкин д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

А. Х. Элерт д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

М. Юнге д-р истории (Рурский университет, Бохум, Германия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

A. V. Dmitriev Doctor of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

S. O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State Medical University, Russian Federation)

Board Members

A. N. Alekseenko Doctor of Sciences (History), Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, the Republic of Kazakhstan)

V. P. Buldakov Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

W. Fujimoto Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)

D. Wolff Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)

V. Dönninghaus Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)

L. V. Deriglazova Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)

S. V. Kondratiev Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)

A. S. Lavrov Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)

G. G. Pikov Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. N. Rodigina Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

S. Yu. Saprykin Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

J. Smele Doctor of Sciences (History), Professor (Queen Mary's college of London University, United Kingdom)

I. Halfin Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)

A. J. Heywood Doctor of Sciences (History), Professor (University of Aberdeen, United Kingdom)

P. Holquist Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)

V. I. Shishkin Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

A. Kh. Elert Doctor of Sciences (History) (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

M. Junge Doctor of Sciences (History) (Ruhr University, Bochum, Germany)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 21, № 1: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

- Кутищев А. В.* Военная кампания 1703 года в Нидерландах по корреспонденции и воспоминаниям ее участников 9
- Ковалев М. В., Соби П.* «Кадры решают всё!»: профессиональные траектории первых сотрудников Высшей экономической школы в Праге (1950-е годы) 22

Российская история

- Конев А. Ю., Слугина В. А.* «Сказать государево жалование...»: практики обращения монарха к населению Сибири в конце XVI – XVII веке 37
- Анисимов Е. В., Базарова Т. А., Проскурякова М. Е.* «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова 49
- Красняков Н. И.* Интеграция среднеазиатских территорий в систему национально-регионального управления Российской империи (XIX век) 63
- Резникова (Гордеева) М. А.* Социальный облик волостного писаря в Томской губернии (конец XIX – начало XX века) 75
- Ильиных В. А.* Организация урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е годы 87
- Чуркин М. К., Навойчик Е. Ю., Черненко Е. В., Чуркина Н. И.* Социокультурная и профессиональная идентичность поколения советских «беби-бумеров» (по материалам глубинного интервью акторов научно-образовательного сообщества ОмГПУ) 98

Историография

- Андреева Т. В., Выскочков Л. В.* Николай I: личность и эпоха. Отечественная историография конца XX – начала XXI века 113

Документальные страницы

<i>Лапин Н. С.</i> Описание обряда утверждения казахского хана Нуралы в 1749 году	125
<i>Мазырин А. В.</i> Патриарх Сергей (Страгородский) о сложностях восстановления общения с Грузинской церковью в свете преодоления обновленческого раскола (1944 год)	137

Рецензии

<i>Артамонова Л. М.</i> Посад как поселение в эпоху «просвещенного абсолютизма»: город мастеров и купцов под сенью Святой Троицы	145
Список сокращений	151
Информация для авторов	152

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2022, vol. 21, no. 1: History

CONTENTS

World History

- Kutishchev A. V.* The Military Campaign of 1703 in the Netherlands according to the Correspondence and Memoirs of Its Participants 9
- Kovalev M. V., Szobi P.* “Employees Make the Difference!”: Career Trajectories of First Employees of the Higher School of Economics in Prague (1950s) 22

Russian History

- Konev A. Yu., Slugina V. A.* “To Say the Sovereign’s Awarding...”: Practices of the Monarch’s Appeal to the Siberian Population at the End of the 16th – 17th Centuries 37
- Anisimov E. V., Bazarova T. A., Proskuryakova M. E.* “Our Patron and Protector”: The Language of Correspondents of A. D. Menshikov 49
- Krasnyakov N. I.* Integration of Central Asian Territories in the System of National and Regional Administration of the Russian Empire (19th Century) 63
- Reznikova (Gordeeva) M. A.* The Social Representation of the Volost Clerk in Tomsk Province (Late 19th – Early 20th Century) 75
- Il’inykh V. A.* Organization of Grain Harvest Statistics in Siberia in 1930s 87
- Churkin M. K., Navoichik E. Yu., Chernenko E. V., Churkina N. I.* Sociocultural and Professional Identity of the Generation of Soviet “Baby-Boomers” (On the Materials of the Deep Interviews of the Actors of the Scientific and Educational Community of OmSPU) 98

Historiography

- Andreeva T. V., Vyskochkov L. V.* Nicholas I: Personality and Epoch. Russian Historiography of the Late 20th – Early 21st Century 113

Documents

<i>Lapin N. S.</i> Description of the Rite of Approval of the Kazakh Khan Nuraly in 1749	125
<i>Mazyrin A. V.</i> Patriarch Sergius (Stragorodsky) on the Difficulties of Restoring Communion with the Georgian Church in the Light of Overcoming the Renovationist Schism (1944)	137

Reviews

<i>Artamonova L. M.</i> Posad as an Urban Settlement in the Age of “Enlightened Absolutism”: The Town of Masters and Merchants under the Canopy of the Holy Trinity	145
List of Abbreviations	151
Instructions to Contributors	152

Научная статья

УДК 94(492).04

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-9-21

Военная кампания 1703 года в Нидерландах по корреспонденции и воспоминаниям ее участников

Александр Васильевич Кутищев

Уральский государственный университет путей сообщения

Екатеринбург, Россия

kutishhev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6921-3344>

Аннотация

Цель настоящей статьи – на примере отдельной кампании войны за испанское наследство 1701–1714 гг. выявить особенности западноевропейского военного искусства начала XVIII в. В центре исследования – боевые действия в Нидерландах летом – осенью 1703 г. и их отражение в корреспонденции Людовика XIV, герцога Дж. Мальборо, маршалов Вильруа и Буффлера. В результате исследования до сих пор не отраженный в отечественной историографии этап европейской военной истории, определены характерные черты военного искусства той эпохи, такие как ограниченность оперативных целей и замыслов, позиционный характер стратегии, отказ от решительных форм борьбы, приверженность осадной войне и маневренной тактике, возрастание роли инженерно-фортификационной службы и логистики.

Ключевые слова

война за испанское наследство 1701–1714 гг., Нидерланды, Антверпен, Людовик XIV, Дж. Мальборо, маршал Вильруа

Для цитирования

Кутищев А. В. Военная кампания 1703 года в Нидерландах по корреспонденции и воспоминаниям ее участников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 9–21. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-9-21

The Military Campaign of 1703 in the Netherlands according to the Correspondence and Memoirs of Its Participants

Alexander V. Kutishchev

Ural State University of Railway Transport

Ekaterinburg, Russian Federation

kutishhev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6921-3344>

Abstract

The article studies the military campaign of 1703 in the Netherlands of the War of the Spanish Succession of 1701–1714. The presented campaign, still undervalued by military historiography, is the most typical of the European military art of the early 18th century. The article shows the activities of the Anglo-Dutch and French command in the planning and organizing of military operations. Based on the correspondence of Louis XIV, Duke of Marlborough, French Marshals Villeroy and Bouffler, the article traces the course of the fighting in Flanders and Brabant in the summer and autumn of 1703. At the same time, the war is considered as a combination of careful maneuvering and rapid marches, false demonstrations and decisive strikes, methodical sieges of fortresses and unexpected breakthroughs of fortified lines. As a result, the little-known stage of the War of the Spanish Succession of 1701–1714 is studied in detail.

© Кутищев А. В., 2022

On the example of the above-mentioned campaign, the article reveals such features of Western European military affairs as the limited operational goals and plans, positional nature of strategy, rejection of decisive forms of struggle, commitment to siege warfare and maneuver tactics, increasing role of engineering and fortification and rear services, communications and logistics.

Keywords

war of the Spanish Succession 1701–1714, Netherlands, Louis XIV, J. Marlborough, Marshal Villeroy

For citation

Kutishchev A. V. The Military Campaign of 1703 in the Netherlands according to the Correspondence and Memoirs of Its Participants. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 9–21. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-9-21

Война за испанское наследство 1701–1714 гг. вызывает всё более пристальный интерес в отечественной истории. Спектр внимания к ней чрезвычайно широк: от общего военно-политического анализа [Ивонина, 2009а; 2009б] до участия в войне отдельных стран [Великанов, 2005]. Внимание исследователей привлекают деятельность видных военачальников [Ивонина, 2019; Ивонин, 2006; Кутищев, 2012], заметные военные, а также военно-морские события эпохи [Беспалов, 2012; Ивонина, 2010; Махов, Созаев, 2010]. Разнообразный и весьма интересный материал представляют современные интернет-издания¹. Вместе с тем эта общеевропейская война до сих пор не нашла систематизированного военно-профессионального отражения в отечественной историографии. Последние посвященные ей военно-исторические исследования вышли в свет во второй половине XIX – начале XX в. и только выборочно освещали отдельные, наиболее значительные боевые эпизоды [Голицын, 1875, с. 158–181; Михневич, 1896, с. 292–300; Марков, 1887, с. 406–450; Пузыревский, 1889, с. 181–297; Свечин, 1929, с. 203–245].

Настоящая статья вводит в научный оборот свежий информационно-фактологический материал по военной истории XVIII в., расширяя исследовательские возможности сопоставления западноевропейского и отечественного военного искусства. Она отчасти восполняет обозначенный выше пробел в отечественной историографии, исследуя отдельную, малоизвестную, но типичную для той эпохи военную кампанию.

На протяжении всей Войны за испанское наследство 1701–1714 гг. Южные (Испанские) Нидерланды рассматривались в качестве главного театра военных действий². Здесь, в северо-западной части Европы, прилегающей к Северному морю, действовали самые многочисленные армии, а также сосредотачивались основные военные, дипломатические и материально-финансовые усилия. Кампанию 1703 г. в Южных (Испанских) Нидерландах англо-голландское командование планировало провести в наступательном стиле, наращивая успехи, достигнутые в прошлом 1702 г. Детали предстоящей кампании рассматривались на конференции, собравшейся в середине февраля 1703 г. в Везеле. В ходе обсуждения возникли разногласия относительно методов ведения войны. Главнокомандующий союзными силами герцог Дж. Мальборо настаивал на решительном разгроме противника и быстром прорыве через Брабант и Фландрию к границам Франции. Его пыл не разделяла голландская сторона, предпочитавшая постепенное вытеснение противника путем методичного овладения крепостями «Pré Caré»³. В соответствии с этим Гаага настояла начать кампанию с осады Бонна, мощной крепости на Рейне на полпути между Кёльном и Кобленцем. Ее захват укреплял западные рубежи Республики Соединенных провинций и обеспечивал коммуникации между морскими

¹ Ивонина Л. И. Битва при Мальплаке 11 сентября 1709 года. URL: <https://istorja.ru/articles.html/france/malplaquet/> (дата обращения 20.05.21); Austriae est imperatura orbi universe. Испанское наследство. URL: <http://hofkriegsrat.blogspot.com/2016/11/20.html> (дата обращения 20.06.21); Война за испанское наследство 1701–1714 гг. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Война_за_испанское_наследство (дата обращения 20.05.21).

² Нидерланды, один из наиболее развитых и процветающих районов Европы, в XVI–XVIII вв. служили ареной постоянных ожесточенных войн между ведущими европейскими державами. Кроме того, в ходе Войны за испанское наследство (1701–1714 гг.) командование Великого Альянса рассматривало это стратегическое направление как кратчайший путь к вторжению вглубь Франции и скорейшему завершению войны.

³ Система крепостей и полевых укреплений, прикрывавших северо-восточную границу Франции.

державами и их союзницей, Австрией. Мальборо нехотя уступил союзникам и даже согласился возглавить осаду Бонна с условием, что она будет проведена в кратчайшие сроки: «Я отправляюсь на Маас распорядиться о скорейшем приведении армии в боеспособное состояние, и когда всё будет готово к осаде, я выступлю на Бонн» (Murey, 1845, pp. 73–74).

Группировка союзников в Нидерландах состояла из двух армий: первая формировалась на Маасе, в районе Маастрихта, вторая – на Рейне у Кобленца. «Голландия любезно предоставляет мне командование любой из армий, как будет лучше для дела. По-видимому, придётся разрываться между обеими – вплоть до середины мая, пока, наконец, я их не объединю. Придётся разделить свой походный скарб, послав часть к Кёльну, остальное – оставить на Маасе», – делился Мальборо своими планами с герцогом Ноттингемом (Murey, 1845, pp. 73–74).

Людовик XIV главные усилия в 1703 г. решил сосредоточить в Германии и Италии, отводя Нидерландам второстепенную роль. Здесь предполагалось держать оборону. Франко-испанскую группировку возглавил фаворит короля маршал Вильруа. Буффлер, неудачно командовавший в прошлом году, был оставлен в качестве его заместителя. Уже в январе 1703 г. были отданы предварительные распоряжения о мобилизации войск и наборе новых полков. Приграничные крепости были приведены в готовность и снабжены всем необходимым. По всей стране активно шли заготовки продовольствия, фуража, делались запасы вооружения и снаряжения.

Известие о том, что герцог Мальборо уже во Фландрии, заставило Людовика XIV поторопиться нового командующего с выездом в Брюссель: «Вам надлежит принять меры по формированию нашей группировки в Южных (Испанских) Нидерландах. Думаю, нужно сформировать одну армию с выделением отдельного корпуса для обороны Фландрии и земли Вэйс⁴. Главная армия должна будет отразить попытки противника проникнуть на нашу территорию» (Pelet, Vault, 1838, p. 13).

В целом Людовик XIV правильно оценивал ситуацию. Противник попытается растянуть его силы на широком фронте, отвлекая внимание на южном фланге, на Маасе и Рейне, чтобы нанести удар на противоположном, во Фландрии. Он до последнего верил, что угроза Бонну – не более чем демонстрация для отвлечения внимания. Прозорливость короля признавал и сам Мальборо: «Я видел письмо из Парижа, в котором говорилось, что осада Бонна – всего лишь уловка, что настоящая цель – это Антверпен» (Hoff, 1951, p. 63). Но если противник сосредоточит усилия за Рейном у Бонна, можно было попытаться овладеть какой-нибудь крепостью на Маасе. Целью был выбран Льеж, который часто фигурирует в переписке этого периода между Версалем и Брюсселем.

«Вы знаете, что Льеж нам всё равно не удержать... но Вас вряд ли стоит учить... Если вы решитесь атаковать его, рассчитывайте, чтобы завершить эту операцию до падения Бонна и возвращения главных сил Мальборо на Маас, – напутствовал король маршала Вильруа, – и помните, Льеж не должен отвлекать Вас от главного – от обороны Брабанта и Фландрии» (Pelet, Vault, 1838, p. 23).

4 мая союзная армия осадила Бонн. Мальборо энергично взялся за дело. Фортификационными работами руководил ветеран франко-голландских войн и главный инженер Соединенных Провинций генерал Кохорн, с двух сторон поведя апроши к крепости. Когда по фортам Бонна открыли огонь 90 тяжелых орудий и 50 осадных мортир, стало ясно, что крепость обречена. Несмотря на отвагу губернатора д'Алегре, потребовалось всего 11 дней, чтобы вынудить гарнизон капитулировать.

Начало кампании для Великого Альянса было многообещающим, но на Маасе всё складывалось не так оптимистично. Здесь Вильруа явно опережал союзников, спешно стягивая войска с зимних квартир в полевой лагерь у Монтенака. Голландцы и англичане только еще готовились к кампании, не имея ни достаточных запасов, ни повозок для похода. Им требо-

⁴ Территория Западной Фландрии между Антверпеном и Остенде.

вались время и дополнительные средства, для того чтобы выйти в поле. Этим не преминули воспользоваться французы.

На рассвете 9 мая Вильруа внезапно атаковал и захватил город Тонгерен (рис. 1). Самуэль Нойес, капеллан английского полка, вспоминал: «Тонгерен, место удобное для зимних квартир, но совершенно не приспособленное для обороны. Голландцы разместили здесь два прекрасных пехотных полка. Они были так удивлены, увидев французов перед самыми валами Тонгерена, что сначала приняли их за своих. Придя в себя от неожиданности, они решили сопротивляться, но на следующий день, когда французские пушки пробили брешь, они всё же решили сдаться» [Falkner, 2007, p. 53]. Растерянные союзники в спешке откатывались к Маастрихту. Развивая свой успех, французы атаковали Льеж, который также был оставлен без сопротивления. Небольшой гарнизон успел запереться в цитадели и лихорадочно готовился к осаде. Всё могло завершиться катастрофой, но положение спасли подкрепления, со всех сторон спешившие на выручку. «6 батальонов и 25 эскадронов выступили сегодня утром к Вам на помощь, и я надеюсь, они успеют вовремя», – писал встревоженный Мальборо из-под Бонна (Murey, 1845, p. 96). Вовремя подоспел из Эйндховена и 10-тысячный английский корпус.

Когда французские колонны появились перед Маастрихтом, они наткнулись на хорошо подготовленную оборону. Справа англо-голландские позиции поддерживала крепостная артиллерия Маастрихта, слева – превращенные в настоящие крепости деревни Лонакен и Петершем. Проведя рекогносцировку, Вильруа оценил их неприступность и отменил атаку. Маршалы отвели армию назад, к Тонгерену, приступив к разрушению его укреплений. Итак, на Маасе начало кампании было за французами, в армии Вильруа царил приподнятый боевой настрой [Chandler, 1973, p. 115].

19 мая Мальборо собственной персоной прибыл в Маастрихт. Ему не терпелось приступить к главной фазе кампании. Этот замысел, получивший название «Гранд-проект», обещал Великому Альянсу громкий успех и всю Бельгию в качестве военного трофея. Главной целью являлся Антверпен, крупный торгово-экономический центр Нидерландов. Втайне Мальборо надеялся, что в ходе военных действий ему удастся принудить к сражению и противника и его осторожных союзников, голландцев. В победоносном исходе сражения он не сомневался, после чего овладение Брабантом и Фландрией станет для союзников весьма легкой задачей.

Операция началась со скрытной переброски войск из-под Бонна во Фландрию. 16 мая Мальборо писал лорду-казначею С. Годольфину: «Перед убытием из Бонна я принял меры для отправки Рейном 20 батальонов пехоты... Одновременно 20 эскадронов конницы двинутся кратчайшим путём на Берген-оп-Зум, где к ним присоединится пехота. Этот корпус укрепитесь перед Антверпеном, куда постепенно будут стягиваться остальные войска. Если с Антверпеном всё выгадает, то им (французам. – *А. К.*) нелегко придётся отстаивать Брюссель и остальные города. Я уже почти ощущаю себя хозяином Антверпена, но пока что маршалы путаются у нас под ногами» [Churchill, 1947, p. 660].

Важной задачей было заставить противника рассредоточить свои силы вдоль всей границы. С этой целью Мальборо должен был удерживать армию Вильруа в бассейне Мааса, подальше от главных событий, в то время как на противоположном, западном, фланге, генерал Кохорн должен был блокировать Остенде. Угроза этому важному морскому порту должна была дезориентировать Бедмара, главнокомандующего франко-испанскими силами во Фландрии, и ослабить оборону Антверпена. «Признаюсь, что я всем сердцем и душой за атаку Антверпена, – пишет Мальборо Кохорну, – но ещё не всё готово к этой операции. Думаю, прежде всего необходимо захватить Остенде, для чего мы выделим войск столько, сколько необходимо... к осаде Антверпена мы приступим только после атаки Остенде» (Murey, 1845, p. 105).

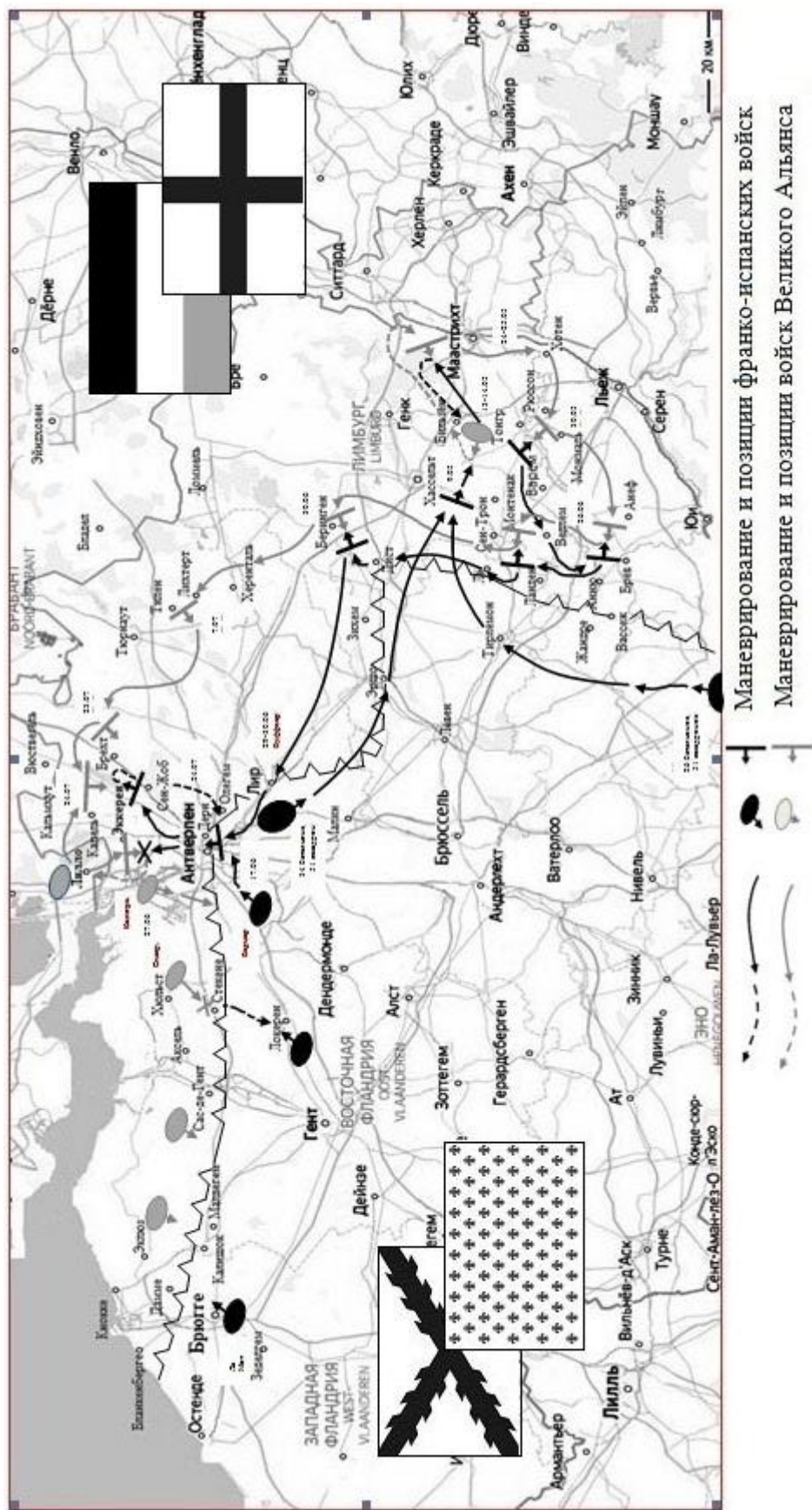

Рис. 1. Кампания 1703 года в Нидерландах (май – июль) [Pelet, 1836, p. 2]
Fig. 1. The Campaign of 1703 in the Netherlands (May – July) [Pelet, 1836, p. 2]

В установленный день Мальборо должен был оставить своего визави, Вильруа, и форсированным маршем поспешить на помощь голландцам. До Антверпена ему предстояло преодолеть 130 км. Спустя два дня генерал Кохорн должен был атаковать Остенде, а генерал Спаар – французские линии у самого Антверпена. Еще через четыре дня, когда армия Мальборо уже будет на подходе, генерал Опдам из района Лилло атакует непосредственно Антверпен. Одновременно нанесенные согласованные удары поставят Бедмара перед трудным выбором. Если он бросится спасать Остенде, Спаар и Опдам захватят Антверпен. Если Бедмар останется под Антверпеном, Кохорн овладеет Остенде, стратегическим морским портом. Что касается Мальборо, то он в это время будет удерживать армию Вильруа в районе Лира, не давая ему возможности оказать помощь Бедмару. Если маршал всё же выделит тому подкрепления, то Мальборо атакует и разобьет его ослабленную армию (Murrey, 1845, p. 105; Coxe, 1905, pp. 119–120) [Churchill, 1947, p. 661].

План был тщательно продуман и действительно выглядел многообещающим. Но его выполнение как минимум зависело от полного согласия среди командования и высокой исполнительской дисциплины. Он предполагал тесное взаимодействие и четкую координацию участников. А именно с этим в англо-голландско-немецкой армии были большие проблемы (Murrey, 1845, p. 119; Coxe, 1905, p. 119) [Churchill, 1947, p. 663; Alison, 1855, p. 130].

Собрав под Маастрихтом 70 батальонов и 120 эскадронов, Мальборо приступил к действиям. Демонстрационной целью был избран город Юи, расположенный на Маасе выше Льежа. В ночь с 24 на 25 мая союзники перешли р. Жеэр и направились к высотам Хотена (см. рис. 1). Французы мгновенно отреагировали, поспешно отступив от Тонгерена к Хёдорпу. Дистанция между противниками сократилась до 8 км. 27 мая Мальборо отправил свои обозы в Маастрихт (явный знак скорого сражения) и 30 мая смело двинулся прямо на французов. На расстоянии пушечного выстрела от их позиций он остановился. Далее последовала пауза – обе армии выжидали, развернутые в боевой порядок, разделенные только мелководным Жеэром. Французы занимали сильную позицию, прикрытую с фронта рекой, с флангов – естественными складками местности. Мальборо попытался нащупать уязвимые места в обороне, но каждый раз получал решительный отпор. В конце концов, он отступил и отвел войска к Рюссону, ближе к Юи (Pelet, Vault, 1838, pp. 39–40; Murrey, 1845, p. 107). Французы также перенесли позицию западнее, к Хассельбруку. После этого всплеска активности последовала десятидневная пауза (Pelet, Vault, 1838, p. 40).

К этому времени замысел операции оказался перед угрозой срыва. Внезапно Кохорн предложил перенести направление удара с Остенде гораздо восточнее, в так называемую землю Вэйс, где генерал рассчитывал взять богатую контрибуцию. Голландцы вообще прохладно относились к захвату Остенде. Этот порт в первую очередь нужен был Мальборо для сокращения коммуникаций с Лондоном. Голландцы же были заинтересованы в военных перевозках через их порты, путь до которых был дольше, но выгоднее [Churchill, 1947, p. 661]. К тому же генералу Кохорну как генерал-губернатору голландской части Вэйс причиталось 10 % от любой военной добычи. Талантливый военный инженер, посевший на войне генерал, он расчетливо сочетал ненависть к французам с личной выгодой. Откровенная меркантильность голландцев и раньше возмущала Мальборо. Но теперь это угрожало всему выверенному замыслу, в котором все шаги были согласованы по задачам и времени. Его письмо от 20 мая дышит злой иронией: «Боюсь, что отвлекающий маневр, который господин Кохорн собирается осуществить во Фландрии, не сыграет своей роли. Его цель – не Остенде, как настаивал я, а – большой куш за счёт бедного населения. Когда непомерная алчность вредит делу, это просто возмутительно» (Coxe, 1905, p. 118).

В это время на Маасе, как отмечал язвительный Д. Дефо, «две огромные армии неуклюже кружились друг возле друга, почти касаясь флангами, демонстративно атакуя и изворачиваясь, короче, как сказали бы военные, держали противника под полным контролем» [Chandler, 1973, p. 116]. Мальборо продолжал свой замысловатый маневр к Юи, выдерживая многодневные паузы, давая войскам отдых и проводя фуражировки. По ту сторону Жеэра, выдер-

живая значительную дистанцию и стараясь предугадать каждый шаг противника, следовал Вильруа.

9 июня Мальборо почти вплотную приблизился к Юи и закрепился у Ханеффа. В ответ Вильруа занял позицию между реками Жеэр и Меэнь, прикрывая Намюр, крупный торгово-экономический центр и мощную крепость провинции. Дистанция между противниками сократилась до 10 км, и казалось, столкновение неминуемо. Весь день 22 июня противники провели друг напротив друга, на дистанции пушечного выстрела. И вновь позиция противника была признана безупречной, и Мальборо, как и в прошлый раз, отказывается от атаки.

Наконец, во Фландрии пришли в движение голландцы. 26 июня генерал Спаар атаковал Стекене. Французский гарнизон (пять батальонов новобранцев) был отброшен, и город вместе с прилегающими окрестностями оказался во власти голландцев. Одновременно Кохорн переправился через Шельду и выбил французов с мыса Калло. Таким образом, в оборону французов был вбит клин. В тот же день генерал Опдам выступил из Берген-оп-Зума и взял направление на Антверпен (Pelet, Vault, 1838, p. 59).

К сожалению, на этом энергичность голландцев иссякла. Удачное, хотя и запоздалое, начало сменилось бездействием. Успех под Стекене свелся к разграблению города и близлежащих деревень, а Опдам занял выжидательную позицию у деревни Эккерен, севернее Антверпена.

Мальборо спешил оказаться в гуще событий. Как и планировалось, в ночь с 25 на 26 июня он снялся с лагеря у Ханеффа, форсировал Жеэр и двинулся на север. Этот маневр стал полной неожиданностью для Вильруа и был воспринят как попытка атаковать его лагерь. Французы всю ночь простояли под ружьем и, наконец, выяснив истинное намерение Мальборо, бросились за ним вдогонку (Murey, 1845, p. 124; Pelet, Vault, 1838, pp. 61–62).

Инициатива медленно, но верно утекала из рук голландцев. Поняв, что действия Кохорна и Спаара нарушили координацию внутри единой группировки, французы решили воспользоваться оплошностью врага. На этот раз целью был выбран неосмотрительно выдвинувшийся к Антверпену Опдам.

Тем временем Мальборо форсированным маршем спешил к Антверпену. 30-го он был уже между Берингеном и Курселем. В переписке главнокомандующего этих дней сквозят тревожные настроения: «Вот уже пятый день, как мы находимся в движении и ни разу не вставали на привал ранее одиннадцати или двенадцати ночи... Сегодня я вынужден предоставить измученным солдатам отдых. Мне самому отдыхать некогда, так как организация дальнейшего марша поглощает всё мое внимание...» (Soxe, 1905, p. 122).

2 июля Мальборо становится известно о действиях Кохорна и Спаара. Он пишет Годольфину: «Вы видите из моих последних писем, что мы безостановочно спешим в Брабант. Герцог Вильруа со всей своей армией, вынужден делать то же самое... Если Опдам не будет настороже, его могут разбить прежде, чем мы сможем ему помочь... Я вовремя предупредил его, и если он не отступит, то вся вина будет лежать только на нём одном...»

P. S.: Пока я запечатывал это письмо, получено печальное сообщение из Бреды: Опдам разгромлен... По правде говоря, этот генерал просто создан для того, чтобы с ним случались подобные глупости» (Murey, 1845, pp. 129–133).

Действительно, его худшие предчувствия оправдались. На этот раз французы действовали молниеносно. Маршал Буффлер стянул к Дисту 30 рот гренадеров, 15 эскадронов кавалерии и двинулся на север, на помощь Бедмару. Прекрасно организованный марш, без сомнения, являлся образцом мастерства в духе Тюренна и Фридриха Великого. За день 29 июня было пройдено более 50 км, и в полночь усталый корпус вступил в полевой лагерь Бедмара. 30 июня объединенное войско проследовало через северные ворота Антверпена и, не замеченное неприятелем, стремительно двинулось на Эккерен. Отдельный корпус должен был отрезать пути отхода голландцев на Лилло. Хотя накануне Опдам был предупрежден Мальборо, он ограничился лишь отправкой личного багажа в тыл. До последнего момента он не верил в очевидное. Узнав, что противник наступает крупными силами, полагая, что всё поте-

ряно, Опдам бросил войска на произвол судьбы и бежал в Бреду (Soxe, 1905, pp. 123–124) [Churchill, 1947, pp. 665–667].

Известие о разгроме вызвало в Гааге настоящую панику. В полночь было созвано чрезвычайное заседание депутатов Соединенных Провинций для обсуждения чрезвычайных мер по обороне Берген-оп-Зума и других приграничных городов. Но только депутаты приступили к работе, как поступили вести, что всё не так катастрофично.

Оказывается, после исчезновения Опдама командование на себя принял генерал Слангенберг. Искусно используя местность, он смог отразить неприятеля и отвел порядком потрепанный корпус к Лилло. Потери голландцев составили 4 000 убитыми и ранеными и 800 пленными. Потери французов и испанцев составили 132 офицера и 1 067 рядовых [Chandler, 1905, p. 117].

Об итогах битвы можно судить из доклада маршала Буффлера Людовику XIV: «Вчера, Сир, произошла очень упорная и решительная битва... в которой армия Вашего Величества добилась убедительной победы, изгнав врага из его лагеря, оставшись полным хозяином на поле битвы, захватив 4 пушки, 2 мортиры, тыловое имущество и всё военное снаряжение, несколько знамён и штандартов, а также более 300 повозок и множество оружия» (Pelet, Vault, 1838, pp. 77–78). Правда, были и другие, более взвешенные оценки. Например, граф Мерод-Вестерлоо, командовавший испанской пехотной бригадой, скептически оценивал исход боя: «Мы... могли бы взять в плен всю голландскую армию, не потеряв и сотни наших людей, если бы предусмотрительно заняли дамбы своей артиллерией и под угрозой полного уничтожения вынудили бы их сложить оружие» (Chandler, 1968, p. 152).

Эккерен не только не обескуражил Мальборо, но и, наоборот, сделал его еще более целеустремленным и собранным. Чтобы преодолеть пораженческие настроения голландцев, Мальборо пытается ободрить и воодушевить их. Его письмо другу, великому пенсионарию Гейнзиусу, просто дышит оптимизмом: «Я не могу не выразить своего удовлетворения тем, что теперь, когда, наконец, наши армии объединены, мы не можем проиграть... Обе армии встанут рядом и одновременно атакуют их линии... Все офицеры согласны со мной, если французы будут оборонять рубеж между Антверпеном и Лиром, имея за спиной реку, им некуда будет отступать. С другой стороны, если они оставят укрепленную линию и уйдут, то Антверпен станет не более чем лёгкой добычей. Так примите же, наконец, решение! Достоинство или бесславно завершим мы эту кампанию, зависит только от Вас» (Hoff, 1951, pp. 77–78).

Дар убеждения, настойчивость и обаяние герцога и на этот раз сыграли свою роль. Невероятными усилиями ему удалось сломить сопротивление голландского генералитета. И 23 июля объединенная союзная армия была готова атаковать французов у Сен-Джоба. Она состояла из 85 батальонов и 150 эскадронов – беспрецедентная по численности сила под единым командованием. В три часа ночи герцог во главе своей кавалерии уже был на окраине Антверпена, где соединился с передовыми отрядами голландцев, подходивших со стороны Лилло. Выдвижение войск на рубежи шло полным ходом, когда из передового охранения сообщили, что противник отступает назад, под защиту укрепленных линий. Вильруа не принял боя и вновь ускользнул из-под удара (Pelet, Vault, 1838, p. 94) [Churchill, 1947, p. 671].

Пришлось вновь собирать военный совет, чего Мальборо опасался больше всего. Он проходил в напряженной, пронизанной взаимными претензиями атмосфере. Недавнее поражение обострило скрытую ревность генералов друг к другу, зазвучали взаимные обвинения, вспыхнула ссора. Опдам спешил оправдать свое малодушие. Слангенберг, герой Эккерена, вел себя подчеркнуто высокомерно. «Я с сожалением был вынужден прекратить военный совет, – вспоминал Мальборо, – приказав, чтобы каждый из них изложил своё мнение в письменном виде до девяти часов завтрашнего утра. Душевная опустошенность и телесное изнеможение – вот всё, что я чувствую. Следует смотреть правде в глаза, конечно же, французы вновь избегут разгрома. Придётся вернуться назад, на Маас, и начать всё сначала» (Soxe, 1905, p. 127).

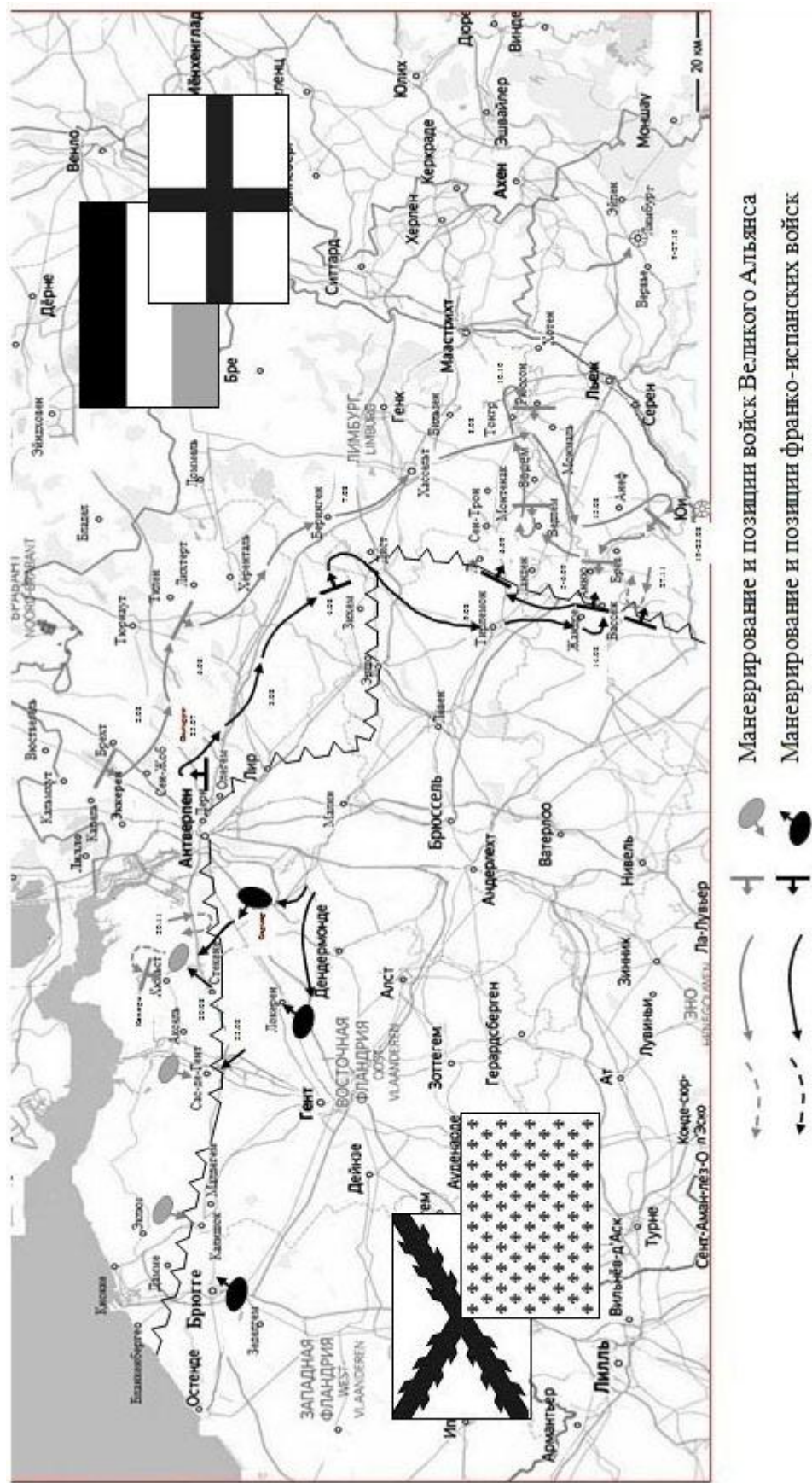

Рис. 2. Кампания 1703 года в Нидерландах (август – декабрь) [Pelet, 1836, p. 2]

Fig. 2. The Campaign of 1703 in the Netherlands (August – December) [Pelet, 1836, p. 2]

2 августа союзная армия снялась с лагеря Кальмтаут и двинулась в юго-восточном направлении (рис. 2). Возвращение на Маас проходило прежними знакомыми маршрутами. Французы выжидали, не заманивает ли их герцог как можно дальше от Антверпена. Только 3 августа Вильруа окончательно удостоверился в истинном намерении союзников и бросился в погоню за Мальборо.

И Людовик XIV, и Вильруа предполагали, что главной целью союзников является Юи. Король писал своему фавориту 6 августа: «Что касается Юи, вы знаете его стратегическую важность и печальные последствия, которые повлечет его потеря. Но я не поверю, что враг сумеет осадить город, пока армия, которой вы командуете, находится рядом...» [Chandler, 1973, p. 118].

Сомнений больше не осталось, когда от Борклуна Мальборо взял курс напрямик на Юи. Французы ответили тем, что оседлали высоты вокруг города, чтобы воспрепятствовать осадным работам. 15 августа Мальборо занял позиции у Винамонта, фронтом на северо-запад, прикрывая осадные работы. Сам город был занят двумя днями позже, но его форты, расположенные на окружающих город отвесных скалах, держались до 24 августа. Дольше всех сопротивлялась цитадель. Она подверглась мощному обстрелу из 70 осадных орудий и 46 тяжелых мортир. 25 августа во внешнем обводе зияла огромная брешь. Несмотря на это, гарнизон отказался сдаться и отважно отбил два штурма. Потери с обеих сторон были тяжелыми. Наконец, видя безнадежность, комендант сам предложил капитуляцию на почетных условиях (Pelet, Vault, 1838, p. 118).

После взятия Юи встал вопрос, что делать дальше. Несмотря на настойчивые призывы Мальборо атаковать противника, было решено ограничиться осадой Лимбурга, второстепенного и слабо укрепленного города. Его осада проходила планомерно и методично. Осадный корпус выступил от Ханеффа и три дня спустя блокировал город. Главные силы прикрывали осадную операцию, развернувшись у Сен-Трона. Траншеи перед крепостью были открыты 14 сентября. Гарнизон отвечал дерзкими вылазками, нанося осаждающим большой урон. Наконец, 26 сентября заговорила тяжелая артиллерия, и на следующий день гарнизон был вынужден сдаться на милость победителей.

С наступлением осенней распутицы боевая активность стала постепенно замедляться, и в ноябре войска разошлись по зимним квартирам. Можно было подводить итоги кампании. Явного перевеса ни одна из сторон достичь не смогла. Франко-испанские силы смогли удержать Брабант и Фландрию. В свою очередь, англо-голландская сторона овладела Бонном, Юи, Лимбургом и Гельдерном, обеспечив свои коммуникации по Рейну и Маасу. И Людовику XIV, и Великому Альянсу ничего не оставалось, кроме как надеяться на более благоприятные перспективы следующего 1704 г.

В ходе военных действий в Нидерландах проявились типичные черты военного искусства данной эпохи.

Кампания проводилась в соответствии с позиционными канонами военного искусства начала XVIII в. При подготовке и в ходе боевых действий приоритетной целью являлись территории или районы. Поэтому важное место в тактике уделялось крепостям, господствующим высотам и рубежам рек. В этой кампании такими объектами были Бонн, Антверпен, Остенде, Юи, Брабантская укрепленная линия, р. Шельда. За обладание ими разворачивалась упорная борьба.

Важной частью военного искусства становится военная логистика. Стратегическое значение приобретает тыл и всестороннее снабжение действующей армии. Густонаселенные районы с развитой инфраструктурой, обильные луга и поймы рек, войсковые магазины, дороги занимают важное место при планировании операций. Стратегическими коммуникациями в этой кампании выступали Рейн, Маас и Шельда.

Военные действия характеризуются пассивностью и ограниченностью оперативных целей. Несмотря на численное превосходство, англо-голландское командование решительной атаке предпочитает осадную войну и маневр. Бой как тактическая форма уступает место ме-

тодичному вытеснению противника из занимаемого района. Мальборо и Вильруа прибегают к демонстрациям, рейдам и диверсиям с целью ввести противника в заблуждение, отвлечь или сорвать его замысел.

Список литературы

- Беспалов А. В.** Сражение при Альмансе 25 апреля 1707 года. Бурбоны против Габсбургов // Изв. Смоленск. ун-та. 2012. № 3. С. 150–167.
- Великанов В. С.** Савойское герцогство в войне за Испанское наследство // Воин. 2005. № 2. С. 20–25.
- Голицын Н. С.** Великие полководцы истории. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1875. Т. 2. 222 с.
- Ивонина Л. И.** Война за испанское наследство. М.: Росконсульт, 2009а. 288 с.
- Ивонина Л. И.** Война за наследство в Испании // Вопросы истории. 2009б. № 1. С. 3–20.
- Ивонина Л. И.** Битва при Мальплаке 11 сентября 1709 года // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 216–222.
- Ивонина Л. И.** Герцог Мальборо: человек, полководец, политик. М.: Ломоносовъ, 2019. 264 с.
- Ивонин Ю. Е.** Евгений Савойский // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 48–69.
- Кутищев А. В.** Герцог Мальборо и его время. М.: Кучково поле, 2012. 544 с.
- Марков М. И.** История конницы. Тверь: Типо-литография Ф. С. Муравьева, 1887. Кн. 3. 480 с.
- Махов С. П., Созаев Э. Б.** Борьба за испанское наследство. М.: Вече, 2010. 352 с.
- Михневич Н. П.** История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. 539 с.
- Пузыревский А. З.** Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб.: Тип. Балашова, 1889. 348 с.
- Свечин А. А.** Эволюция военного искусства. М.; Л.: Госиздат, 1929. 400 с.
- Alison A.** The Life of John Duke of Marlborough with Some Account of his Contemporaries and of the War of the Succession. Edinburg and London, William Blackwood and Sons, 1855, vol. 1, 484 p.
- Chandler D.** Marlborough as a Military Commander. London, Charles Scribner's Sons, 1973, 416 p.
- Churchill W. S.** Marlborough, his Life and Time. London, Georg G. Harrap and Co Ltd., 1947, vol. 1, 1054 p.
- Falkner J.** Marlborough's Sieges. Brimscombe, Spellmount Ltd, 2007, 268 p.
- Pelet J. J. G.** Atlas des mémoires militaires relatifs a la succession d'Espagne sous Louis XIV. Paris, Imprimerie Royale, 1836, 161 p.

Список источников

- Chandler D.** (ed.). Robert Parker and Comte de Merode-Westerloo. London, Longmans, Green and Co Ltd, 1968, 276 p.
- Coxe W.** Memoirs of the Duke of Marlborough with Original Correspondence. A New Edition, Revised by John Wade. London, Georg Bell and Sons, 1905, vol. 1, 567 p.
- Hoff B. van't.** (ed.). The Correspondence 1701–1711 of John Marlborough and Anthonie Heinsius. Utrecht, Kemink en zoon, 1951, 640 p.
- Murrey G.** (ed.). The Letters and Dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough from 1702 to 1712. London, John Murrey, Albemarle Street, 1845, vol. 1, 660 p.
- Pelet J. J. G., Vault F. E. de le.** Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Succession d'Espagne. Paris, Imprimerie Royale, 1838, vol. 3, 1070 p.

References

- Alison A.** The Life of John Duke of Marlborough with Some Account of his Contemporaries and of the War of the Succession. Edinburg and London, William Blackwood and Sons, 1855, vol. 1, 484 p.
- Bespalov A. V.** Srazhenie pri Al'manse 25 aprelya 1707 goda. Burbony protiv Gabs burgov [Battle of Almansa on 11 April 1707. Bourbons vs. Habsburgs]. *Izvestiya Smolenskogo universiteta* [*Izvestiya of Smolensk University*], 2012, no. 3, pp. 150–167. (in Russ.)
- Chandler D.** Marlborough as a Military Commander. London, Charles Scribner's Sons, 1973, 416 p.
- Churchill W. S.** Marlborough, his Life and Time. London, Georg G. Harrap and Co Ltd., 1947, vol. 1, 1054 p.
- Falkner J.** Marlborough's Sieges. Brimscombe, Spellmount Ltd, 2007, 268 p.
- Golitsyn N. S.** Velikie polkovodtsy istorii [Great Generals of History]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1875, vol. 2, 222 p. (in Russ.)
- Ivonina L. I.** Voina za ispanskoe nasledstvo [War of the Spanish Succession]. Moscow, Roskonsult Publ., 2009, 288 p. (in Russ.)
- Ivonina L. I.** Voina za nasledstvo v Ispanii [War of the Spanish Succession]. *Voprosy istorii* [*Questions of History*], 2009, no. 1, pp. 3–20. (in Russ.)
- Ivonina L. I.** Bitva pri Malpliake 11 sentyabria 1709 goda [Battle of Malplaquet on 11 September 1709]. *Novaya i noveishaya istoriya* [*New and Contemporary History*], 2010, no. 1, pp. 216–222. (in Russ.)
- Ivonina L. I.** Gertsog Malboro: chelovek, polkovodets, politik [The Duke of Marlborough: Man, General, Politician]. Moscow, Lomonosov Publ., 2019, 264 p. (in Russ.)
- Ivonin Yu. E.** Evgeniy Savoisky [Eugene of Savoy]. *Voprosy istorii* [*Questions of History*], 2006, no. 6, pp. 48–69. (in Russ.)
- Kutishchev A. V.** Gertsog Malboro i ego vremya [The Duke of Marlborough and his Time]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012, 544 p. (in Russ.)
- Markov M. I.** Istoriya konnitsy [History of the Cavalry]. Tver, Tipo-litografiya F. S. Muraveva, 1887, vol. 3, 480 p. (in Russ.)
- Makhov S. P., Sozaev E. B.** Bor'ba za ispanskoe nasledstvo [The War of the Spanish Succession]. Moscow, Veche, 2010, 352 p. (in Russ.)
- Mikhnevich N. P.** Istoriya voennogo iskusstva s drevneishikh vremen do nachala devyatnadsatogo stoletiya [The History of the Art of War from the Ancient Times to the Beginning of the 19th Century]. St. Petersburg, Parovaya skoropechatnya P. O. Yablonskogo, 1896, 539 p. (in Russ.)
- Pelet J. J. G.** Atlas des mémoires militaires relatifs a la succession d'Espagne sous Louis XIV. Paris, Imprimerie Royale, 1836, 161 p.
- Puzyrevsky A. Z.** Razvitie postoyannykh regul'yarnykh armii i sostoyanie voennogo iskusstva v vek Lyudovika XIV i Petra Velikogo [The Development of Permanent Regular Armies and the State of the Art of War in the Age of Louis XIV and Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografiya Balashova, 1889, 348 p. (in Russ.)
- Svechin A. A.** Evolyutsiya voennogo iskusstva [The Evolution of the Art of War]. Moscow, Lenin-grad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929, 400 p. (in Russ.)
- Velikanov V. S.** Savoiskoe gertsogstvo v voine za Ispanskoe nasledstvo [The Duchy of Savoy in the War of the Spanish Succession]. *Voin* [*Warrior*], 2005, no. 2, pp. 20–25. (in Russ.)

List of Sources

- Chandler D.** (ed.). Robert Parker and Comte de Merode-Westerloo. London, Longmans, Green and Co Ltd, 1968, 276 p.

- Coxe W.** Memoirs of the Duke of Marlborough with Original Correspondence. A New Edition, Revised by John Wade. London, Georg Bell and Sons, 1905, vol. 1, 567 p.
- Hoff B. van't.** (ed.). The Correspondence 1701–1711 of John Marlborough and Anthonie Heinsius. Utrecht, Kemink en zoon, 1951, 640 p.
- Murrey G.** (ed.). The Letters and Dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough from 1702 to 1712. London, John Murrey, Albemarle Street, 1845, vol. 1, 660 p.
- Pelet J. J. G., Vault F. E. de le.** Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Succession d'Espagne. Paris, Imprimerie Royale, 1838, vol. 3, 1070 p.

Информация об авторе

Александр Васильевич Кутищев, кандидат исторических наук

Information about Author

Alexander V. Kutishchev, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 15.07.2021;
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021
The article was submitted 15.07.2021;
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 94(437)«654»

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-22-36

**«Кадры решают всё!»:
профессиональные траектории первых сотрудников
Высшей экономической школы в Праге
(1950-е годы)**

Михаил Владимирович Ковалев¹
Павел Соби²

¹ Институт всеобщей истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация

¹ Архив Российской академии наук
Москва, Российская Федерация

² Карлов университет
Прага, Республика Чехия

¹ kovalevmv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4722-818X>

² pavel.szobi@fsv.cuni.cz, <https://orcid.org/0000-0001-8468-3715>

Аннотация

Рассматривается история создания в Праге в 1950-х гг. Высшей экономической школы сквозь призму профессиональных траекторий ее первых преподавателей. Это учебное заведение, открытое на волне активной советизации чехословацкой науки и образования, мыслилось как кузница новых управленческих и научных кадров. На основе сохранившихся источников авторы пытаются выявить, из каких учреждений был набран педагогический состав в момент создания Школы в 1953 г., какие области науки они представляли, кем были представители администрации, какое место занимали в чехословацкой научной, политической и общественной жизни. В статье делается вывод, что профессиональные траектории многих преподавателей, начинавших как убежденные коммунисты, вывели их на путь критики догматического марксизма.

Ключевые слова

Чехословакия, Высшая экономическая школа, советизация, карьерные пути, экономическое образование

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 20-78-10053

Для цитирования

Ковалев М. В., Соби П. «Кадры решают всё!»: профессиональные траектории первых сотрудников Высшей экономической школы в Праге (1950-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 22–36. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-22-36

© Ковалев М. В., Соби П., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 22–36

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 22–36

“Employees Make the Difference!”: Career Trajectories of First Employees of the Higher School of Economics in Prague (1950s)

Mikhail V. Kovalev¹

P. Szobi²

¹ Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ Archive of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

² Charles University
Prague, Czech Republic

¹ kovalevmv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4722-818X>

² pavel.szobi@fsv.cuni.cz, <https://orcid.org/0000-0001-8468-3715>

Abstract

The article studies the history of establishing the Prague Higher School of Economics in the 1950s and the career trajectories of first employees. This educational institution, opened during the active campaign of Sovietization of Czechoslovak science and education, considered by the Soviet authorities as a forge of new administrators and scholars. The article concludes by arguing the enormous role played by the staff members of the Higher School of Political and Economic Sciences in the establishing of the Higher School of Economics. It also notes the prominent role of staff members who came from the Czech Higher Technical School. Paradoxically, despite the active Sovietization the real influence of Soviet specialists on the work of the Higher School of Economics was very insignificant. The authors show that in the 1950s the process of staffing has not been completed yet. The shortage of staff was one of the reasons for the rapid progress of some persons up the career ladder. The establishment of the Higher School of Economics, on the one hand, marked the development of a new major ideological center of socialist Czechoslovakia. On the other hand, the study of the career paths of its first employees shows that the process of growing new elites went far beyond the preset frameworks, turned out to be more complicated than, for example, similar processes in the USSR in the 1920s – 1930s. The article finds out that the professional trajectories of many persons, who started out as passionate communists, will lead them on the path of criticism of dogmatic Marxism. Among the young employees were those who later enthusiastically joined the economic reforms’ movement of the 1960s and glorified the Prague Spring.

Keywords

Czechoslovakia, Higher School of Economics, Sovietization, career paths, economic education

Acknowledgements

The paper was prepared as part of the RSF grant no. 20-78-10053

For citation

Kovalev M. V., Szobi P. “Employees Make the Difference!”: Career Trajectories of First Employees of the Higher School of Economics in Prague (1950s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 22–36. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-22-36

Высшая экономическая школа в Праге (*Vysoká škola ekonomická v Praze*) в наши дни является крупнейшим специализированным высшим учебным заведением Чешской Республики в области общественных и гуманитарных наук. С момента своего создания в 1953 г. она мыслилась как место подготовки высококвалифицированных управленческих кадров. Не случайно, что ее выпускниками являются два чешских президента – Вацлав Клаус и Милош Земан, премьер-министры – Иржи Пароубек, Ян Фишер и Йозеф Тошовский, а также множество других влиятельных политиков, ученых и предпринимателей. Развиваясь на фоне исторических трансформаций второй половины XX в., пережив смену политических режимов и идеологических моделей, Высшая экономическая школа (далее ВЭШ) в начале XXI в. сумела доказать свою конкурентоспособность и высокий статус одного из лучших экономических учебных заведений Центральной и Восточной Европы.

В современной историографии уделяется всё большее внимание истории этого учебного заведения, что связано с попытками проанализировать пути развития высшего образования и науки в социалистической Чехословакии. ВЭШ дает чрезвычайно обширный материал для изучения подобных процессов, тем более что первые годы ее работы были напрямую связаны с советизацией интеллектуальной жизни.

Фундаментальная проблема изучения истории ВЭШ заключается в острой нехватке источников за социалистический период, поскольку почти все личные дела сотрудников были утрачены: погибли во время наводнений в хранилищах, были частично отправлены на переработку или же отданы на руки после Бархатной революции 1989 г. Материалы о подготовке открытия ВЭШ и первых годах ее работы, чрезвычайно важные для понимания процессов советизации, не сохранились. К сожалению, нехватка источников не всегда позволяет установить даже точные даты приема на работу и ухода с нее преподавателей, а уж тем более оценить их профессиональную подготовку, выявить социальное происхождение, членство в партии и общественных организациях и др. Между тем анализ кадрового вопроса представляется исключительно значимым, ведь ВЭШ создавалась для формирования новой политической, управленческой и научной элиты. Эти задачи предполагали разрыв с предшествующей интеллектуальной традицией Первой республики. Потому необходимо понять, каким образом подбирались преподавательские штаты, перед которыми ставились новые идеологические задачи. Написание коллективного портрета первых преподавателей ВЭШ, начавших работу там в 1950-е гг., дает возможность посмотреть на механизмы решения кадровых вопросов в сфере высшего образования и науки, показать общие и особенные черты в профессиональной подготовке, ценностных установках и мировоззрении представителей новых элит. Осмысление профессиональных траекторий первых преподавателей ВЭШ позволяет глубже осознать, насколько успешным с точки зрения тогдашней идеологии был процесс создания новых элит и как представители этих элит проявили себя в истории социалистической Чехословакии.

ВЭШ создавалась в то время, когда высшее образование уже подверглось радикальной трансформации со стороны Коммунистической партии Чехословакии (далее КПЧ). После февраля 1948 г. руководство КПЧ в своей образовательной политике стало в полной мере опираться на советский лозунг «Кадры решают всё» [Pavka, 2003]. Поэтому решающее внимание уделялось кадровому вопросу. На момент основания ВЭШ в чехословацких университетах уже всюду проводились идеологические проверки и завершалось изгнание «реакционных студентов и преподавателей». Партия сосредоточила задачи на воспитании так называемых новых интеллектуалов. Предпочтение в получении образования отдавалось теперь выходцам из рабочих семей, для которых выделялись специальные квоты [Maňák, 2004, s. 137, 141; Knapík, 2000, s. 74; Blažek et al., 2004; Kalinová, 2007, s. 171]. В то же время эти квоты начали порождать последующее неравенство, когда новая элита взяла под контроль все ресурсы и институционализировала полученные привилегии. У нее возникли возможности обеспечить образовательные преимущества и для своих потомков [Simonová, 2011, s. 49]. Аналогичные явления легко обнаруживаем и в СССР, разумеется, со своей спецификой. Можно сказать, что в социалистической Чехословакии в конце 1940-х – 1950-х гг. в ходе «отрицательной селекции» происходило освобождение от «реакционных» и «буржуазных» кадров, а в ходе «положительной селекции» пытались создать новых специалистов [Matějů et al., 2004; Connolly, 2008, s. 306].

После освобождения Чехословакии в 1945 г. преподаватели экономики и смежных дисциплин получили возможность возобновить свою работу на юридических факультетах Карлова университета в Праге и Масарикова университета в Брно, на двух отделениях Чешского высшего технического училища (далее ЧВТУ) – в Высшей торговой школе и Высшей школе специальных наук. Кроме того, 26 октября 1945 г. в Праге начала свою работу Высшая политическая и социальная школа, ставшая первым высшим учебным заведением в Чехословакии, специализирующимся на общественных науках. Однако подготовка экономистов нача-

лась и в новых вузах, создаваемых коммунистами, как, например, в Центральной политической школе. После февральских событий 1948 г. коммунисты в числе первых шагов реорганизовали именно высшее экономическое образование. Во-первых, они ограничили преподавание экономики на юридическом факультете в Праге и ликвидировали юридический факультет Масарикова университета, закрыли Высшую политическую и социальную школу в Праге и, наконец, Высшую торговую школу ЧВТУ [Devátá, Olšáková, 2010, s. 163] (Hájek, 1997, s. 179). Последняя, правда, была не ликвидирована, но преобразована в Высшую школу экономических наук¹.

Тогдашнее руководство КПЧ, особенно генеральный секретарь Рудольф Сланский (1901–1952), решило, что экономические дисциплины теперь будут преподаваться в совершенно новом учреждении – созданной в 1949 г. в Праге Высшей школе политических и экономических наук (далее ВШПЭН). Фактически она пришла на место упраздненной Высшей политической и социальной школы. Ректором нового учебного заведения был назначен ведущий коммунистический идеолог, сталинист и дилетант в науке Ладислав Штолль (1902–1981)², который даже не имел высшего образования (Šik, 1990, s. 80, 90–91; Hájek, 1997, s. 179) [Měchůř, 2003, s. 163; Connolly, 2008, s. 38; Devátá, Olšáková, 2010, s. 205]. Он фактически передал управление Школой проректору, юристу, молодому функционеру Иржи Гаеку (1913–1993), ставшему впоследствии министром иностранных дел и одним из идеологов Пражской весны. Именно в этом учебном заведении оказались ключевые представители марксистской политической экономии и будущие главные должностные лица в ВЭШ – Феликс Олива (1897–1977), Владимир Седлак (1913–1986) и Эдуард Линк (1907–1970). ВШПЭН, которой оказывали прямую поддержку партийные власти, в реалиях того времени давала относительно качественное экономическое образование. Ситуация коренным образом изменилась во второй половине 1951 г., когда Сланский лишился влияния и был арестован. В образовательной политике началась кампания против его наследия, в результате которой будет упразднена ВШПЭН (Sedlák, 1953, s. 184; Hájek, 1997, s. 197–198) [Knapík, 2000, s. 182; Závodský, 2003, s. 56]³.

Реорганизация высшего экономического образования, которое некогда курировал Сланский, проводилась напрямую Министерством образования, что свидетельствовало о потере влияния соответствующего отдела ЦК КПЧ [Connolly, 2008, s. 421–422]. Именно оно предложило, чтобы «нынешняя Высшая школа политических и экономических наук была преобразована в Высшую экономическую школу, в то время как изучение общественных наук и управления следует перенести на соответствующие факультеты Карлова университета, изучение международных дисциплин, связанных в большей степени с потребностями нашего министерства иностранных дел, разумно начать в специальной высшей школе» [Morkes, 2002, s. 59; Devátá, Olšáková, 2010, s. 179]. Постановлением правительства от 19 августа 1952 г., вступившим в силу с 1 сентября 1953 г., экономический факультет ВШПЭН был преобразован в ВЭШ. Гарантами этой реорганизации выступили профессор Седлак, ставший первым ректором, и профессор Олива, занявший своего рода пост главного научного и идеологического контролера⁴. Седлаку вообще крупно повезло, так как еще весной 1952 г. он был арестован по делу Сланского и лишь по ходатайству коллег перед министром информации Вацлавом Копецким был освобожден (Hájek, 1997, s. 193–194).

¹ Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO/VŠVH. Kart. 1, 1950–51. Zápisy ze schůzí fakultní rady; Kart. 1. 6. složka, 1951–1952. Protokoly ze schůzí profesorského sboru. Поскольку в чешской архивной практике, в отличие от российской, не предусмотрена сквозная постраничная нумерация в архивных делах, то ссылки здесь и далее даются только на использованную документальную единицу в целом.

² Один из современников назвал Штолля «антихристом» («falešný Kristus») (Knapp, 1998, s. 111).

³ Увольнением людей в ходе дела Сланского занимался Богумил Муха, возглавивший затем Отдел образования и науки ЦК КПЧ (Císař, 2005, s. 375).

⁴ Choma D. O životě na několika stránkách // Centrum pro dějiny VŠE: Životopisy a vzpomínky. 2013. URL: <http://dejiny.vse.cz/biografie/seznam/choma-dimitrij-prof/> (дата обращения 20.03.2021). О процессе организации ВЭШ см. подробнее: [Urban, 1958, S. 131; Koudela a kol., 1989, s. 12; Maňák, 2004, s. 145; Stellner, Szobi, 2013, s. 307–315].

С 1 сентября 1953 г. ВЭШ начала свою работу со штатом в 193 преподавателя, в числе которых было четыре профессора и 16 доцентов⁵. В ее составе было образовано пять факультетов: общей экономики, экономики производства, внутренней торговли (вскоре ставший факультетом внутренней и внешней торговли), финансов и кредита, статистики. Преподавателей ВЭШ 1950-х гг. можно попытаться поделить на несколько категорий: 1) выходцы из ВШПЭН; 2) преподаватели ЧВТУ; 3) сотрудники прочих университетов; 4) практики, в том числе из сферы государственного управления; 5) сотрудники НИИ; 6) иностранцы.

Основной костяк преподавателей составили бывшие работники ВШПЭН. Во всяком случае, практически все руководящие кадры нового учебного заведения происходили оттуда. Присмотримся к ним внимательнее. Первым ректором нового вуза стал последний декан экономического факультета ВШПЭН экономист Седлак. На этом посту он пробудет вплоть до 1966 г. В начале 1950-х гг. он также некоторое время работал заведующим кафедрой экономического планирования ЧВТУ⁶ и одновременно исполнял обязанности заместителя министра внутренней торговли. Позже он стал директором Исследовательского института экономики труда на факультете общей экономики ВЭШ и членом экономической комиссии при ЦК КПЧ⁷. К числу выходцев из ВШПЭН относятся и два других ректора ВЭШ – С. Градецкий и В. Шилган.

Станислав Градецкий (1928–2014) учился в ВШПЭН в 1949–1953 гг. и в студенческие годы занимал пост секретаря факультетского комитета Чехословацкого союза молодежи. На работу в ВЭШ он поступил 1 ноября 1953 г.⁸ В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию о проблемах сбыта вальцованного материала. В 1964 г. прошел хабилитационную процедуру⁹ по теме «Проблемы развития и управления запасами» и стал доцентом (с 1972 г. – профессор). С 1970 по 1985 г. Градецкий будет занимать пост ректора ВЭШ, т. е. в пору так называемой «Нормализации». Уйдя с этой должности, он получит назначение в Москву как представитель ЧССР при СЭВ и проработает там до 1990 г.

Иной была жизненная траектория другого ректора – профессора Венека Шилгана (1927–2009). Окончив в 1952 г. ВШПЭН, он был сразу принят ассистентом на кафедру экономики промышленности. Оттуда в сентябре 1953 г. переведен на работу в только что созданную ВЭШ. Почти сразу, 28 сентября 1953 г., как перспективный молодой ученый Шилган был направлен в СССР для обучения в целевой аспирантуре Ленинградского финансово-экономического института¹⁰. 4 января 1957 г. под научным руководством профессора С. Д. Ратнера он защитил диссертацию «Вопросы ускорения и удешевления строительства тепловых электростанций в Чехословакии» (Шилган, 1956)¹¹. Вернувшись из СССР со степенью кандидата экономических наук, он прошел процедуру хабилитации и был назначен доцентом. Шилган быстро продвинулся по карьерной лестнице, стал директором НИИ экономики промышленности и строительства в ВЭШ, проректором, профессором (с 1966 г.) и членом экономической комиссии ЦК КПЧ¹². Он участвовал в разработке экономических реформ в группе Оты Шика. В конце 1960-х гг. Шилган стал одним из ведущих деятелей Пражской

⁵ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60. Однако некоторые авторы неточно говорят о четырех профессорах и 22 доцентах в 1953 г. [Mach, Průcha, 2003, s. 65].

⁶ Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO/VŠVH. Kart. 1, 1950–51. Zápisy ze schůzí fakultní rady.

⁷ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

⁸ Ibid.

⁹ В чешской традиции процедура хабилитации (habilitace) является неотъемлемым атрибутом академической карьеры. Она сохранялась даже в социалистический период и следовала после защиты кандидатской диссертации. Суть заключалась в представлении специальной комиссии работы или цикла работ по определенной научной проблеме. Прохождение процедуры являлось необходимым условием для получения звания доцента, а также ступенью к обретению в будущем профессорской. С 1969 г. звание доцента в Чехословакии в некоторых случаях разрешали присваивать по совокупности заслуг, без прохождения процедуры хабилитации. Это правило было отменено в 1990 г.

¹⁰ ЦГАСПб. Ф. Р-2617. Оп. 5. Д. 629. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 50–53.

¹² Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

весны. Именно он вел заседания «Высочанского съезда» КПЧ 22 августа 1968 г., осудил оккупацию и потребовал освобождения арестованных чехословацких руководителей. Тогда же он был избран заместителем секретаря ЦК КПЧ. Подавление Пражской весны и принудительное свертывание реформ ознаменовали конец университетской карьеры Шилгана. После изгнания из ВЭШ в 1970 г. ему пришлось зарабатывать на жизнь физическим трудом. Возвращение в публичную сферу произошло после Бархатной революции 1989 г., когда он стал ведущим представителем Гражданского форума. В 1990 г. Шилган вернулся к работе в ВЭШ как «реабилитированный», а 15 февраля 1990 г. был избран ректором, причем во многом по просьбе студентов. «В то время ему пришлось решать и неприятные кадровые проблемы, особенно с несколькими действующими сотрудниками госбезопасности. Однако его идеи о дальнейшем концептуальном развитии ВЭШ не нашли достаточной поддержки среди преподавателей, и через год Венек Шилган решил покинуть пост ректора», – отметил его биограф¹³. На ректорском посту профессор пробыл совсем недолго – до 31 января 1991 г.

Биографии трех ректоров – выходцев из ВШПЭН – в полной мере отражают драматические зигзаги истории социалистической Чехословакии, равно как порождаемые этими зигзагами ситуации политического и морального выбора.

Помимо первого ректора, профессора Седлака, ключевой фигурой в создании ВЭШ в 1953 г. стал профессор Олива, который взял на себя руководство наиважнейшей кафедрой политической экономии. Он имел решающее слово при проведении процедур хабилитации, а сам стал первым преподавателем, получившим в 1956 г. ученую степень доктора экономических наук (DrSc.)¹⁴. Позже профессор Олива сделался членом Экономической комиссии при ЦК КПЧ. Вершиной официального признания стало его избрание в академики Чехословацкой АН в 1973 г. На протяжении всей своей преподавательской, административной и научной деятельности он оставался убежденным коммунистом, догматиком и противником всяких экономических реформ¹⁵ (Šik, 1990, s. 93; Кнарп, 1998, s. 134) [Knapík, 2000, s. 26, 45; Řezník, 2003; Beran, 2005, s. 124, 139]. Нелицеприятный облик Оливы нарисовал в своих мемуарах А. Кольман, назвавший его «бездарным консерватором, выступившим даже в 60-х годах со статьей против применения математических методов в политэкономии» (Кольман, 1982, с. 226). И хотя сам Кольман – фигура более чем спорная, в пору жизни в СССР он запятнал себя участием в репрессиях против выдающихся ученых, на его мнение о коллеге всё же стоит обратить внимание. Олива был горячим пропагандистом советской экономической науки, в частности работ академика Константина Васильевича Островитянова (1892–1969), который был заметной фигурой в официальных советско-чехословацких научных контактах. В 1954 г. он едва ли не первым из советских специалистов выступил в Праге на общем собрании Чехословацкой АН¹⁶, а уже в ноябре 1957 г. был избран ее действительным членом¹⁷. Именно Островитянов в 1958 г. стал председателем Общества советско-чехословацкой дружбы.

Среди иных влиятельных персон в первые годы работы ВЭШ следует назвать декана факультета общей экономики, доцента и члена редакционной коллегии журнала «Политическая экономия» Рихарда Вагнера (1926–?), доцента, заместителя декана Карела Юнгвирта (1913–

¹³ Stellner F. Biografická studie: Šilhán Venek // Centrum pro dějiny VŠE: Životopisy a vzpomínky. 2013. URL: <http://dejiny.vse.cz/biografie/seznam/silhan-venek-prof-ing-csc/> (дата обращения 20.03.2021). См. также: Hoffmann V. Podnikové hospodářství v totalitním systému // Centrum pro dějiny VŠE: Životopisy a vzpomínky. 2013. URL: <https://dejiny.vse.cz/cinnost-centra/biografie-a-vzpominky/zivotopisy-a-vzpominky/hoffmann-vaclav-prof-ing-rcdr-csc-dr-h-c/podnikove-hospodarstvi-v-totalitnim-systemu/> (дата обращения 20.03.2021).

¹⁴ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60. С 1956 г. в Чехословакии на советский манер были введены ученые степени кандидатов и докторов наук.

¹⁵ Stellner F. Felix Oliva // Centrum pro dějiny VŠE: Životopisy a vzpomínky. 2013. URL: <https://dejiny.vse.cz/cinnost-centra/biografie-a-vzpominky/zivotopisy-a-vzpominky/oliva-felix/> (дата обращения 20.03.2021).

¹⁶ К. В. Островитянов сделал доклады «Характер экономических законов социализма и их использование» (АРАН. Ф. 1705. Оп. 1. Д. 17) и «Производство и потребление при социализме» (Там же. Д. 18).

¹⁷ АРАН. Ф. 1705. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–2.

1978), а также проректора, заместителя декана и заведующего кафедрой внешней торговли, профессора Ярослава Никрина (1920–1987)¹⁸. Большинство бывших сотрудников ВШПЭН перешли в новое учебное заведение буквально с первых дней его работы. Среди них был заведующий кафедрой экономической географии Мирослав Блажек (1916–1983)¹⁹, впоследствии ставший профессором и директором Института географии в Брно. Антонин Ходек (?–1985), один из ключевых экономистов 1950-х гг., взял на себя руководство кафедрой основ марксизма-ленинизма, а затем возглавил НИИ при кафедре экономики промышленности [Albrecht, 2000, s. 270]. Впоследствии в 1957 г. он перешел на работу в Философский институт Чехословацкой АН²⁰. Один из сотрудников Ходека так отзывался о нем: «Больной и измученный жизнью коммунистический деятель, не имевший достаточной профессиональной квалификации для этой должности, но он был порядочным человеком, способным мыслить без предубеждений»²¹. С осени 1953 г. приступил к работе философ Йиндржих Зеленый (1922–1997), который в 1955–1956 гг. занимал должность проректора и заведующего кафедрой. В 1959 г. он перешел в Философский институт Чехословацкой АН, стал академиком (1988). Эдуард Линк, заместитель декана экономического факультета ВШПЭН, стал в новом учебном заведении заведующим кафедрой статистики, а затем возглавил кафедру вычислительной и организационной техники [Závodský, 2003, s. 55]²².

Выпускник ВШПЭН 1952 г. Мирослав Тучек (1929–2017) был принят на работу ассистентом в 1953 г. Он быстро продвинулся по служебной лестнице, стал доцентом. С 1958 по 1970 г. он был заведующим кафедрой финансов и кредита, главным редактором журнала «Финансы и кредит»²³. В 1961–1966 гг. Тучек исполнял обязанности проректора. Во второй половине 1960-х гг. он принял активное участие в подготовке экономических реформ, за что уже в период «Нормализации» поплатился карьерой. Тучек был вынужден покинуть ВЭШ и перейти на работу в Чешское страховое общество. Лишь в 1989 г. он смог вернуться к научной работе, став сотрудником Института прогнозирования Чехословацкой АН. В 1990-е гг. Тучек вернется к работе в ВЭШ, основав кафедру банковского дела и страхования, став ее первым заведующим.

Экономист и автор теории целостных инноваций Франтишек Валента (1928–2002) также пришел в ВЭШ как недавний выпускник ВШПЭН. В 1962 г. он защитил кандидатскую диссертацию, в 1963 г. стал доцентом. В 1971 г. Валента защитил докторскую диссертацию, а в 1978 г. получил должность профессора [Sirůček, 2016, s. 71–72]²⁴. Он развивал свою карьеру и в период «Нормализации»: стал не только профессором, но и заведующим кафедрой производственной экономики, заместителем декана. В 1981 г. Валента был избран членом-корреспондентом Чехословацкой АН, а в 1988 г. – академиком. Высокий статус подтверждался председательством в Центральном совете Чехословацкого научно-технического общества и должностью вице-президента Чехословацкой АН по общественным наукам (1987–1989). Хотя Валента не был диссидентом, но не был он и догматиком. Примечательно, что он интересовался вопросами экономической эффективности и инноваций, развивал идеи австро-американского экономиста Йозефа Шумпетера [Sirůček, 2005].

С кафедры статистики ВШПЭН пришел в ВЭШ на работу ассистентом Бенедикт Корда (1914–2010). Он довольно быстро прошел процедуру хабилитации, стал заведующим кафедрой статистики, а затем кафедрой эконометрии, заместителем декана и профессором (1961). Примечательно, что если в конце 1940-х гг. в чехословацких высших школах преподавание

¹⁸ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Kubr M. Po šedesáti letech: Pionýrská léta VŠE očima přímého účastníka // Centrum pro dějiny VŠE: Životopisy a vzpomínky. 2013. URL: <http://dejiny.vse.cz/biografie/seznam/kubr-milan-doc-dr-csc/po-sedesati-letech-pionyrska-leta-vse-ocima-primeho-ucastnika/> (дата обращения 20.03.2021).

²² Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

статистики почти полностью ориентировались на советские образцы, в частности с русского языка переводились специальные учебники, то с середины 1950-х гг. начали формироваться собственные независимые подходы. Интерпретация советских моделей становилась всё более формальной, что было видно и на примере работ Корды [Závodský, 2013, s. 518, 521]. Профессор категорически не принял советскую интервенцию 1968 г. и вместе с семьей эмигрировал в Канаду. Там он продолжил ученую карьеру, работая в Эдмонтонском университете [Stellner, Vokoun, 2013, s. 322–323].

Упомянем еще одного выходца из ВШПЭН – Эмиля Шпалека, который занял в новом учебном заведении должность заведующего кафедрой товароведения. Его случай примечателен тем, что это едва ли не единственный известный пример, когда процедура хабилизации вызвала большие споры, невзирая на явный кадровый голод. Критики рассуждали о том, является ли его исследовательская проблематика – товароведение – самостоятельной научной областью²⁵.

Позже других пришли в ВЭШ иные выпускники ВШПЭН. Среди них – Димитрий Хома (1926–2018), долгое время возглавлявший факультет экономики сельского хозяйства в новом учебном заведении. Он также сделал поступательную научную карьеру: получил ученую степень кандидата экономических наук, звание доцента, защитил докторскую диссертацию (DrSc.) и стал профессором в области экономики сельского хозяйства. Он проработал в ВЭШ до 1990 г.²⁶ Людек Урбан (1927–2013) оказался в штате преподавателей, имея за плечами опыт аспирантуры в Государственном экономическом институте в Москве (1951–1955). Этот фактор считался значительным в 1950-х гг., способствуя продвижению по службе. На новом месте он прошел процедуру хабилизации по политической экономии²⁷. Его прочили в проректоры по научной работе, однако он проработал в ВЭШ недолго, и в 1958 г. ушел в Институт общественных наук при ЦК КПЧ. С 1962 по 1970 г. Урбан работал научным сотрудником Института экономики Чехословацкой АН и даже сумел в это время пройти научную стажировку в Пенсильванском университете в США (1967–1968), что было довольно редким явлением в ту пору. С 1971 по 1989 г. он работал в Центре научной, технической и экономической информации, пока в 1990-х гг. не вернулся к преподавательской работе в Карловом университете и ВЭШ. В 1953–1954 гг. на работу были приняты Вильям Чернянский, прошедший в 1956 г. хабилизацию в области внешней торговли²⁸, Милан Кубр (род. 1930), работавший с 1954 г. на кафедре экономики промышленности (в 1960–1966 гг. был ее заведующим). В 1966 г. Кубр был направлен на работу в Швейцарию в Международную организацию труда и посвятил этой деятельности следующие 25 лет. Он был руководителем Программы управленческого образования, направленной на трансфер знаний из промышленно развитых стран в развивающиеся и поддержку национальных программ по подготовке кадров. После выхода на пенсию в 1991 г. он стал консультантом ряда проектов Всемирного банка, Европейского Союза и ООН²⁹. В частности, в 1992–2000 гг. Кубр принимал участие в программе Всемирного банка «Менеджмент и управление финансами», ориентированной на Россию. В конце 1953 г. на кафедру экономики промышленности перешли Иржи Слама (1929–2000) и Карел Шталмах. С кафедры статистики ВШПЭН перевелся ее основатель Августин Главачек (1921–?), а также Богумил Ржезничек (род. 1929) [Sychelský, 1992, s. 4–5]. Евжен Запотоцкий начал работу на кафедре внешней торговли, затем стал доцентом кафедры экономики развивающихся стран и, наконец, перешел на службу в дипломатические и разведывательные органы. По этим причинам известно о его биографии немного.

²⁵ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

²⁶ Choma D. O životě na několika stránkách...

²⁷ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

²⁸ Ibid.

²⁹ Кубр был автором и редактором большого числа научных публикаций в сфере менеджмента, администрирования и консалтинга, которые переведены на многие языки. Его воспоминания о работе в 1950–1960-х гг. являются важнейшим и довольно объективным историческим источником.

Изученные данные подтверждают высокую значимость ВШПЭН для создания нового учебного заведения. С некоторым преувеличением можно говорить о простом переименовании этого учреждения в Высшую экономическую школу. Подчеркнем, что ВШПЭН, созданная в 1949 г. уже после прихода к власти коммунистов и в пору жесткого сталинизма, мыслится как элитное учебное заведение, которым напрямую руководил Отдел культуры и пропаганды ЦК КПЧ, и лишь частично – профильное министерство. Она ориентировалась на студентов из рабочей среды и стремилась стать «элитным партийным университетом для продвижения научных марксистских исследований» [Devátá, Olšáková, 2010, s. 170]. Там были сосредоточены основные представители марксистской политической экономии, и ее преподавательский штат состоял, разумеется, из проверенных партийцев или беспартийных приверженцев социализма. Потому не могло случиться, чтобы принципиальный противник режима или сторонник иного учения, кроме марксистско-ленинского, попал оттуда на работу в ВЭШ. К моменту ее основания уже имелся определенный резерв кадров, прошедших идеологическую проверку. Потому нет оснований полагать, что ВЭШ институционально продолжала традицию Высшей торговой школы ЧВТУ, уходящую, в свою очередь, корнями во времена Первой республики. Однако не следует увязывать профессиональные траектории первых преподавателей исключительно с ВШПЭН.

Чешское высшее техническое училище, основанное еще в 1707 г. императором Иосифом I, стало важным поставщиком научно-педагогических кадров для нового учебного заведения. Без участия его сотрудников было бы очень сложно поставить преподавание бухгалтерского учета, методологии экономических наук и экономики труда. Ряд преподавателей перешел на работу в ВЭШ именно оттуда. Упомянем Любомира Цигельского (1929–2018), одного из ключевых создателей кафедры статистики (в 1966–1970 гг. он был заместителем декана факультета народного хозяйства, в 1968 г. стал профессором, а в 1976–1985 гг. исполнял обязанности проректора [Sychelský, 1992]), профессора Владимира Рубичека (1930–2005), который позднее возглавил Демографическую лабораторию и основал в 1990 г. специальную кафедру демографии, профессора-статистика и заместителя декана Яромира Вальтера (1923–2001)³⁰. Организаторские задачи также выпали на долю Йозефа Фиалы (1888–1958), который возглавлял кафедру бухгалтерского учета ЧВТУ. Этим же направлением работы он занимался с 1953 г. в ВЭШ³¹. «...В то время он был одним из четырех профессоров на экономическом факультете, что значительно повысило престиж кафедры бухгалтерского учета и подтвердило уникальность и исключительность пополнения», – писал В. Пильны³². Профессор, а впоследствии заместитель декана Станислав Вихан (1921–?)³³ также специализировался на бухгалтерском учете. Еще одним выходцем из ЧВТУ был профессор Франтишек Хампл (1901–1977), который стал заведующим кафедрой преподавания (методологии экономических дисциплин) и заместителем декана³⁴. Оттуда же пришла Зоя Свободова-Клусакова (род. 1925), одна из немногих женщин, которая начала работать в ВЭШ в 1950-х гг. Она была дочерью чехословацкого военного и политического деятеля генерала Людвика Свободы (1895–1979), президента ЧССР в 1968–1975 гг. За ее плечами было обучение в аспирантуре в Московском государственном экономическом институте. В 1955 г. она стала доцентом кафедры политической экономии, профессором и заместителем декана (1955–1959)³⁵. Свободова-Клусакова занималась вопросами экономики сельского хозяйства. В 1959 г. она покинула Прагу, уехав вместе с супругом в дипломатическую командировку в Женеву. Вернувшись на родину в 1962 г., продолжила научно-педагогическую деятельность, пока снова

³⁰ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

³¹ Ibid.

³² Pílný V. Fiala Josef, Prof. // Centrum pro dějiny VŠE: Životopisy a vzpomínky. 2013. URL: <https://dejiny.vse.cz/cinnost-centra/biografie-a-vzpominky/zivotopisy-a-vzpominky/fiala-josef-prof/> (дата обращения 20.03.2021).

³³ Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO/VŠVH. Kart. 1, 1950–51. Zápisy ze schůzí fakultní rady; Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

³⁴ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

³⁵ Ibid.

не отправилась в командировку за границу – в Нью-Йорк (1967–1968). В 1973 г. она получила пост профессора политической экономии в ВЭШ, вскоре перешла в Карлов университет, где проработала до выхода на пенсию в 1984 г. Выпускник ЧВТУ Вацлав Хоффманн (род. 1928) поступил на работу в ВЭШ в 1953 г. В 1962 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1964 г. прошел процедуру хабилитации, в 1968 г. получил должность профессора. После 1989 г. он стал первым свободно избранным деканом факультета делового администрирования ВЭШ в Праге, много сделал для реабилитации преподавателей, уволенных после подавления Пражской весны. Из ЧВТУ на кафедру экономического планирования ВЭШ перешли Александр Хорал, отвечавший за научное сотрудничество с венгерскими учреждениями³⁶, и Зденек Мошна (род. 1929), возглавлявший впоследствии кафедру экономики труда³⁷. На кафедру экономики промышленности пришел Йозеф Шинделарж, получивший затем степень в области экономики транспорта и связи³⁸. К этой же группе сотрудников ЧВТУ примыкал преподаватель английского языка, доцент Владимир Вендиш (1896–1961)³⁹.

Некоторые преподаватели перешли из Карлова университета, как, например, воспитанник юридического факультета, специалист в области гражданского права, Станислав Стуна, который на новом месте работы возглавил кафедру права и некоторое время был заместителем декана⁴⁰. Его учителем и наставником был один главных юридических авторитетов второй половины XX в. академик Виктор Кнапп.

Несколько специалистов было приглашено из профильных министерств. Так, Ян Пруша пришел на кафедру экономики труда из министерства труда и социальной защиты⁴¹. Имре Рубик (1921–?) был приглашен из министерства сельского хозяйства, стал заместителем декана и позднее – главным редактором журнала «Политическая экономия», научным сотрудником Экономического института Чехословацкой АН⁴². Опытным министерским чиновником был также юрист Отакар Мразек (1916–?), один из основателей и заведующий кафедрой экономики промышленности. Он прошел процедуру хабилитации и стал сначала заместителем декана, а потом и деканом производственно-экономического факультета, профессором⁴³.

Из Технико-организационного научно-исследовательского института машиностроения (с 1965 г. – Научно-исследовательский институт инженерных технологий и экономики) на кафедру экономики промышленности был приглашен Эдуард Вопичка, который к тому же преподавал в ЧВТУ, читая лекции о принципах советского хозрасчета. Поэтапно он прошел путь от доцента до заведующего кафедрой экономики промышленности и декана производственно-экономического факультета [Stellner, Vokoun, 2013, s. 322, 324]. Кубр рассказывал о нем: «Идеалом заведующего кафедрой Вопички было создание современной менеджерской школы, он был главным мозгом и движущей силой этих усилий. Однако не будем заходить так далеко, да и подобная терминология еще не была общепринятой. Компромиссное решение было найдено в 1959 г. при создании нового отделения Высшей экономической школы под названием “Институт национального экономического планирования”. Он предназначался исключительно для последипломного обучения в области экономического планирования с учетом наличия работы в различных областях управления и планирования. Вот почему Вопичка покинул кафедру экономики промышленности в 1960 году... Это была выдающаяся работа, которая ускорила освоение и применение современных методов управленческого образования для всей чехословацкой промышленности и в Высшей экономической школе,

³⁶ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

³⁷ Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO/VŠVH. Kart. 1. 6. složka, 1951–52. Protokoly ze schůzí profesorského sboru; Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

³⁸ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

³⁹ Archiv ČVUT v Praze. Fond VŠO/VŠVH. Kart. III/5. 1947–1951.

⁴⁰ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.; Choma D. O životě na několika stránkách...

⁴³ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

в частности»⁴⁴. Вместе с Вопичкой из того же НИИ перешел на работу в ВЭШ Рудольф Шроль (1921–1998), получивший квалификацию в области бухгалтерского учета и на новом месте возглавивший кафедру того же направления⁴⁵.

Имелись примеры и тех, кто пришел на работу в высшую школу из производственной сферы. Так, с должности планировщика на заводе «Сталинград» в Праге на факультет экономики промышленности был переведен Эдгар Земмель (1924–2004), выпускник ЧВТУ. Он имел опыт жизни и работы в СССР, будучи студентом Ленинградского политехнического института в 1947–1952 гг. О его работе в 1950-х гг. вспоминал Кубр: «То время вбирает в себя случай Эдгара Земмеля, которого мы заполучили на кафедру для усиления производственной организации и планирования как специалиста с опытом работы на заводе в Праге. После XX-го съезда [КПСС] он стал исключительно открытым, а его критика стала слишком острой, дабы ее могли терпеть высшие партийные инстанции. Кто-то из Школы донес им на Земмеля. Потому он не задержался у нас надолго и после деликатного пожелания сверху решил уйти сам и вернуться на завод. Не помогло и то, что во время войны он был добровольцем в чехословацких воинских формированиях в Англии и воевал под Дюнкерком, а после войны получил высшее образование в Ленинграде!»⁴⁶. Неудивительно, что хабилизация Земмеля в январе 1957 г. была отклонена министерством образования как неудовлетворительная. Для своего времени это был уникальный случай [Stellner, Vokoun, 2013, s. 324]⁴⁷. Он категорически не принял «Нормализацию» и воспользовался правом ветерана войны на досрочный выход на пенсию.

Что же касается иностранных преподавателей, то известно, что в 1953/54 учебном году в ВЭШ работали советские экономисты: доцент Н. Н. Иноземцев (1921–1982)⁴⁸, который занимался конъюнктурой капиталистических товарных рынков, и Ю. М. Гумина⁴⁹. К сожалению, сведения об их работе отрывочны. Пока не удалось найти соответствующих материалов и в российских архивах.

На основе собранной информации было установлено, что ВЭШ как институционально, так и персонально возникла на базе экономического факультета ВШПЭН. В период ее создания и становления в 1950-х гг. все ключевые сотрудники были выходцами оттуда. Речь идет о ректоре Седлаке, проректорах Никрине, Зеленом, Линке, Тучке, декане Вагнере, заместителях деканов Юнгвирте, Валенте, Корде, Хоме, заведующих кафедрами Оливе, Блажеке, Ходке, Шпалеке, профессоре Урбане, доцентах Чернянском, Кубре и Запотоцком. Позднейшие ректоры, как Градецкий и Шилган, также принадлежат к этой группе. Специалисты ВШПЭН занимали ключевые позиции и в научной, и в учебной работе, а именно в сферах экономического планирования, промышленной экономики, политической экономии, основ марксизма-ленинизма, внешней торговли, экономической географии, статистики, финансов и кредита, экономики промышленности и товароведения.

Вторым по значимости источником кадров для нового учебного заведения оказалось ЧВТУ с его двумя специализированными факультетами (Высшая школа специальных наук и Высшая школа экономических наук). Проректор Цигельский, заместители деканов Вальтер, Вихан, Свободова-Клусакова, Мошна, заведующие кафедрами Фиала, Хампл, профессора Рубичек и Хоффманн пришли именно оттуда. Сотрудники ЧВТУ занялись преподаванием бухгалтерского учета, методологией экономических наук и экономикой труда.

Из Карлова университета перешел заместитель декана Стуна, который преподавал на кафедре права. Из разных министерств пришли на работу заместитель декана Пруша, который

⁴⁴ Kubr M. Po šedesáti létech...

⁴⁵ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

⁴⁶ Kubr M. Po šedesáti létech...

⁴⁷ Spisovna VŠE. Vědecká rada 1953–1959/60.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ректор Седлак упомянул о помощи в создании Школы доцента Т. А. Борисенко, а также о Московском государственном экономическом институте как модели для подражания (Sedlák, 1953, s. 184). См. также: [Urban, 1958, S. 195–197].

помогал в создании кафедры экономики труда, заместитель декана Рубик, работавший в области экономики сельского хозяйства, и декан Мразек, специализировавшийся в области экономики промышленности. Деканы Вопичка и Шроль были выходцами из научно-исследовательских институтов. Представителей высших партийных функционеров среди преподавателей и руководства ВЭШ обнаружить не удалось. Как ни парадоксально, но в пору активной советизации чехословацкой науки и высшего образования прямое влияние советских специалистов на работу ВЭШ было весьма незначительным. Пока удалось найти конкретные сведения лишь о двух преподавателях. Равно ни в российских, ни в чешских архивах пока не получилось выявить конкретных свидетельств об устойчивых личных или деловых контактах преподавателей ВЭШ с советскими коллегами в 1950-е гг., хотя в последующие десятилетия они имели место. Всё вышесказанное не означает, что советское влияние как таковое было минимальным. Хотя советизация высшей школы и экономического образования проводилась с оглядкой на советские примеры и образцы, но с опорой на местные, национальные кадры.

В год основания ВЭШ в ее штате оказалось всего четыре профессора: трое из ВШПЭН (Седлак, Ходек, Олива) и один из ЧВТУ (Фиала). Среди первых преподавателей высшим партийным авторитетом обладал ректор Седлак, который был членом Экономической комиссии при ЦК КПЧ. Профессор Олива хотя и занимал довольно высокое положение в КПЧ до 1948 г., но не пользовался значительным влиянием в высших партийных органах в 1950-е гг. Ни один из преподавателей ВЭШ в 1950-х гг. не был членом ЦК КПЧ⁵⁰. Об их не слишком высоком авторитете свидетельствует и тот факт, что в первые годы существования Чехословацкой АН, воспринимавшейся как бастион новой социалистической науки, никто из преподавателей ВЭШ не был избран академиком или членом-корреспондентом.

Обратим внимание и на то, что в 1950-е гг. так и не был завершен процесс укомплектования штатов профессорами. Кадровый голод был одной из причин быстрого продвижения некоторых преподавателей по карьерной лестнице: альтернативы им или не было, или ее было крайне непросто найти. Также следует принять во внимание привычный для реалий того времени факт концентрации в одних руках сразу нескольких должностей. Создание ВЭШ, с одной стороны, ознаменовало формирование крупного идеологического центра социалистической Чехословакии. С другой стороны, изучение карьерных путей его первых сотрудников показывает, что процесс создания новых элит вышел далеко за намеченные рамки, оказался более сложным, чем, например, аналогичные процессы в СССР в 1920–1930-е гг. Профессиональные траектории многих преподавателей, начинавших как убежденные коммунисты, выведут их на путь критики догматического марксизма. Действительно, среди преподавателей 1950-х гг. не так много закоренелых консерваторов, которые совершенно некритично заимствовали советский опыт. Напротив, в числе молодых сотрудников оказались те, кто воодушевленно включился в процесс подготовки экономических реформ 1960-х гг. и поддержит Пражскую весну.

Список литературы

- Albrecht C.** Professionalism in the Economics Institute of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1953–1963 // *Veda v Československu v letech 1953–1963. Sborník z konference: Praha, 23.–24. listopadu 1999.* Praha, 2000. S. 265–278.
- Beran J.** Vytváření členské základny Československé akademie věd v roce 1952 // *Soudobé dějiny.* 2005. Roč. 12. No. 1. S. 102–139.
- Blažek P., Jech K., Kubálek M.** Politický motivované vylučování studentů v zakladatelském období komunistického režimu. Černá kapitola z dějin vysokého zemědělského školství v Praze // *Zemědělské školství, výzkum a osvěta jako předpoklad hospodářského a sociálního rozvoje venkova v 19. a 20. století.* Uherské Hradiště, 2004. S. 111–132.

⁵⁰ Неофициальные списки сотрудников Государственной безопасности включают в себя несколько преподавателей Высшей экономической школы, однако текущее исследование не позволяет дать оценку их деятельности.

- Connelly J.** Ztročená univerzita: sovětizace vysokého školství ve východním Německu, v českých zemích a v Polsku v letech 1945–1956. Praha: Karolinum, 2008. 496 s.
- Cychelský L.** K čtyřicátému výročí založení katedry statistiky Vysoké školy ekonomické v Praze // Informační Bulletin České statistické společnosti. 1992. Roč. 3. No. 2. S. 4–7.
- Devátá M., Olšáková D.** Vysoká škola politických a hospodářských věd, 1949–1953. Počátky marxistického vysokého školství // Vědní koncepce KSČ a její institucionalizace po roce 1948. Praha, 2010. S. 159–212.
- Kalinová L.** Společenské proměny v čase socialistického experimentu: k sociálním dějinám v letech 1945–1969. Praha: Academia, 2007. 363 s.
- Knapík J.** Kdo spoutal naši kulturu: portrét stalinisty Gustava Bareše. Přerov: Šárka, 2000. 205 s.
- Koudela J. a kol.** Vysoká škola ekonomická v Praze 1919–1953–1989 nositelka Řádu práce. Praha: Vysoká škola ekonomická v Praze, 1989. 80 s.
- Mach M., Průcha V.** Historie vysoké školy ekonomické v kontextu společenského vývoje: od centrálně plánované k tržně orientované ekonomice // Vysoká škola ekonomická v Praze 1953–2003. Minulost, přítomnost, budoucnost. Praha, 2003. S. 63–73.
- Maňák J.** Orientace KSČ na vytvoření socialistické intelligence // Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu. Sv. II. Praha, 2004. S. 110–155.
- Matějů P., Řeháková B., Simonová N.** Kulturní a sociálně ekonomické zdroje nerovností v šancích na dosažení vysokoškolského vzdělání v České republice v letech 1948–1999 // Sociológia. 2004. No. 1. S. 31–56.
- Morkes F.** Kapitoly o školství, ministerstvu a jeho představitelích: (období let 1848–2001). Praha: Pedagogické muzeum J. A. Komenského, 2002. 122 s.
- Měchýř J.** O čase Kárníkových Lehrjahre – zejména o “VŠPHV” // Pocta profesoru Zdeňku Kárníkovi: sborník příspěvků k jubilantovým sedmdesátinám. Praha, 2003. S. 161–165.
- Pavka M.** Kádry rozhodují vše! Kádrová politika KSČ z hlediska teorie elit (Prvních pět let komunistické vlády). Brno: Prius pro Ústav pro soudobé dějiny AV ČR v Praze, 2003. 126 s.
- Řezník J.** Historie časopisu Politická ekonomie // Politická ekonomie. 2003. Roč. 51. No. 1. S. 29–39.
- Simonová N.** Vzdělanostní nerovnosti v české společnosti: vývoj od počátku 20. století do současnosti. Praha: Sociologické nakladatelství, 2011. 179 s.
- Sirůček P.** Teorie inovací J. A. Schumpetera a její rozpracování F. Valentou // Ekonomie a Management. 2005. Roč. 13. No. 3. S. 6–13.
- Sirůček P.** Polozapomenuté postavy ekonomického myšlení – F. Valenta // Acta Oeconomica Pragensia. 2016. Roč. 14. No. 4. S. 71–79.
- Stellner F., Szobi P.** K institucionálním a personálním okolnostem vzniku Vysoké školy ekonomické v Praze // Politická ekonomie. 2013. Roč. 61. No. 4. S. 307–315.
- Stellner F., Vokoun M.** Udělování vědeckých hodností na Vysoké škole ekonomické v Praze v padesátých letech 20. Století // Politická ekonomie. 2013. Roč. 61. No. 4. S. 316–332.
- Urban R.** Die Organisation der Wissenschaft in der Tschechoslowakei. Marburg / Lahn, 1958. Marburg / Lahn: Johann Gottfried Herder-Institut, 1958. 308 S.
- Závodský P.** Přehled vývoje vysokoškolského vzdělávání ekonomů na území ČR do vzniku VŠE // Vysoká škola ekonomická v Praze 1953–2003. Minulost, přítomnost, budoucnost. Praha, 2003. S. 22–62.
- Závodský P.** 60 let statistiky na Vysoké škole ekonomické v Praze // Politická ekonomie. 2013. Roč. 61. Č. 4. S. 515–535.

Список источников

- Кольман А.** Мы не должны были так жить. New York: Chalidze Publications, 1982. 374 с.
- Шилган В.** Вопросы ускорения и удешевления строительства тепловых электростанций в ЧСР: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Л., 1956. 23 с.

- Císař Č. Paměti. Nejen o zákulisí Pražského jara. Praha: SinCon, 2005. 1281 s.
- Hájek J. Paměti. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 1997. 349 s.
- Knapp V. Proměny času. Vzpomínky nestora české právní vědy. Praha: Prospektrum, 1998. 255 s.
- Sedlák V. Významná opatření ve výstavbě ekonomického školství // Politická ekonomie. 1953. Roč. 1. No. 3. S. 181–188.
- Šik O. Jarní probuzení: iluze a skutečnost. Praha: Mladá fronta, 1990. 315 s.

References

- Albrecht C. Professionalism in the Economics Institute of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1953–1963. In: Veda v Československu v letech 1953–1963. Sborník z konference: Praha, 23.–24. listopadu 1999. Prague, 2000, pp. 265–278.
- Beran J. Vytváření členské základny Československé akademie věd v roce 1952. *Soudobé dějiny*, 2005, vol. 12, no. 1, pp. 102–139.
- Blažek P., Jech K., Kubálek M. Politicky motivované vylučování studentů v zakladatelském období komunistického režimu. In: Černá kapitola z dějin vysokého zemědělského školství v Praze. Zemědělské školství, výzkum a osvěta jako předpoklad hospodářského a sociálního rozvoje venkova v 19. a 20. století. Uherské Hradiště, 2004, p. 111–132.
- Connelly J. Ztročená univerzita: sovětizace vysokého školství ve východním Německu, v českých zemích a v Polsku v letech 1945–1956. Prague, Karolinum, 2008, 496 p.
- Cychelský L. K čtyřicátému výročí založení katedry statistiky Vysoké školy ekonomické v Praze. *Informační Bulletin České statistické společnosti*, 1992, vol. 3, no. 2, pp. 4–7.
- Devátá M., Olšáková D. Vysoká škola politických a hospodářských věd, 1949–1953. In: Počátky marxistického vysokého školství. Vědní koncepce KSČ a její institucionalizace po roce 1948. Prague, 2010, pp. 159–212.
- Kalinová L. Společenské proměny v čase socialistického experimentu: k sociálním dějinám v letech 1945–1969. Prague, Academia, 2007, 363 p.
- Knapík J. Kdo spoutal naši kulturu: portrét stalinisty Gustava Bareše. Přerov, Šárka, 2000, 205 p.
- Koudela J. a kol. Vysoká škola ekonomická v Praze 1919–1953–1989 nositelka Řádu práce. Prague, Vysoká škola ekonomická v Praze, 1989, 80 p.
- Mach M., Průcha V. Historie vysoké školy ekonomické v kontextu společenského vývoje: od centrálně plánované k tržně orientované ekonomice. In: Vysoká škola ekonomická v Praze 1953–2003. Minulost, přítomnost, budoucnost. Prague, 2003, pp. 63–73.
- Maňák J. Orientace KSČ na vytvoření socialistické intelligence. In: Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu. Sv. II. Prague, 2004, pp. 110–155.
- Matějů P., Řeháková B., Simonová N. Kulturní a sociálně ekonomické zdroje nerovností v šancích na dosažení vysokoškolského vzdělání v České republice v letech 1948–1999. *Sociológia*, 2004, no. 1, pp. 31–56.
- Morkes F. Kapitoly o školství, ministerstvu a jeho představitelích: (období let 1848–2001). Prague, Pedagogické muzeum J. A. Komenského, 2002, 122 p.
- Měchýř J. O čase Kárníkových Lehrjahre – zejména o “VŠPHV”. In: Pocta profesoru Zdeňku Kárníkovi: sborník příspěvků k jubilantovým sedmdesátinám. Prague, 2003, pp. 161–165.
- Pavka M. Kádry rozhodují vše! Kádrová politika KSČ z hlediska teorie elit (Prvních pět let komunistické vlády). Brno, Prius pro Ústav pro soudobé dějiny AV ČR v Praze, 2003, 126 p.
- Řezník J. Historie časopisu Politická ekonomie. *Politická ekonomie*, 2003, vol. 51, no. 1, pp. 29–39.
- Simonová N. Vzdělanostní nerovnosti v české společnosti: vývoj od počátku 20. století do současnosti. Prague, Sociologické nakladatelství, 2011, 179 p.
- Sirůček P. Teorie inovací J.A. Schumpetera a její rozpracování F. Valentou. *Ekonomie a Management*, 2005, vol. 13, no. 3, pp. 6–13.

- Sirůček P.** Polozapomenuté postavy ekonomického myšlení – F. Valenta. *Acta Oeconomica Pragensia*, 2016, vol. 14, no. 4, pp. 71–79.
- Stellner F., Szobi P.** K institucionálním a personálním okolnostem vzniku Vysoké školy ekonomické v Praze. *Politická ekonomie*, 2013, vol. 61, no. 4, pp. 307–315.
- Stellner F., Vokoun M.** Udělování vědeckých hodností na Vysoké škole ekonomické v Praze vpadesátých letech 20. století. *Politická ekonomie*, 2013, vol. 61, no. 4, pp. 316–332.
- Urban R.** Die Organisation der Wissenschaft in der Tschechoslowakei. Marburg / Lahn, 1958. Marburg / Lahn, Johann Gottfried Herder-Institut, 1958, 308 S.
- Závodský P.** Přehled vývoje vysokoškolského vzdělávání ekonomů na území ČR do vzniku VŠE. In: *Vysoká škola ekonomická v Praze 1953–2003. Minulost, přítomnost, budoucnost*. Prague, 2003, pp. 22–62.
- Závodský P.** 60 let statistiky na Vysoké škole ekonomické v Praze. *Politická ekonomie*, 2013, vol. 61, no. 4, pp. 515–535.

List of Sources

- Císař Č.** Paměti. Nejen o zákulisí Pražského jara. Prague, SinCon, 2005, 1281 p.
- Hájek J.** Paměti. Prague, Ústav mezinárodních vztahů, 1997, 349 p.
- Knapp V.** Proměny času. Vzpomínky nestora české právní vědy. Prague, Prospektrum, 1998, 255 p.
- Kolman A.** My ne dolzhny byli tak zhit' [We Weren't Supposed to Live This Way]. New York, Chalidze Publications, 1982, 374 p. (in Russ.)
- Sedlák V.** Významná opatření ve výstavbě ekonomického školství. *Politická ekonomie*, 1953, vol. 1, no. 3, pp. 181–188.
- Šik O.** Jarní probuzení: iluze a skutečnost. Prague, Mladá fronta, 1990, 315 p.
- Šilhán V.** Voprosy uskoreniya i udeshevleniya stroitel'stva teplovykh elektrostantsii v ChSR [Issues of Accelerating and Reducing the Cost of Construction of Thermal Power Plants in Czechoslovakia]. Abstract of Diss. ... Cand. Econ. Sci. Leningrad, 1956, 23 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Михаил Владимирович Ковалев, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 53984354100
WoS Researcher ID C-6747-2014
Павел Соби, PhD, доцент

Information about Author

Mikhail V. Kovalev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 53984354100
WoS Researcher ID C-6747-2014
Pavel Szobi, PhD, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 18.04.2021;
одобрена после рецензирования 16.08.2021; принята к публикации 30.08.2021
The article was submitted 18.04.2021;
approved after reviewing 16.08.2021; accepted for publication 30.08.2021

Научная статья

УДК 930:908(571.1)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-37-48

«Сказать государеву жалование...»: практики обращения монарха к населению Сибири в конце XVI – XVII веке

Алексей Юрьевич Конев¹

Виктория Александровна Слугина²

¹ Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
Тюмень, Россия

² Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ slugina881@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6122-9931>

² aldimoks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>

Аннотация

Представлены результаты изучения вопроса о происхождении и функционировании на территории Сибири практик оглашения от имени российского монарха «жалованных слов» различным категориям населения – служилым, торговым, пашенным, промышленным, жилацким людям, ясачным иноземцам. Впервые в историографии исследованы прецеденты царских обращений в форме «жалованного слова», употреблявшихся в Русском государстве до «Сибирского взятия», и определены их функции. Показано влияние приемов этих обращений на становление практик регулярного оглашения «слова» в Сибири с рубежа XVI–XVII вв. На основании сравнительного анализа текстов «жалованного слова» в распорядительной документации XVII в. выявлены его варианты в наказах воеводам, прослежена трансформация их содержания и целевого назначения.

Ключевые слова

жалованное слово, служилые люди, Сибирь, XVI в., XVII в., подданство, присяга, политическая коммуникация, указы воеводам, воеводское управление

Благодарности

Исследование А. Ю. Конева выполнено по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум»

Исследование В. А. Слугиной выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60006

Для цитирования

Конев А. Ю., Слугина В. А. «Сказать государеву жалование...»: практики обращения монарха к населению Сибири в конце XVI – XVII веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 37–48. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-37-48

“To Say the Sovereign’s Awarding...”: Practices of the Monarch’s Appeal to the Siberian Population at the End of the 16th – 17th Centuries

Aleksey Yu. Konev ¹

Viktoriya A. Slugina ²

¹ Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Tyumen, Russian Federation

² Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ slugina881@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6122-9931>

² aldimoks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>

Abstract

The article analyzes the problem of the origin of specific communicative practices that existed on the territory of Siberia in the late 16th – 17th centuries and the so-called “granted word”. This practice was as follows: on behalf of the tsar the authorized person (voivode) communicated with a “direct proclamation” to his subjects. The paper concludes by arguing that the “granted word” goes back to the earlier forms of sovereign “awards”, which included measures of encouragement and benefits. Moreover, the set of addressees of the tsarist “granted word” changed from the end of the 16th century and depended on the goals of the award, which were set by the central government. Based on the analysis of the Siberian administrative documentation of the 17th century, the authors identified the categories of addressees of the proclamation on behalf of the monarch. It has been established that by the 1650s in Siberia there was a practice of the proclamation of three versions of the “granted word”. They were supposed to be proclaimed one by one. The first version was addressed to service people (Boyar sons, Cossacks and Soldiers). The second one was addressed to peasants, traders and craftspeople. The third version was for Siberian natives – yasak-payers. During the 1st third of the 17th century, this particular form of direct address of the tsar to the population of Siberia acquired a new function. The “granted word” concretized, confirmed and consolidated the rights and obligations for each category of the Siberian population as subjects of the Russian monarch. According to the authors, the reasons for existing such practice on the territory of Siberia are concluded in the specifics of borderability. The monarch sought to additionally legitimate his right to manage this territory and wanted to remind his political influence.

Keywords

granted word, service people, Siberia, 16th century, 17th century, citizenship, oath, political communication, instructions to the voivodes, voivodship administration

Acknowledgements

A. Yu. Konev’s research was carried out according to the state task, no. 121041600045-8, project “Western Siberia in the context of Eurasian Relations: man, nature, society”

V. A. Slugina’s research was carried out with financial support of RFFR within the framework of a scientific project no. 19-39-60006

For citation

Konev A. Yu., Slugina V. A. “To Say the Sovereign’s Awarding...”: Practices of the Monarch’s Appeal to the Siberian Population at the End of the 16th – 17th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 37–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-37-48

Известно, что одной из специфических форм коммуникации русских самодержцев с жителями Сибири, закреплённой в текстах приказной документации XVII столетия, было так называемое «жаловальное (жалованное) слово» / «милостивое слово». На его присутствие в наказах сибирским воеводам этого времени обратили внимание ещё дореволюционные исследователи [Словцов, 1886, с. 27; Кулешов, 1894; Оглоблин, 1901, с. 122–141]. Позднее С. В. Бахрушин объяснял назначение этого «слова» как попытку царского правительства «публично отмежеваться» от злоупотреблений предыдущих воевод. Он указал на стереотипность его содержания и неизменность церемонии его оглашения, отметив, что для местного населения такое обращение от имени царя всё же было важным [Бахрушин, 1959, с. 164–

165]. А. А. Преображенский рассматривал практику оглашения «жалованного слова» как демагогический прием царской власти, используемый для снятия социальной напряженности и убеждения населения в будущих изменениях [Преображенский, 1972, с. 351–352]. Е. В. Вершинин поставил вопрос о происхождении этой клаузулы, полагая, что она вошла в тексты сибирских наказов с первых воевод, назначенных при Борисе Годунове в 1599 г., и превратилась в XVII в. в приказной штамп. Ее появление он связывает с прецедентом освобождения местных народов от уплаты ясака на 1600 г. [Вершинин, 1998, с. 67–68]. «Жалованное слово», по мнению Е. В. Вершинина, для туземного населения служило подтверждением пребывания в «вечном холопстве» у московского царя и права на защиту с его стороны [Вершинин, 2018, с. 247]. М. М. Федоров пришел к заключению, что через оглашение «жалованного слова» и выдачу подарков – «государева жалования» происходило юридическое оформление прав и обязанностей сибирских аборигенов, в частности признание за ними права проживать на прежних территориях (которые теперь объявлялись собственностью российского монарха) в обмен на вмененный им исправный платеж ясака [Федоров, 1978, с. 15–17]. Уточняя выводы М. М. Федорова и Е. В. Вершинина, А. Ю. Конев отметил, что «жалованное слово» развивало юридические начала шертных договоров, при этом в шертях на верность царю излагались обязанности сибирских «иноземцев», а «жалованным словом» определялись преимущественно их права [Конев, 2005, с. 173–174]. Связь жалованного слова с текстами шертотальных записей в контексте политико-правового оформления подданства сибирских народов подробно проанализирована в монографии А. С. Зуева, П. С. Игнаткина, В. А. Слугиной [2017, с. 146–163]. Авторами настоящей статьи в их совместной публикации был предпринят сравнительный и содержательный анализ «жалованных слов» из наказов сибирским воеводам, адресованных представителям автохтонного населения: определены разделы, установлены статьи и элементы, подвергавшиеся изменению и редукции на протяжении XVII в. [Слугина, Конев, 2020].

В работах, касавшихся «жалованного слова» (чаще всего его текста и оглашения), остается нераскрытым вопрос о формах и процедурах вербального обращения – «государева жалования», употреблявшихся в Русском государстве до «Сибирского взятия». Как следствие, вне поля зрения исследователей оказывалось влияние этих форм и процедур на становление регулярной практики оглашения «жалованных слов», адресованных сибирякам в XVII в. Цель настоящей статьи – выявление источников происхождения «жалованного слова» и определение его функционального назначения в контексте взаимоотношений царской администрации с жителями Сибири в конце XVI – XVII в. В отличие от предшествующей историографии, сосредоточившейся на изучении царского «слова», адресованного только представителям туземных народов, мы рассмотрим его варианты, обращенные ко всем основным категориям сибирского населения различных исповеданий и этнической принадлежности: ясачным, пашенным, торговым, посадским, промышленным, жилецким и служилым людям.

Целесообразно определить семантику термина *жаловать* и производных от него. В словаре Вл. Даля находим устаревшие значения слова *жаловальный* – «милостивый, снисходительный, благосклонный». Из значений глагола «жаловать» в этой связи обращают на себя внимание: «любить, чтить, держать в милости, дарить, награждать подарком» [Даль, 1995, с. 525]. Соответственно «жалованье» означало не только вознаграждение за службу, но и действие того, кто жалует, дарит, награждает.

В интересующей нас терминологической паре (сочетании) «слово» выражает форму и формулу волеизъявления суверена. Несомненна историко-юридическая связь «жалованных слов» с жалованными [Ельчанинова и др., 2014, с. 134–141] и уставными грамотами¹, выдаваемыми отдельным персонам, организациям или целым территориям. Важное отличие именно в форме трансляции заставляет исследовать «жалованное слово» обособленно от жалованных грамот, как самостоятельный источник права. «Грамоты» представляли собой ак-

¹ О юридической природе уставных грамот см.: [Петров, 2006, с. 172].

ты, закрепляющие эксклюзивные льготы, экономические и политические права за частными лицами и организациями (эти документы, как правило, бережно хранились получателями, копировались и передавались потомкам). «Жалованные слова» через представителей монарха оглашались отдельным социальным группам устно, что не давало оснований получателям «слова» апеллировать к ним как к нормативным актам.

Важная для трактовки «жалованного слова» информация содержится в известной воинской повести о Сухане [Малышев, 1956]. Раненый герой, погибая, отказывается от обещанной награды государя пожаловать его «городами с пригороды» и «бессчётной золотой казной», а просит дать ему «жалованное слово и прощение». В. И. Малышев, отмечая сходство значения приказной формулы с тем, которое обнаруживается в повести, заметил, что «жалованное слово» обозначает «не только награду, но и похвалу, справедливую оценку деятельности» [Там же, с. 55]. Таким образом, здесь проводится четкая грань между «жалованием» – наградой за заслуги и «жалованным словом» – символическим актом, подтверждающим благорасположение князя, признание им заслуг героя и дарование прощения.

С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что обязанность князя оказывать покровительство своим дружинникам и жаловать своих бояр и слуг «определялась обычаями дружинной службы, составляя своего рода неписанную конституцию феодализма». При этом «в понятие княжеского жалования входили как существенный элемент: воздавать честь по делам, держать в чести и не обесчестить» [Веселовский, 1969, с. 472–473]. Комментируя это, Ю. М. Эскин пишет, что «понятие “жаловать” связано с отношениями вассалитета», экстраполируя названные выше «пережитки дружинной службы» на аналогичные обязанности русских государей в отношении своих бояр в XVI в. [Эскин, 2009, с. 143]. Мы же отметим еще одно важное замечание С. Б. Веселовского, которое состоит в том, что нарушение князем своих обязательств оказывать покровительство, жаловать по службе и блюсти честь «могло дать дружиннику повод расторгнуть договор о службе и сложить с себя крестное целование» [Веселовский, 1969, с. 476].

Оглашение «жалованного слова» практиковалось в периоды сбора поместного войска в XVI–XVII вв. Указывая ополчению явиться в назначенное место для сбора, государь посланным с соответствующей грамотой лицам предписывал «воеводам, а потом дворянам и всяким ратным людям сказать государеву царское жалованное слово, спросить о здоровье... и грамоты прочитать вслух» (Успенский, 1818, с. 360). В опубликованной В. И. Бугановым записи разрядной книги о «береговой службе» и отражении нашествия крымских татар в 1572 г. сообщается, что царский посланник О. М. Щербатов-Оболенский был отправлен «с государевым жалованным словом и з денежным жалованьем» к боярам, воеводам и «ратным людям» и «государевым словом бояром и воеводам и всей рати говорил, чтоб государю служили: “а государская милость к вам будет и жалованье”» [Буганов, 1959, с. 179].

Судя по всему, к началу XVII в. сложился формуляр этого высочайшего «привета и благодарности» войскам. В качестве примера приведем изложение в разрядной книге такого обращения царя Бориса Годунова к боярам и воеводам, у которых «было дело» (боестолкновение) «со крестопреступники с литовскими людьми и с Ростригою декабря в 21 день [7113/1604]»:

А се говорить чашнику Миките Дмитриевичу Вельяминову от государя боярину князю Федору Ивановичу Мстиславскому: «государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси и сын его царского величества царевич Федор Борисович всеа Руси жалуют тебя, велели тебе челом ударить; да государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси и сын его царского величества царевич князь Федор Борисович всеа Руси жалуют тебя, велели о здоровье спросить»... Да Миките же Дмитриевичу говорить бояром князю Дмитрию Ивановичу Шуйскому с товарищи: «Князь Дмитрий Иванович с товарищи! Государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси и сын его царского величества царевич князь Федор Борисович всеа Руси жалуют вас, велели вам поклонитца» (Разрядная книга, 2003, с. 85–86).

Обращает на себя внимание четкое выделение социальных групп, к каждой из которых адресно обращается царь с милостивым словом. В этом прослеживается стремление, призна-

вая боевые заслуги, «оказывать покровительство и жаловать по службе» соответственно чину и разряду.

Еще одной сферой использования «жалованного слова», как минимум со второй половины XVI в., была дипломатия² и взаимоотношения с попавшими в орбиту русского влияния и зависимыми от Москвы Чингизидами. Приведем пример, который объединяет в себе два этих случая. В начале 1552 г. царь Иван Грозный отправил в Казань к хану Шах-Али (Шига-лею) боярина князя Д. Ф. Палецкого и дьяка И. Клобукова. Посланники должны были передать от имени государя:

А приказывал ко царю и земле Казанской жалованное слово за службу, и о полону приказывал, чтобы по шертным грамотам полон русской весь освободили. При этом характерно напоминание: «чтобы царь памятовал великаго князя Василья жалованье и царево великаго князя Ивана жалованье, чтобы государю на Казани прямил по шертным грамотам, как правду дал» (Татищев, 1996, с. 179).

Формулы обращения, устоявшиеся в коммуникации московских самодержцев с дворянским ополчением и в посольской практике, оказались особенно востребованы на присоединяемых со второй половины XVI в. к Русскому царству территориях, где складывалась воеводская система управления. Как известно, и в Поволжье, и в Сибири, она опиралась в реализации своих функций, с одной стороны, на военно-служилую корпорацию, с другой – на лидеров туземных сообществ, давших шерть-присягу «белому царю» на верность. Неудивительно, что в распорядительные документы, регламентировавшие действия воевод, проникли формуляры «жалованных слов», адресованных служилым людям и представителям автохтонных элит.

В наказе 1594 г. посланному в сибирские города воеводе кн. П. И. Горчакову указано собранным для похода «на Пелымского князя» лялинским и вишерским вогуличам «государево жалованное слово сказать, что их государь пожалует, в данях во всяких полегчит». Инструктируя воеводу относительно устройства дел в Таборах, в наказе предписывалось «казакотерским говорить государево жалованное слово, чтоб они государю послужили» (РИБ, 1875, стб. 103, 110). В наказе сургутскому воеводе О. Т. Плещееву от 10 февраля 1595 г. «жалованное слово» адресовано атаману Темирю Иванову и «его прибору казакотерским, и сольским, и донским», чтобы они «потерпели и государю послужили, а государь их за их службу и за терпение пожалует своим великим жалованьем и перемену на их место к новому году пошлёт и отпустит их» (Сторожев, 1908, с. 7). В грамоте тюменскому воеводе Г. И. Долгорукому от 16 марта 1596 г., в связи с инцидентом, связанным с «воровством» толмача Мити Токманаева, который «смуту и ссору в служилых людех и в ясашных татарех учинил», указано: «а татаром бы есте служилым и ясашным сказали наше жаловальное слово, что мы их пожаловали своим великим жалованьем, и они б нам служили и жили по своим юртом и по волостям по прежнему» (РИБ, 1875, стб. 55).

В грамоте из Посольского приказа, адресованной в Казань воеводе князю А. В. Сицкому и дьяку Ч. Оботурову, относительно сбора с местных народов «запросных денег» содержится напоминание об указе бывшему в 1592–1598 гг. казанским воеводой князю И. М. Воротынскому:

...велено им к себе взяти осламчеев³ лутчих и сотников и сказати им велено наше жалованное слово, что мы их сотников, и осламчеев, и чувашу, и черемису пожаловали, денег с них з животов, и с промыслов, и со всяких товаров на наших ратных людех имати не велели, и указу нашего о том к вам не бывало, и они б на наше жалованье были надежны, и имати с них денег не велено (Веселовский, 1908, с. 158).

² М. О. Акишин предположил, что «жалованное слово», появившееся в виде статьи в наказах сибирским воеводам в 1599 г. было разработано именно в Посольском приказе [Акишин, 2013, с. 236]. Подробнее о «жалованном слове» в дипломатическом контексте см.: [Попов, 2020].

³ Осламчел (усламçа) – средневековые торговцы в Среднем Поволжье. В Казанском ханстве – чувашские купцы.

Схожая формулировка теперь уже о сложении дани на 1600 г. с ясачного сибирского населения позднее будет использована в стереотипных грамотах июня 1599 г., направленных воеводам сибирских городов. Вот соответствующая выдержка:

...и сказавали им наше царское жалованье, что мы их пожаловали, ясаку с них имати не велели, и велели им жити безоборочно, и в городех бы юрты, и в уездех волости полнили...⁴

Ранее уже отмечалось, что содержание этих грамот находится в тесной связи с текстами наказов, выданных воеводам, назначенным в Сибирь при Борисе Годунове и бывшим «у руки государевы» в апреле 1599 г. [Конев, 2015]. В качестве примера приведем фрагмент «жалованного слова», касающийся податных льгот из наказа новому тобольскому воеводе С. Ф. Сабурову:

Да будет ясак положен не под силу, и в том им тягость, и государь велел им, смотря по тамошнему делу, в ясаках полготить. А з бедных людей, кому платить ясаков не мочно, имати ясаков не велел, чтоб им, сибирским всяким людем, ни в чем нужи не было. И они б, Сибирские земли всякие люди, жили в ево царском жалованье во всем во облегченье, и в покое, и в тишине, безо всякого сумнения, и промыслы всякими промышляли, и государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии самодержцу служили и прямили во всем по своей шерти, на чом государю шертъ дали⁵.

Итак, расширение хронологии и круга анализируемых документов позволило установить, что «жалованное слово» приобрело характер устойчивой формы царского обращения к различным категориям русского и иноземческого населения в контексте выполнения ими своих обязанностей («служб») еще во второй половине XVI в. Оно восходит к более ранним формам царских «пожалований», содержащих меры поощрения и льготирования. Очевидно, что практика оглашения «слова» опережала его формализацию. В 1590-е гг. оно в краткой форме появляется в соответствующих документах приказного делопроизводства (включая указы), адресованных сибирским воеводам еще до восшествия на престол шурина царя Федора Иоанновича. Поэтому заключение Е. В. Вершинина, что данная «клаузула... вошла в сибирские указы с первых воевод, назначенных при Борисе Годунове»⁶, следует скорректировать: «жалованное слово» эпизодически встречалось в указах и грамотах казанским и сибирским воеводам до 1599 г., но только с этого момента оно систематически включается в указы воеводам на занятие ими должности в сибирских городах и острогах в виде пространный формализованный текст.

Источники второй половины XVI в. фиксируют не только развитие приказного языка, определяющего содержание «жалованного слова», но и позволяют выявить целевые функции его оглашения. Оно употреблялось в следующих случаях. Во-первых, в условиях военной мобилизации или несения службы на окраинах обращенное к войску (полку, гарнизону) «слово» выступало в качестве похвального и мотивационного приветствия, обещавшего благорасположение государя и награду за хорошее несение службы. Во-вторых, при выстраивании отношений с постордынкой правящей элитой «слово», прельщая подарками, содержало напоминание о шертных обязательствах, которые брали на себя контрагенты царских посольств, и требование исполнения этих договоренностей. В-третьих, в процессе утверждения и закрепления в подданстве «ясачных» и «торговых» людей из числа местного нерусского населения адресованное им «жалованное слово» обещало льготы и освобождение от налогов. В-четвертых, в случае эксцессов, нарушавших установленный порядок взаимоотношений, «слово» выступало как инструмент его восстановления и нерушимости. Следует заметить, что лишь в упомянутом выше наказе П. И. Горчакову 1594 г. встречается сочетание нескольких функций «жалованного слова» и присутствие различных категорий его адресатов. В целом же до известных наказов 1599 г. такие сочетания в едином распорядительном документе были не характерны, и в других источниках нами не выявлены.

⁴ ГАТюмО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 28. Л. 1. (РИБ, 1875. Стб. 63–64).

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 92 об. – 93.

⁶ Авторы данной статьи ранее соглашались с этим тезисом Е. В. Вершинина.

Что же представляло собой «жалованное слово» в своем развернутом сибирском варианте, возникшем на рубеже XVI–XVII вв.? Его наиболее устойчивая формула в XVII в. воспроизводилась в соответствующих статьях наказов сибирским воеводам на занятие должности. Изначально оно было обращено к двум укрупненным группам – представителям индигенного населения («сибирские князи», «мурзы», из волостей «татары», «остяки», «вогулы» и т. п.) и «служилым, торговым, пашенным, всяким жилецким и приезжим людям». Последние иногда совокупно определялись словосочетанием «русские люди». Так, в тобольских наказах характерным оборотом при переходе от одних к другим была фраза: «а после русских людей велети им (воеводам. – А. К., В. С.) быти у себя...»⁷. Учитывая, что в составе «служилых», «торговых» и тем более «приезжих» в сибирских городах и уездах этого времени могли находиться представители разных этноконфессиональных сообществ, не представляется возможным утверждать, что адресаты «жалованного слова» группировались строго в соответствии с этническим и вероисповедным признаками.

Следует подчеркнуть, что содержание и структура «слова» долгое время имели плавающий характер, а его адресаты не всегда выстраивались в какой-то четкой последовательности. При этом «слово», обращенное к «русским», было значительно короче того, что предназначалось ясачному населению, иногда оно просто замещалось фразой «что государь их пожаловал, велел им свое государево денежное и хлебное жалованье дать» [Барахович, 2018, с. 94]. Мы уже имели возможность подробно рассмотреть формуляр «жалованного слова» ясачным «иноземцам» в наказах XVII в. и охарактеризовать все его отличительные особенности [Слугина, Конев, 2020, с. 187–192]. Чтобы дать читателю представление об аналогичной наказной статье, адресованной «русским людям» в первой половине того же столетия, приводим ниже соответствующий фрагмент из наказа тарским воеводам И. В. Кольцову-Мосальскому и Г. Г. Желебужскому от 15 февраля 1608 г.:

А наперед сего велети бытии в съезжей избе служивым и всяким жилецким, и приезжим людем, и сказати им государево цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии жаловальное слово, что царское величество их пожаловал, велел их беречь и нужи их росматривати, чтоб им нужи не было, и оне б, служивые и всякие люди, царским смотреньем и жалованьем по его, царскому, милосердью жили безо всякие нужи. А будет им воевода князь Сила Гагарин⁸ и головы Василей и Беззуб в чом какую обиду или продажу, или насильство какое чинили, и посулы имали, и они б нам били челом, а они по царскому повеленью во всем управу учинят. Да хто на кого учнет бити челом в их насильствах и в продажах, или в каких обидах, и им в том велети приносить к себе челобитные и давати им суд, и управу чинити по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу безволокитно⁹.

Постепенно, примерно с 1650-х гг., в наказах сложились три формулы «жалованных слов», предназначенных 1) детям боярским, казакам и стрельцам; 2) пашенным, торговым и промышленным людям; 3) ясачным людям. «Жалованное слово» как нарратив получило широкое распространение в Сибири: воеводы вносили его положения в наказные памяти приказчикам и ясачным сборщикам¹⁰.

В «жалованном слове» все подданные рассматривались сквозь призму их служебных обязанностей. Так, для ясачного населения под службой понимался исправный платеж ясака, а для «юртовских татар» – участие по призыву воевод в военных походах против «немирных» соплеменников и других «иноземцев». Для русских служилых людей – быть верным и исправным в несении многообразных военных и административных поручений, за что государь «жалует», а за их неисполнение грозит «опалой» и «смертной казнью». Интересна в этой связи практика превентивных мер для предотвращения измен и бунтов в служилой среде. В 1685 г., реагируя на известия об измене якутских и албазинских казаков, Сибирский приказ велел якутскому воеводе Матвею Кровкову собрать всех служилых людей и зачитать им указ оставаться в «верной службе». В нем служилым людям напоминаются положения

⁷ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 9–10.

⁸ Сила Иванович Гагарин – тарский воевода в 1606–1608 гг., которого сменил И. В. Кольцов-Мосальский.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 109 – 109 об.

¹⁰ См., например: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1 Д. 1. Л. 3–4; Ф. 1177. Оп. 3. Д. 2339. Л. 24–26; Д. 2587. Л. 32–35.

крестоцеловальной записи и «жалованного слова»: дается отсылка к «давности» верной службы их отцов и их самих; напоминает об обязанности служить и исполнять приказы воевод, обещается выплата жалования за сообщения о бунтовщиках (ДАИ, 1867, с. 349).

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. «Жалованное слово», появившееся на рубеже XVI–XVII вв. в наказах сибирским воеводам, возникло не вдруг, а наследовало соответствующим практикам XVI столетия. В XVII в. оно закрепилось и приобрело сложное полифункциональное назначение, его текст формализуется и превращается в приказные штампы, которые активно тиражировались в Сибири и выходили за рамки царских наказных клаузул, перекочевывая в распорядительные документы местных воеводских администраций. Такое широкое распространение «жалованного слова» за Уралом обуславливалось, на наш взгляд, следующими основными факторами: отдаленностью региона, его фронтирным положением и связанной с этим необходимостью дополнительно легитимировать власть монарха, периодически напоминать о его влиянии на «окраинах». Это было особенно важно во взаимоотношениях с «иноземческой» элитой. В этом случае ритуал произнесения «жалованного слова», завершавшийся обязательным угощением («кормом»), нес в себе характерные черты посольских миссий и связанных с этим дарообменных практик¹¹. «Жалованное слово» служилым людям следует расценивать как индикатор предельной мобилизации сибирских войск, находящихся в экстремальных условиях, в постоянной готовности к дальним походам и участию в вооруженных конфликтах. Служилый контингент следовало подбадривать и обещать ему жалование, выплаты которого в Сибири нередко задерживались годами. Государево обращение к податным категориям (ясачным, пашенным, посадским, торговым и жилецким людям) содержало актуальные акценты на незаконности несанкционированных Москвой поборов, на гарантии этим подданным заниматься своими промыслами и ремеслами, эксплуатировать свои угодья и проживать на закрепленных за ними землях.

В качестве важнейших функций «жалованных слов» (текстов и ритуала их произнесения) в Сибири конца XVI – XVII в. мы определяем следующие:

- репрезентация образ монарха (конструирование сценария власти);
- прямое обращение к подданным с целью гарантии / подтверждения их прав и обязанностей, закрепления / пролонгации отношений подданства (напоминание о ранее данных присягах: «иноземцами» – шерти, а православными – крестоцелования);
- публичное подтверждение полномочий воеводы на управление в городе / остроге и уезде (воевода прибыл и действует «от государя»);
- поддержание отношений символического дарообмена (преимущественно с «иноземцами» в виде раздачи «жалования», корма и получения ответной «поминочной рухляди»);
- восстановление нарушенного порядка / условий договора (прощение вины, обещание возмещения за нанесенный ущерб, угроза наказания нарушивших государеву волю).

Список литературы

- Акишин М. О.** Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5. С. 233–241.
- Барахович П. Н.** Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж. В. Кондыреву 31 января 1631 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 1. С. 91–103. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-1-91-103
- Бахрушин С. В.** Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. 257 с.
- Буганов В. И.** Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–183.

¹¹ Подробнее об этом см.: [Конев, 2019, с. 764, 769–773].

- Вершинин Е. В.** Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург: Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. 203 с.
- Вершинин Е. В.** Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
- Веселовский С. Б.** Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
- Даль Вл.** Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 1: А–З. 800 с.
- Ельчанинова О. Ю., Оспенников Ю. В., Ромашов Р. А., Ютяева Л. Е.** Система источников русского права X–XVIII вв. Самара: Изд-во АСГАРД, 2014. 428 с.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.** Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 440 с.
- Конеv А. Ю.** Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVIII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177.
- Конеv А. Ю.** «Ясаку с них имати не велели...». Грамота царя Бориса Годунова из фондов Государственного архива Тюменской области // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 1. С. 41–46.
- Конеv А. Ю.** Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII века // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 760–783. DOI 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783
- Кулешов В. А.** Наказы сибирским воеводам в XVII веке: Исторический очерк. Болград: Тип. Я. А. Иванченко, 1894. 50 с.
- Малышев В. И.** Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 224 с.
- Оглоблин Н. Н.** Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М.: Унив. тип., 1901. Ч. 4: Документы центрального управления. 288 с.
- Петров К. В.** Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV – начала XVII в.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 169–175.
- Попов Д. К.** Декларация «государевой милости» в дипломатии Московского государства с центрально-азиатскими кочевниками в XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов Междунар. молодеж. науч. школы-конференции. Новосибирск, 2020. С. 378–385.
- Преображенский А. А.** Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. 392 с.
- Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. 374 с.
- Слугина В. А., Конеv А. Ю.** «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: к 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 183–193.
- Федоров М. М.** Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.
- Эскин Ю. М.** Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2009. 512 с.

Список источников

- Веселовский С. Б.** Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М.: Синод. тип., 1908. 234 с.
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Э. Праца, 1867. Т. 10. 504 с.

- Разрядная книга. 1475–1605 / Под ред. В. И. Буганова, Н. М. Рогожина. М.: Памятники исторической мысли, 2003. Т. 4, ч. 2. 144 с.
- РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. Т. 2. 656 с.
- Сторожев В.** Материалы для истории русского дворянства. М.: Синод. тип., 1908. [Вып. 2]. 281 с.
- Татищев В. Н.** Собр. соч.: В 8 т. М.: Ладомир, 1996. Т. 5–6: История Российская. 784 с.
- Успенский Г.** Опыт повествования о древностях русских. Харьков: Унив. тип., 1818. Ч. 2: О обычаях россиян в гражданском их состоянии и правительстве. Отд. 1. 299 с.

References

- Akishin M. O.** Shertovanie narodov Sibiri pri prisoedinenii k Rossii [Shert of the Peoples of Siberia under Accession to Russia]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2013, vol. 12, no. 5, pp. 233–241. (in Russ.)
- Bakhrushin S. V.** Nauchnye trudy [Scientific Works]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1959, vol. 4: Ocherki po istorii Krasnoyarskogo uezda v XVII v. Sibir' i Srednyaya Aziya v XVI–XVII vv. [Essays on the History of the Krasnoyarsk District in the 17th Century. Siberia and Central Asia in the 16th – 17th Centuries], 257 p. (in Russ.)
- Barakhovich P. N.** The Instruction (“Nakaz”) of Tsar Mikhail Fyodorovich to the Eniseisk Voivode Zh. V. Kondyrev, January 31st, 1631]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 1, pp. 91–103. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-1-91-103
- Buganov V. I.** Dokumenty o srazhenii pri Molodyakh [Documents on the Battle of Molodi]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], 1959, no. 4, pp. 166–183. (in Russ.)
- Dal VI.** Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, TERRA Publ., 1995, vol. 1: A–Z, 800 p. (in Russ.)
- Elchaninova O. Yu., Ospennikov Yu. V., Romashov R. A., Yutyaeva L. E.** Sistema istochnikov russkogo prava X–XVIII vv. [The System of Sources of Russian Law of the 10th – 18th Centuries]. Samara, ASGARD Publ., 2014, 428 p. (in Russ.)
- Eskin Yu. M.** Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv. [Essays on the History of Mestnichestvo in Russia in 16th and 17th Centuries]. Moscow, Kvadriga Publ., 2018. 512 p. (in Russ.)
- Fedorov M. M.** Pravovoe polozhenie narodov Vostochnoi Sibiri (XVII – nachalo XX veka) [The Legal Status of Peoples of Eastern Siberia (17th – Early 20th Century)]. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo, 1978, 207 p. (in Russ.)
- Konev A. Yu.** Shertoprivodnye zapisi i prisnyagi sibirskikh “inozemtsev” kontsa XVI – XVIII v. [Shertoprivodnye Records and Oaths of the Siberian “Foreigners” of the Late 16th – 18th Century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2005, no. 6, pp. 172–177. (in Russ.)
- Konev A. Yu.** “Yasaku s nikh imati ne veleli...”. Gramota tsarya Borisa Godunova iz fondov Gosudarstvennogo arkhiva Tyumenskoi oblasti [“And Ordered to Leave them without Quitrent Payment...”. The Edict of the Tsar Boris Godunov from Funds of the State Archive of the Tyumen Region]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2015, vol. 14, no. 1, pp. 41–46. (in Russ.)
- Konev A. Yu.** Fenomen “inozemchestva”, yasak i daroobmen: narody Povolzh'ya, Urala i Sibiri v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII veka [The Phenomenon of “Foreigners”, Yasak and Gift Exchange: Peoples of the Volga Region, the Urals and Siberia in Russia in the Late 16th and Early 18th Centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2019, vol. 7, no. 4, pp. 760–783. (in Russ.) DOI 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783

- Kuleshov V. A.** Nakazy sibirskim voevodam v XVII veke: Istoricheskii ocherk [Instructions to Siberian Governors in the 17th Century: A Historical Essay]. Bolgrad, Tipografiya Ya. A. Ivanchenko, 1894, 50 p. (in Russ.)
- Malyshev V. I.** Povest' o Sukhane. Iz istorii russkoi povesti XVII veka [The Novel about Sukhan. From the History of a Russian Novel of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1956, 224 p. (in Russ.)
- Ogloblin N. N.** Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [Review of Columns and Books of the Siberian Chancellory (1592–1768)]. Moscow, Typography of Uni., 1901, pt. 4, 288 p. (in Russ.)
- Petrov K. V.** Ustavnye gramoty (akty) namestnich'ego upravleniya XIV – nachala XVII v.: genezis pravovoi formy normativnogo akta [Charter Letters (Acts) of the Governor's Office of the 14th – Early 17th Century: The Genesis of the Legal Form of a Normative Act]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2006, no. 2, pp. 169–175. (in Russ.)
- Popov D. K.** Deklaratsiya “gosudarevoi milosti” v diplomatii Moskovskogo gosudarstva s tsentral'no-aziatskimi kochevnikami v XVII v. [Declaration of “Sovereign Grace” in the Diplomatic Relations of the Moscow State with Central Asian Nomads in the 17th Century]. In: Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh [Current Challenges of Historical Studies: Young Scholars' Perspective]. Novosibirsk, 2020, pp. 378–385. (in Russ.)
- Preobrazhensky A. A.** Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII v. [Urals and Western Siberia in the Late 16th – Early 18th Century]. Moscow, Nauka, 1972, 392 p. (in Russ.)
- Slovtsov P. A.** Istoricheskoe obozrenie Sibiri. [Historical Review of Siberia]. St. Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1886, 374 p. (in Russ.)
- Slugina V. A., Konev A. Yu.** “Zhalovannoe slovo” v nakazakh sibirskim voevodam: k voprosu o proiskhozhdenii i evolyutsii formulyara [“Granted word” as a Part of the Instructions to Siberian Governors: to the Issue of Genesis and Evolution]. In: Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkheografii: k 90-letiyu N. N. Pokrovskogo [Actual Problems of Russian History, Source Study and Archeography: To the 90th Anniversary of N. N. Pokrovsky]. Novosibirsk, 2020, pp. 183–193. (in Russ.)
- Vershinin E. V.** Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek) [Voivodeship Administration in Siberia (17th Century)]. Ekaterinburg, Munitsipal'nyi uchebno-metodicheskii tsentr “Razvivayushchee obuchenie”, 1998, 203 p. (in Russ.)
- Vershinin E. V.** Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoi Sibiri v kontse XVI – XVII v. [Russian Colonization of Northwestern Siberia in the Late 16th – 17th Century]. Ekaterinburg, Demidovskii institut, 2018, 503 p. (in Russ.)
- Veselovsky S. B.** Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev [Studies on the History of the Service Landowning Class]. Moscow, Nauka, 1969, 584 p. (in Russ.)
- Zuev A. S., Ignatkin P. S., Slugina V. A.** Pod sen'yu dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v. [Under the Canopy of the Double-headed Eagle: The Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2017, 444 p. (in Russ.)

List of Sources

- Buganov V. I., Rogozhin N. M.** (eds.). Razryadnaya kniga [Rank Book]. 1475–1605. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2003, vol. 4, pt. 2, 144 p. (in Russ.)
- Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Addendums to Historical Acts, Collected and Published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1867, vol. 10, 504 p. (in Russ.)

- Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei [The Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh, 1875, vol. 2, 656 p. (in Russ.)
- Storozhev V.** Materialy dlya istorii russkogo dvoryanstva [Materials for the History of the Russian Nobility]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya, 1908, [iss. 2], 281 p. (in Russ.)
- Tatishchev V. N.** Collected Works. In 8 vols. Moscow, Lodomir Publ., 1996, vols. 5–6: Istoriya Rossiiskaya [Russian History], 784 p. (in Russ.)
- Uspensky G.** Opyt povestvovaniya o drevnostyakh russkikh [The Experience of Narrating about the Antiquities of the Russians]. Kharkov, Universitetskaya tipografiya, 1818, pt. 2. O obyayakh rossiyan v grazhdanskom ikh sostoyanii i pravitel'stve [On the Customs of Russians in their Civil Status and Government], sect. 1, 299 p. (in Russ.)
- Veselovsky S. B.** Sem' sborov zaprosnykh i pyatinnykh deneg v pervye gody tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha [Seven Collections of Extraordinary Taxes in the Early Years of the Reign of Mikhail Fedorovich]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya, 1908, 234 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Алексей Юрьевич Конев**, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57194412707
WoS Researcher ID Q-4887-2017
- Виктория Александровна Слугина**, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57216856986

Information about Authors

- Aleksey Yu. Konev**, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57194412707
WoS Researcher ID Q-4887-2017
- Viktoria A. Slugina**, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57216856986

*Статья поступила в редакцию 20.10.2021;
одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 15.11.2021
The article was submitted 20.10.2021;
approved after reviewing 01.11.2021; accepted for publication 15.11.2021*

Научная статья

УДК 94(47).05

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-49-62

«Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова

Евгений Викторович Анисимов¹

Татьяна Анатольевна Базарова²

Мария Евгеньевна Проскурякова³

¹⁻³ Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

¹ vbrevis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9093-586X>

² tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

³ m-proskuryakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3000-999X>

Аннотация

В центре внимания авторов статьи – язык писем корреспондентов ближайшего сподвижника Петра I Александра Даниловича Меншикова (1673–1729). Анализируется около 700 документов из походной канцелярии А. Д. Меншикова за 1703–1705 гг., хранящихся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Акцент сделан на формулах обращения к А. Д. Меншикову, пожелания ему здоровья, просьб. В адресованных фавориту письмах отмечены единичные случаи обращения «патрон» или «отец». Тем не менее встречаются формулы просьб, характерные для патрон-клиентского лексикона. В статье поставлен вопрос о правомерности использования «языка вежливости» в качестве единственного доказательства наличия связи «патрон – клиент» между А. Д. Меншиковым и сановниками петровского царствования.

Ключевые слова

А. Д. Меншиков, Петр Великий, письма, переписка, канцелярия, Ингерманландия, патрон, посредник, клиент, элита, эпистолярный этикет

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-42051 (Петровская эпоха) «Походная канцелярия Александра Даниловича Меншикова (1702–1705): Новые подходы к изучению традиционных источников Петровской эпохи». Руководитель проекта – д-р ист. наук Е. В. Анисимов

Для цитирования

Анисимов Е. В., Базарова Т. А., Проскурякова М. Е. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 49–62. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-49-62

“Our Patron and Protector”:

The Language of Correspondents of A. D. Menshikov

Evgeny V. Anisimov¹, Tatyana A. Bazarova²
Mariya E. Proskuryakova³

^{1–3} St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

¹ vbrevis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9093-586X>

² tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

³ m-proskuryakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3000-999X>

Abstract

The aim of the paper is to study the language of letters from the Field Chancellery of A. D. Menshikov. Approximately 700 documents for 1703–1705 are investigated. All of them are kept now in the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. The main attention in the article is focused on the correspondence of the associates of Peter the Great with A. D. Menshikov and their “linguistic world”. The authors of the paper revealed the formulas used in the letters for naming A. D. Menshikov, wishing him health, and making requests. In order to analyze the language of letters, the authors compare two methodologies. In the framework of the theory of patronage, words about mutual loyalty and affection are interpreted as evidence of the existence of a patron-client relationship between the influential person and his correspondent. This approach is opposed by researchers who point out the diversity of forms of interpersonal communication in the medieval and modern society and warn scholars against standardization when explaining relationships. The present article raises the question of the legitimacy of using “the language of politeness” as the only proof of the presence of a patron-client relationship between A. D. Menshikov and the dignitaries of the reign of Peter the Great.

Keywords

Alexander D. Menshikov, Peter the Great, letters, correspondence, chancellery, Ingermanland, patron, broker, client, elite, epistolary etiquette

Acknowledgements

The study was carried out with financial support of RFFR, project no. 20-09042501 (Petrine era) “Field Chancellery of Alexander Menshikov (1702–1705): New approaches to the traditional sources of a Petrine era”. Project supervisor – Dr. of Sci. (Hist.) E. V. Anisimov

For citation

Anisimov E. V., Bazarova T. A., Proskuryakova M. E. “Our Patron and Protector”: The Language of Correspondents of A. D. Menshikov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 49–62. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-49-62

Преобразования Петровской эпохи выдвинули на политическую арену немало выдающихся личностей из разных слоев общества. Самый стремительный взлет к вершине власти совершил фаворит Петра I Александр Данилович Меншиков (1673–1729). Его многолетняя государственная, военная и административная деятельность нашла отражение в материалах походной канцелярии. Ее основу составляет входящая корреспонденция – письма и донесения, а также указы, армейские табели и ведомости, списки и табели раненых, пленных и солдат. Еще при жизни фаворита его бумаги были разделены на две части, которые в настоящее время хранятся в АрСПБ ИИ РАН (ф. 83 «Походная канцелярия А. Д. Меншикова») и РГАДА (ф. 198 «Походная и домовая канцелярия А. Д. Меншикова»).

В современной историографии можно выделить два подхода к работе с «лингвистическим миром» эпистолярных памятников. Сторонники первого подхода используют инструментальной теории патроната-клиентелы. Опираясь на тезис о существовании «языка патроната», представители этого направления трактуют слова о взаимной лояльности и привязанности участников переписки как доказательство наличия между влиятельным лицом и его корреспондентом связи «патрон – клиент» [Пек, 2016; Тыгельский, 2016; Kettering, 2002a; 2002b]. Теоретикам и практикам концепции патроната-клиентелы противостоят исследователи, которые предлагают иное понимание языка писем, адресованных высшим сановникам. Иссле-

дователи, не объединенные общей теоретической платформой, указывают на многообразие форм межличностного общения в эпоху Средневековья и Нового времени и предостерегают от стандартизации при объяснении отношений [Патронат и клиента в истории России..., 2004, с. 263–265, 281–284; Полонский, 2011; 2012; Седов, 2005].

В политической науке патрон-клиентские отношения оказались в фокусе внимания американских и европейских исследователей в середине XX в. На основании изучения локальных сообществ ученые создали яркие описания связи «патрон – клиент» у представителей различных цивилизаций и культур, предложили терминологию для наименования участников отношений и уникальные объяснения природы покровительства, а также концептуальные работы о патронате (подробнее см.: [Афанасьев, 2000; Гилев, 2016; Эйзенштадт, Ронигер, 2016; Hall, 1977; Scott, 1977]).

Американские исследователи Ш. Н. Эйзенштадт и Л. Ронигер показали, что важнейшей характеристикой патроната является обязательный взаимный обмен ресурсами между патроном и клиентом. В этих отношениях одна сторона – патрон – отдает политические (поддержку и защиту) и экономические ресурсы, а другая – клиент – обещания солидарности и лояльности. Связь между участниками основывается на неформальных, но крепких договоренностях, которые могут нарушать и государственное законодательство. Одним из признаков наличия отношений является неравенство в социальной иерархии патрона и клиента и ограниченные возможности клиента в доступе к ресурсам [Эйзенштадт, Ронигер, 2016, с. 376–378].

Разделяя концепцию Ш. Н. Эйзенштадта и Л. Ронигера, историки Л. Л. Пек и Ш. Кеттеринг исследовали культуру патроната и частные отношения английской [Пек, 2016] и французской [Kettering, 2002a; 2002b] знати в XVI–XVII вв. Ш. Кеттеринг фиксировала факт существования патрон-клиентских отношений в том случае, если встречала в источниках обращение с просьбой о покровительстве и благодарность за оказанную помощь, а также прямое подтверждение наличия связи «патрон – клиент» от участников отношений или сторонних наблюдателей [Kettering, 2002b, p. 851]. Однако историк учитывала и те случаи, когда находила в документах, прежде всего в переписке, то, что она именует «языком патроната». Это языковые формулы, содержащие ритуальные заверения клиента в преданности патрону и глубоком уважении, почитании его заслуг и желании ревностно и верно служить, а также заявления патрона о благодарности клиенту за лояльность и готовности воздать ему должное, защитив или наградив [Kettering, 2002a, pp. 131–134]. Систематизировав данные о дарении подарков в Англии и Франции, Л. Л. Пек и Ш. Кеттеринг выяснили, что клиенты всегда сопровождали подношения словами о добровольности, спонтанности и бескорыстности дара. По мнению исследователей, слова вежливости скрывали истинную природу дара – стремление создать или усилить личную связь с патроном и получить выгоду [Пек, 2016, с. 152; Kettering, 2002a, p. 131].

С 2000-х гг. теорию патроната-клиентелы для изучения российского общества XVI – начала XX в. стали активно использовать и отечественные ученые [Бекасова, 2006; Копелев, 2000; 2001; 2002; Курукин, 2013; Лавринович, 2016; Накишова, 2020; Павлов, 2019, с. 84–91; Редин, 2020; Krom, 2008; Lavrinovich, 2018]. Однако исследователи, занимающиеся общественно-политическими проблемами Средневековья и раннего Нового времени, как правило, очень осторожны в применении патрон-клиентской терминологии. Так, по мнению П. В. Седова, российское общество было пронизано разными формами связей и зависимостей (родственных, соседских, служебных, церковных) [2005, с. 190, 198]. Поэтому употребление терминов «патрон» и «клиент», не известных в России до XVIII в., мало что проясняет [Патронат и клиента в истории России..., 2004, с. 264, 284]. Изучение неформальных связей в России Средневековья и раннего Нового времени затрудняет и ограниченная источниковая база: до нашего времени сохранилось крайне мало дневниковых записей и личных (или частно-деловых) писем. Для исследований о патронате значимым является анализ действий обеих сторон, а также действий патрона в ответ на обращения клиента. Однако нередко

в распоряжении историков имеются только обращения одной стороны, в то время как ответы не сохранились. Актуальным остается и вопрос о правомерности использования «языка патроната» в качестве единственного доказательства наличия одноименных отношений.

Отечественные исследователи, работавшие с перепиской современников Петра I, затрагивали проблему эпистолярного этикета, языка корреспондентов А. Д. Меншикова. В 1920–1930-е гг. А. И. Заозерский в результате анализа переписки двух генерал-фельдмаршалов – А. Д. Меншикова и Б. П. Шереметева – пришел к выводу о «своеобразной фикции братства», которая стояла за «житейскими расчетами обеих сторон». А. Д. Меншиков для представителей петровской элиты – «брат, патрон, благодетель, хотя для большинства, если не для всех, только на бумаге» [Заозерский, 1973, с. 184–189; 1989, с. 219–223].

Эту точку зрения разделил Д. Г. Полонский, показавший, что «патрон», «благодетель» или «отец» – заурядное (возможно, шаблонное) словоупотребление. По мнению исследователя, именование «братом» могло быть «этикетным маркером особой доверительности между корреспондентами», и претендовать на подобный характер отношений могли далеко не все представители русской политической элиты. Тем не менее, использованные при обращении формулировки свидетельствуют об изменении статуса А. Д. Меншикова и его отношений с другими лицами [Полонский, 2011; 2012, с. 99–100].

Предпринимались попытки проанализировать корреспонденцию А. Д. Меншикова с использованием инструментария теории патроната-клиентелы. Д. А. Редин реконструировал биографию К. А. Нарышкина и на основании писем 1716–1723 гг. констатировал его принадлежность к клиентеле А. Д. Меншикова [Редин, 2020]. Исследование взаимоотношений А. Д. Меншикова и петербургского генерал-полицеймейстера А. М. Девиера предприняла М. Г. Накишова [2020]. Основной источниковой базой статьи стали письма генерал-полицеймейстера за 1718–1727 гг. По мнению автора, А. М. Девиер выполнял посреднические функции, «выступая своеобразным брокером»: передавал сведения от Меншикова-клиента государю или связывал Меншикова-патрона с клиентами.

Отметим, что основой упомянутых выше исследований являлась часть походной канцелярии А. Д. Меншикова, хранящаяся в РГАДА, где отложилась входящая корреспонденция преимущественно 1714–1727 гг. Именно в это время А. Д. Меншиков достиг вершины своего влияния на российскую политику. Равных по могуществу светлейшему князю, его близости к государю в России уже не было.

Не менее важен для изучения развития контактов А. Д. Меншикова анализ «языка писем», адресованных ему сподвижниками Петра I в начале политической и военной карьеры будущего всемогущего фаворита – 1703–1705 гг.¹ В эти годы тематика писем преимущественно связана с действиями русской армии в Ингерманландии в первые годы Северной войны (1700–1721), а также с организацией управления на новых территориях.

Карьера А. Д. Меншикова как военного и государственного деятеля началась во время кампании в Ингерманландии. Проявившего в октябре 1702 г. мужество при взятии шведской крепости Нотебург (Шлиссельбург) поручика А. Д. Меншикова государь назначил шлиссельбургским губернатором. В декабре того же года по царскому указу при новом губернаторе в подмосковном селе Семеновском была создана приказная палата (с 1705 г. – Ингерманландская канцелярия). После закладки 16 мая 1703 г. в дельте Невы небольшой деревоземляной крепости А. Д. Меншиков становится петербургским губернатором. По мере продвижения русской армии к Балтийскому морю под его управление переходили все отвоеванные земли. К началу 1705 г. в ведении губернатора оказались огромные территории, по своей площади сравнимые с европейскими державами. В сферу компетенции А. Д. Меншикова помимо военных вопросов входили логистика, организация снабжения русской армии, строительство и оборона Санкт-Петербурга и всех крепостей Ингерманландии.

¹ АрСПБии РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1.

Широкая компетенция определяла круг корреспондентов губернатора. В их числе были военачальники, командующие армиями, генералы (равные или выше по званию): Б. П. Шереметев, П. М. Апраксин, А. И. Репнин, К. Э. Рёнке, А. А. Вейде, Р. В. Брюс, находившиеся в подчинении А. Д. Меншикова офицеры, а также главы и служители московских приказов, воеводы, иноземные купцы. Именно в это время берут начало многие длительные формальные и неформальные контакты А. Д. Меншикова [Базарова, Проскурякова, 2020].

Безусловно, стремительный взлет обусловлен не только личными качествами и организаторскими способностями А. Д. Меншикова – это традиционный путь фаворитов. Именно близость к правителю является тем символическим капиталом, которым фаворит не мог не воспользоваться, чтобы легализовать свое положение как публичного (формального и неформального) деятеля, не говоря уже об обогащении, т. е. о приобретении «ресурсов первого порядка» (должности, награды, пожалования, льготы). Буквально за несколько лет А. Д. Меншиков становится имперским графом, светлейшим князем, кавалером ордена Андрея Первозванного, получает поместья. Но главное – значительно возросли его «ресурсы второго порядка», выражавшиеся в возникновении и расширении огромного влияния, что позволило быстро сложиться вокруг него сети. Адресантами А. Д. Меншикова были фактически все первейшие вельможи – сподвижники Петра I. В силу близости к царю и исключительной важности порученных ему дел Александр Данилович возвысился над ними, имея связи на разных уровнях и находясь в центре этой сети отношений.

Лишь немногие адресанты А. Д. Меншикова называли его «патроном». В Архиве СПбИИ РАН (ф. 83) сохранилось около 700 писем, полученных им в 1703–1705 гг. Корреспонденты при обращении к царскому фавориту использовали традиционные формулы «мой государь», «милостивой мой государь», которые встречались в русской частно-деловой переписке XVII в. Зимой 1705 г. впервые появляются «сиятельный князь», «сиятельный и благороднейший господин князь».

В 1704 г. «патроном» А. Д. Меншикова называли авторы только двух писем. В июле 1704 г. купцы Я. Любс и Х. Брандт обратились к нему за заступничеством: «Не поставте нам в вину, что объявляем коliko нам в том иныя завидывают и желают, для того нашего разорения, естли от вашего патронства отлучить»². 11 ноября в письме из шведского плена А. А. Вейде назвал А. Д. Меншикова – «мой благонадежен патрон»³. В 1705 г. Александра Даниловича патроном именовали П. А. Голицын, П. М. Апраксин и мастер К. Е. Хевте.

В 1703–1705 гг. нечасто встречалось и обращение «брат». «Государь мой и любезный брат Александр Данилович» или «государь и любезнейший брат» – такие слова использовал гетман И. С. Мазепа, обращаясь к царскому фавориту. Помимо гетмана «братом» или «братцем» генерал-майора (с 1704 г.) А. Д. Меншикова называли генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев и генерал-лейтенант А. Шонбек. С одной стороны, как отмечал Д. Г. Полонский [2011, с. 77], подобное обращение является маркером доверительности. С другой стороны, оно демонстрирует равный статус корреспондентов. Обращение генерал-фельдмаршал-лейтенанта барона Б. Г. Огильви «Высокоблагородный господин граф, высокопочтенный господин сын»⁴, по-видимому, должно было напомнить А. Д. Меншикову о более высоком воинском звании шотландца.

Гораздо чаще встречаются фразы, которые употреблялись для выражения вежливости и заинтересованности в продолжении контактов. Примечательно наличие в письмах не только традиционной формулы пожелания А. Д. Меншикову здоровья (здравия), но и просьбы чаще о нем писать. Если в деловых письмах чиновников и порученцев среднего и низшего уровней эта эпистолярная формула, как правило, не встречается, то в письмах высших чиновников она не просто присутствует, а представляет собой настойчивую, порой утрированную

² АрСПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 352. Л. 1.

³ Там же. Д. 473. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 305. Л. 1. Б. Г. Огильви завершил письмо словами «...я непременно есмь моего высокопочтенного господина сына верный слуга и отец» (Там же. Л. 2 об.).

ную просьбу-мольбу как можно чаще писать им о своем здоровье, проявление готовности «слышать ежечасно»⁵ («на всяк час душевно слышати желаю»⁶). Не только просит, но и требует такого известия от А. Д. Меншикова боярин Б. П. Прозоровский: «И прошу впредь твою любовь да благоволиши мене писании твоими посещать чесого всеусердно требую»⁷. Многократное повторение этой формулы, по-видимому, выходит за рамки общепринятой эпистолярной вежливости и может являться своеобразным сигналом с требованием поддержания связи и подтверждения благорасположения, «милости и любви»⁸. Получение такого сигнала от А. Д. Меншикова вызывает неумеренную горячую благодарность, радость («писаниями своими всегда сотворяешь мя весела»; «...немалою радостью возрадовался, слыша о доброздравии твоём, государя моего, и о милостивом ко мне призрении»⁹), расценивается как милость и награда – «жалование» («...за твоё, государя моего, жалованье, что изволишь ко мне писать»¹⁰).

Если письмо А. Д. Меншикова являлось знаком подтверждения отношений с его стороны, то, напротив, длительное отсутствие послания с сообщением о здоровье вводило корреспондента «в немалое безупокойство»¹¹ и даже печаль («...писма от милости твоей, государя моего, ко мне уже давно не бывало. И о сем имею печаль»¹²). Он мог заподозрить, что впал в опалу, немилость. Б. А. Голицын в письме от 30 июня 1704 г. вопрошал: «...не естли какая вина пред тобою, не вижу много писма от милости твоей»¹³. Угроза пресечения связи обозначалась в переписке термином «забвение»: «...забвена ты меня учинил, не жалуешь, к мне не пишешь к мне о своем здаровье, чево я слышать зело желаю» (Б. П. Шереметев)¹⁴; «...пожалуй, мой государь, не оставь меня забвенно в своем жалованье, прикажи писать о своем здаровье» (А. И. Репнин)¹⁵; «Челом бью, государь, на твоём жалованье, что пишешь ко мне о своем здравии и впредь прошу забвенна не учини» (Ф. Ю. Ромодановский)¹⁶; «...впредь прошу, дабы в милости вашей не забвен был» (К. А. Нарышкин)¹⁷; «...прошу яко отца, не забудь, и паки не забудь» (Б. А. Голицын)¹⁸. Генерал И. И. Чамберс, И. И. Бутурлин и многие выражали готовность о здоровье А. Д. Меншикова «слышать ежечасно»¹⁹, а генерал К. Э. Рённе утверждал, что «...мы вашего здравия николи же забываем и на кождый день про ваше здравие испиваем»²⁰. Эти преувеличенные уверения, естественно, не понимались буквально, как и частые слова о желании «очи ваши в радости видети»²¹.

Конечно, не забота о здоровье А. Д. Меншикова двигала пером его корреспондентов (хотя знать о здоровье фаворита весьма полезно с прагматической точки зрения), а желание поддерживать открытыми каналы связи, удостовериться в сохранении его благорасположения. Эпистолярный штамп «желаю душевно видеть очи твои»²² тоже несет в себе скрытую смысловую нагрузку. Как известно, связи подвергались атакам недоброжелателей: конкурентов, завистников, соперников в ожесточенной борьбе за власть и блага. Приходилось опасаться

⁵ АрСПБии РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 435. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 196. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 380. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 396. Л. 1; Д. 445. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 566. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 92. Л. 1.

¹² Там же. Д. 377. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 290. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 577. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 430. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Д. 366. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 353. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 133. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Д. 118. Л. 1; Д. 122. Л. 1; Д. 130. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 702. Л. 1 об.

²¹ Там же. Д. 92. Л. 1 об.

²² Там же. Д. 533. Л. 1.

сплетников, которые могли «нанести» А. Д. Меншикову клевету на корреспондента. Поэтому вполне искренне желание Б. П. Шереметева «видеть очи» А. Д. Меншикова, ожидая его, «как ангела Божия»²³. При личной встрече оклеветанный мог опровергнуть «нанос» на него, предупредить о возможном повторении попытки поставить под сомнение его верность и тем прервать связь. «Яко слышу, – писал А. Д. Меншикову А. А. Курбатов, – от некоторых тебе привноситца, но истинно и никогда же ничто пред тобою утаю»²⁴. И затем он указал на автора «наноса».

Для просителя, занятого «исканием» милости могущественного лица («искати со всяким тщанием»²⁵), характерна поза предельного самоуничижения, бедности и сиротства, что типично для челобитных русского Средневековья и раннего Нового времени. В дискурсе теории патроната-клиентелы поза «убогого», который «нужен и должен»²⁶, «сироты»-клиента, повторяющего, что у него, кроме патрона, нет покровителя, оценивается как выражение верности: «Ты, мой милостивый отец, в таком моем одиночестве, будь мне помощник и предстатель» (И. И. Бутурлин)²⁷. Одиночество и полное «отдание себя» А. Д. Меншикову демонстрировал Б. П. Шереметев: «Известно милости вашей – ни от кого помощи не имею. Лехко мне жить при милости вашей, ничево я при милости вашей не знал (т. е. проблем. – Е. А., Т. Б., М. П.), не толко во управлении в самых главных делах – везде ваша милость своею особою, да отвагою. А здесь я ей-ей один»²⁸. Ему вторит Г. А. Строганов: «А я, окроме Бога и тебя, милостиваго к себе государя, иного помощника не имею»²⁹.

Изредка использовалось в обращении к А. Д. Меншикову слово «отец» («яко отец», «милостивой отец», «милостивой мой государь батка», «батка мой чадолюбивый», «чадолюбивый отец»)³⁰, а также прилагательное «отеческий» (с терминами «призрение», «склонность»)³¹. Так обращались к фавориту стоявшие ниже него в социальной иерархии подполковник Н. Ю. Инфлянт, бригадир Ю. Ф. Щербатов, воевода В. А. Ржевский, комнатный стольник И. И. Бутурлин, М. И. Протопопов, И. Г. Озеров и др. Иерархическая покорность «бедного сироты» служила аргументом для его доступа к ресурсам.

Корреспонденты А. Д. Меншикова нуждались в подтверждении надежности контакта с его стороны («имею надежду на твою, государя, милость безо всякого сумнения»; «на твою милость во всем надежен»³²). Так связь поддерживалась с обеих сторон – из центра и с периферии. При этом сигнал в центр подчинялся ряду неписаных правил. Получив задание или просьбу А. Д. Меншикова об оказании неформальных услуг, надлежало исполнить их с максимальной быстротой и доложить об этом, как это делал Ф. Ю. Ромодановский: «А у меня ни за чем задержания против твоих писем не бывает»³³. Считалось тактичным, подчеркивая могущество и мудрость «батки», просить у него совета как в делах военных, гражданских, так и личных. Нелишним было, кроме покорного испрошения совета или посылки гостинцев, напомнить безродному выскочке, что он «сиятельство», «экселенц», «изящество»³⁴, подчеркнуть, что победы генералов учинились «разумом и поиском милости твоей»³⁵.

Подражая самому А. Д. Меншикову, который сообщал Петру I, что мало пишет, ибо «опасен того, чтоб милости вашей частыми безделными писмами не докучить» (ПИБ, 1900, с. 807),

²³ АрСПБии РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 554. Л. 1; Д. 570. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 368. Л. 1 об.

²⁵ Там же. Л. 333. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Д. 211. Л. 1 – 1 об.

²⁷ Там же. Д. 327. Л. 2.

²⁸ Там же. Д. 256. Л. 2.

²⁹ Там же. Д. 148. Л. 1.

³⁰ Там же. Д. 133. Л. 1 об.; Д. 327. Л. 2; Д. 742. Л. 1; Д. 686. Л. 1; Д. 218. Л. 1; Д. 140. Л. 1; Д. 328. Л. 1; Д. 417. Л. 1; Д. 711. Л. 1; и др.

³¹ Там же. Д. 324. Л. 1; Д. 286. Л. 1; и др.

³² Там же. Д. 327. Л. 2; Д. 273. Л. 1.

³³ Там же. Д. 231. Л. 1; см. также: Д. 314. Л. 1.

³⁴ Там же. Д. 761. Л. 2; Д. 701. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 275. Л. 1; Д. 533. Л. 1.

его корреспонденты также были «опасны» «вскучить» царскому фавориту³⁶. Правда, так думали не все. А. И. Репнин откровенно признается, что будет и дальше докучать посланиями: «...в том на меня не гневайся, я собинной твоей куманды и всегда, по твоей ко мне милости, буду докучником»³⁷. В словах о «собинной твоей куманды» можно видеть признание существования неформальной структуры, ибо формально генерал А. И. Репнин подчинялся генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. В этике патроната требования А. И. Репнина законны – каналы связи должны работать постоянно, на этом строится суть отношений центра и периферии.

А. Д. Меншиков постоянно получал от тех, кого можно причислить к рядам его клиентов, не только заверения в верности, но и подарки в виде вещей, лакомств и сластей вроде «связок чекулату»³⁸, а также в виде различных услуг: И. А. Мусин-Пушкин и В. С. Ершов ведали строительством дома А. Д. Меншикова в Москве и наблюдали за покосами в его подмосковных владениях не по служебной обязанности. Судья Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский беспокоился, чтобы Александр Данилович не страдал от морозов, и подбирал ему шкурки черно-бурых лисиц, Г. И. Волконский занимался устройством южных поместий А. Д. Меншикова, П. А. Голицын заказывал в Вене роскошное платье, а Я. Любс присылал хрусталь и луковицы тюльпанов³⁹.

Эти деликатесы и ценные (или редкие) вещи были по большей части почестью, т. е. подарками, не связанным конкретно с какими-то действиями А. Д. Меншикова в пользу дарителя. Они рассматривались как знак внимания, памяти. Так, Г. А. Племянников прислал 2 000 рублей. Эта огромная по тем временам сумма так и названа «почестью»⁴⁰. Сам он, подобно архангелогородскому воеводе В. А. Ржевскому⁴¹, давал не взятку (почесть взяткой формально не являлась), а инвестировал средства в будущее, надеясь на «к нам милостивое уклонение»⁴². Обычай дарить подарки («подносить в почесть») должностному лицу заранее для успешного продвижения дела имел глубокие корни в допетровской эпохе. В рамках теории патроната-клиентелы знаки внимания такого рода расцениваются как особая черта связи «патрон – клиент».

Важнее подарков было получение информации. Кроме донесений и писем лично А. Д. Меншикову, ему доставляли копии царских указов и сообщали о слухах (какая где «ведомость носитца»)⁴³. Б. П. Шереметев весной 1705 г. написал А. Д. Меншикову: «...на меня не имей гневу, что я ни о каких ведомостях не пишу, понеже бо ниоткуда сам не имею»⁴⁴. Словом, поставлять информацию – еще одна характерная черта, которая может являться аргументом в пользу наличия связи «патрон – клиент» между А. Д. Меншиковым и многими его корреспондентами.

Влияние символического капитала царского фаворита было огромно и сказывалось на работе учреждений. Корреспонденты А. Д. Меншикова часто просили «поговорить» или послать письмо к решавшему дела начальнику. Тогда включалась сеть неформальных отношений, опутывавших всю элиту, и вопрос быстро разрешался исключительно, как писал один адресант фаворита, «для твоего, государева, имени»⁴⁵. Всё это делало ходатаев должниками светлейшего, ставило их в зависимое положение. Долговые обязательства – универсальный способ добиться подчинения, и чем больше у влиятельного лица должников, тем прочнее считалась связь, и тем сильнее была его власть.

³⁶ АрСПБИБИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 591. Л. 1; см.: Д. 278. Л. 1 об.

³⁷ Там же. Д. 597. Л. 2 об.

³⁸ Там же. Д. 289. Л. 2.

³⁹ Там же. Д. 310. Л. 1; Д. 261. Л. 1 об.; Д. 801. Л. 1; Д. 701. Л. 1; Д. 286. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Д. 101. Л. 1.

⁴¹ Там же. Д. 417. Л. 1.

⁴² Там же. Д. 352. Л. 3.

⁴³ Там же. Д. 825. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Д. 585. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 106. Л. 1 об.

Но всё же главным содержанием писем представителей знати и генералитета была просьба содействовать, предстательствовать перед государем, что было важнее всего, ибо «ресурсы первого порядка» получить без воли или одобрения государя было невозможно. Дело в том, что А. Д. Меншиков занимал промежуточное положение между теми, кого можно назвать его клиентами, и повелителем – царем. Эта позиция в теории о патронате называется позицией манипулятора, посредника или брокера и считается самой выгодной в сети, а символический капитал брокера, основанный на полноте информации, обладал исключительной ценностью. А. Д. Меншиков имел свободный доступ к информации, шедшей к Петру I и от него. А. И. Репнин писал фавориту: «Живу в хлопотах и в труде, о чем тебе, моему государю, известно будет чрез письма, которые я посылаю к великому государю»⁴⁶.

С точки зрения тактики клиентелы А. И. Репнин шел не совсем верным путем. Правильнее он поступал в другом случае, когда (подобно иным корреспондентам фаворита) посылал донесение и царю, и А. Д. Меншикову одновременно или отправлял ему донесение для последующей передачи государю, покорно ожидая, как «благоволит воля государева и твое рассмотрение»⁴⁷. Из собственных каналов связи А. Д. Меншиков порой знал больше, чем сам царь, и тогда информатор (в данном случае канцлер Ф. А. Головин) предупреждал: «...только прошу не изволь сего никому объявлять <...>, понеже я сие пишу без воли его царского величества, надеясь на твое ко мне благодеяние. И дабы оное не причтено мне было в какое своеволие»⁴⁸.

Несомненно, близость А. Д. Меншикова к царю была структурообразующим фактором для всей сети его отношений. Сподвижники Петра I опасались «гнева государева», в общении с ним необходим был посредник. В «отеческом заступлении и бережении»⁴⁹ нуждались все без исключения сподвижники царя: проблемы, стоявшие перед ними, были серьезные, а ответственность огромна. Страх ошибиться и на себе испытать справедливость пословицы «Государев гнев – посланник смерти», сковывал даже боевых генералов. Осаждавший летом 1704 г. Дерпт Б. П. Шереметев, написал А. Д. Меншикову: «...как у меня выстрелят бомбы и ядра, и провиант издержу, и затем станет промысел и ратные люди оголодают, чтоб не понести мне на себе государева гнева»⁵⁰. Полководца больше волновал гнев государя, чем успех осады. В подобном же «бедстве» оказался и генерал К. Э. Рёне⁵¹. К предстательству А. Д. Меншикова прибегали не только наемные генералы вроде Н. фон Вердена, просившего «заложить за меня государю слово» о нужном ему отпуске⁵², но даже давние сподвижники Петра I. Так, Т. Н. Стрешнев попросил: «Пожалуй, мой благодетель, естли какая моя несправа в делах моих, прикрой по своей ко мне любви, а я истинно тшание имею всегда, чтоб исправить»⁵³. Люди опасались совершить ошибку даже в обращении к царю, поэтому свои донесения присылали А. Д. Меншикову, чтобы он просмотрел их, лично передал в руки царя, при этом замолвил словечко, донес до ушей государя «правду и невинность нашу»⁵⁴. Порой к Петру I невозможно подступиться, если не выбрать «приблагополучный случай»⁵⁵, когда государь будет «негневен», в хорошем настроении, иначе можно испортить всё дело, да еще и пострадать. Впоследствии точно так же (выжидая «благополучное время») действовал секретарь государя А. В. Макаров, имевший своих клиентов [Павленко, 1984, с. 252].

⁴⁶ АрСПБии РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 462. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Д. 152. Л. 1.

⁴⁸ Там же. Д. 740. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Д. 352. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Д. 268. Л. 1 об. – 2.

⁵¹ Там же. Д. 470. Л. 2.

⁵² Там же. Д. 780. Л. 1.

⁵³ Там же. Д. 136. Л. 1 об.

⁵⁴ Там же. Д. 333. Л. 1.

⁵⁵ Там же.

Корреспонденты А. Д. Меншикова побаивались обидеть его тем, что обращаются прямо к царю, просили, чтобы он в этом случае «не прогневался»⁵⁶. Даже поздравлять государя с очередной победой следовало через посредника, как это сделал К. Э. Рёнке в июле 1704 г.: «Пожалуй, государь, будь милостив, донеси государю: поздравляем от меня и от всех нас» со взятием Дерпта⁵⁷. Обращение к царю, минуя фаворита, по-видимому, не поощрялось. Так, Я. Любс и Х. Брандт, сначала поздравили царя с победой при Амовже, а затем написали А. Д. Меншикову: «...не поддержи гневу, что мы сими добрыми вестми не могли оставить» поздравить государя⁵⁸.

Итак, в начале XVIII в. в адресованных А. Д. Меншикову письмах отмечены единичные случаи обращения «патрон», «отец» или «батька». Тем не менее у корреспондентов фаворита встречаются некоторые из формул просьб, которые характерны для патрон-клиентского лексикона. Дальнейшее изучение входящей корреспонденции канцелярии А. Д. Меншикова (дополненное ответными письмами и другими источниками), позволит поставить вопросы о формировании патрон-клиентских отношений в среде русской элиты начала XVIII в., его роли в системе власти, причине столь длительного фавора. Надо полагать, что система связей А. Д. Меншикова сложилась естественно, при стремительном взлете фаворита и, по-видимому, во многом копировала систему неформальных связей предшествующей эпохи.

Список литературы

- Афанасьев М. Н.** Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 320 с.
- Базарова Т. А., Проскурякова М. Е.** Русская армия и Ингерманландия в начале Северной войны (по материалам походной канцелярии А. Д. Меншикова): новые подходы к изучению // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2020. Вып. 22. С. 169–178.
- Бекасова А. В.** Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «Домовое подданство» графа П. А. Румянцева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 24 с.
- Гилев А.** Введение. Черные кошки в темных комнатах: исследования политического патронажа в общественных и гуманитарных науках // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. М., 2016. С. 6–40.
- Заозерский А. И.** Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 172–214.
- Заозерский А. И.** Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М.: Наука, 1989. 308 с.
- Копелев Д. Н.** Российский флот и патронат «с немецким лицом»: модель Крузенштерна // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. науч. работ. СПб., 2000. Вып. 2. С. 29–68.
- Копелев Д. Н.** Адъютантство на императорском флоте и остзейские «сети доверия» // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. 2001. № 11–12. С. 7–22; 2002. № 13–14. С. 15–27.
- Курукин И. В.** Артемий Волынский и его клиенты // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 225–233.
- Лавринович М. Б.** Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. // Российская история. 2016. № 3. С. 91–110.
- Накишова М. Т.** Письма генерал-полициймейстера А. М. Девиера к князю А. Д. Меншикову 1718–1727 гг.: опыт содержательного анализа // Электронный научно-образовательный

⁵⁶ Там же. Д. 396. Л. 1 об.; Д. 377. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Д. 329. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Д. 235. Л. 1.

- журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Ч. 2. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840009417-7-1/> (дата обращения 26.08.2021).
- Павленко Н. И.** Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1984. 332 с.
- Павлов А. П.** Патронатно-клиентельные отношения при московском дворе в годы царствования Михаила Федоровича // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 84–98.
- Патронат и клиента в истории России (материалы «круглого стола») // Новая политическая история. СПб., 2004. С. 255–287.
- Пек Л. Л.** «Для короля не проявлять щедрость было бы ошибкой»: взгляд на патронаж при дворе первых Стюартов в Англии // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. М., 2016. С. 149–184.
- Полонский Д. Г.** Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А. Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011: Научный альманах. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 75–93.
- Полонский Д. Г.** Православное духовенство в переписке с А. Д. Меншиковым: этикет, риторика и прагматика // Меншиковские чтения – 2012: Научный альманах. СПб., 2012. Вып. 3 (10). С. 96–110.
- Редин Д. А.** Сон фараона, или крах Кирилла Нарышкина, четвертого московского губернатора // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8. С. 57–78. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-57-78
- Седов П. В.** «Он мне свой...» (Свойство при московском дворе XVII в.) // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технология власти. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 190–199.
- Тыгельский В.** Фракция, которая не могла проиграть // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. М., 2016. С. 116–148.
- Эйзенштадт Ш. Н., Ронигер Л.** Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. М., 2016. С. 366–413.
- Hall A.** Patron-client relations: Concepts and Terms // Friends, Followers, and Factions. A Reader in Political Clientelism. Berkeley, Los Angeles, London: Uni. of California Press, 1977. P. 510–512.
- Kettering Sh.** Gift-giving and Patronage in Early Modern France // Kettering Sh. Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-Century France. Ashgate, 2002a. P. 131–151.
- Kettering Sh.** Patronage in Early Modern France // Kettering Sh. Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-Century France. Ashgate, 2002b. P. 839–862.
- Krom M. M.** Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia // Russian History. 2008. Vol. 35. No. 3/4 (Fall-Winter). P. 309–320.
- Lavrinovich M. B.** A Servant of Two Masters? The Role of Patronage and Clientage in the Career Strategies of a Moscow Official in the Late 18th and Early 19th Centuries // Cahiers du Monde russe. 2018. Vol. 59. No. 1 (Janvier – mars). P. 7–36.
- Scott J. C.** Political Clientelism: A Bibliographical Essay // Friends, Followers, and Factions. A Reader in Political Clientelism. Berkeley, Los Angeles, London: Uni. of California Press, 1977. P. 483–505.

Список источников

- ПИБ – Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Гос. типография, 1900. Т. 4 (1706). 552 с.

References

- Afanasyev M. N.** Klientelizm i rossiiskaya gosudarstvennost': issledovanie klientarnykh otnoshenii, ikh roli v evolyutsii i upadke proshlykh form rossiiskoi gosudarstvennosti, ikh vliyaniye na politicheskie instituty i deyatel'nost' vlastvuyushchikh grupp v sovremennoi Rossii [Clientelism and Russian Statehood: A Study of Clientele Relations, Their Role in the Evolution and Decline of Past Forms of Russian Statehood, Their Impact on Political Institutions and the Activities of Ruling Groups in Contemporary Russia]. Moscow, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2000, 320 p. (in Russ.)
- Bazarova T. A., Proskuryakova M. E.** Russkaya armiya i Ingermanlandiya v nachale Severnoi voiny (po materialam pokhodnoi kantselyarii A. D. Menshikova): novye podkhody k izucheniyu [Russian Army and Ingermanland in the Beginning of the Great Northern War (according to the Documents from the Field Chancellery of A. D. Menshikov): New Approaches to Research]. In: Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy [Saint Petersburg and Northern European Countries]. St. Petersburg, 2020, vol. 22, pp. 169–178. (in Russ.)
- Bekasova A. V.** Sem'ya, rodstvo i pokrovitel'stvo v Rossii XVIII veka: "Domovoe poddanstvo" grafa P. A. Rumyantseva [Family, Kinship and Patronage in Russia in the 18th Century: "Household Subjectship" of Count P. A. Rumyantsev]. Abstract of Thesis ... Cand. Hist. Sci. St. Petersburg, 2006, 24 p. (in Russ.)
- Eisenstadt Sh. N., Roniger L.** Patron-klientskie otnosheniya kak model' strukturirovaniya sotsial'nogo obmena [Patron-client Relations as a Model of Structuring Social Exchange]. In: Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti: Khrestomatiya [Patron-Client Relations in History and Modernity: Chrestomathy]. Moscow, 2016, pp. 366–413. (in Russ.)
- Gilev A.** Vvedenie. Chernye koshki v temnykh komnatakh: Issledovaniya politicheskogo patronazha v obshchestvennykh i gumanitarnykh naukakh [Introduction. Black Cats in Dark Rooms: Studies of Political Patronage in Social Sciences and Humanities]. In: Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti [Patron-Client Relations in History and Modernity]. Chrestomathy. Moscow, 2016, pp. 6–40. (in Russ.)
- Hall A.** Patron-Client Relations: Concepts and Terms. Friends, Followers, and Factions. In: A Reader in Political Clientelism. Berkeley, Los Angeles, London, Uni. of California Press, 1977, pp. 510–512.
- Kettering Sh.** Gift-giving and Patronage in Early Modern France. In: Kettering Sh. Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-Century France. Ashgate, 2002a, pp. 131–151.
- Kettering Sh.** Patronage in Early Modern France. In: Kettering Sh. Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-Century France. Ashgate, 2002b, pp. 839–862.
- Kopelev D. N.** Rossiiskii flot i patronat "s nemetskim litsom": model' Kruzenshterna [Russian Fleet and Patronage "with a German Face": Krusenstern's Model]. In: Problemy sotsial'nogo i gumanitarnogo znaniya [Problems of Social and Humanitarian Knowledge]. St. Petersburg, 2000, vol. 2, pp. 29–68. (in Russ.)
- Kopelev D. N.** Ad'yutantstvo na imperatorskom flote i ostzeiskie "seti doveriya" [Institute of Adjutants in the Imperial Fleet and the "Networks of Trust" of Natives from the Baltic Provinces]. *Novyi chasovoi. Russkii voenno-istoricheskii zhurnal* [New Guard. Russian Military History Journal], 2001, no. 11–12, pp. 7–22; 2002, no. 13–14, pp. 15–27. (in Russ.)
- Krom M. M.** Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia. *Russian History*, 2008, vol. 35, no. 3/4 (Fall-Winter), pp. 309–320.
- Kurukin I. V.** Artemii Volynskii i ego klienty [Artemy Volynsky and his Clients]. In: Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750) [The Ruling Elites and the Nobility of Russia during and after Peter's Reforms (1682–1750)]. Moscow, 2013, pp. 225–233. (in Russ.)
- Lavrinovich M. B.** Kak possorilis' Nikolai Petrovich s Alekseem Fedorovichem: Patron-klientskie otnosheniya v russkom obshchestve rubezha XVIII–XIX vv. [How Nikolai Petrovich Quar-

- reled with Alexey Fedorovich: Patron-Client Relations in Russian Society of the Late 18th and Early 19th Centuries]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2016, no. 3, pp. 91–110. (in Russ.)
- Lavrinovich M. B.** A Servant of Two Masters? The Role of Patronage and Clientage in the Career Strategies of a Moscow Official in the Late 18th and Early 19th Centuries. *Cahiers du Monde russe*, 2018, vol. 59, no. 1 (Janvier – mars), pp. 7–36.
- Nakishova M. T.** Pis'ma general-politsmeistera A. M. Deviera k knyazyu A. D. Menshikovu 1718–1727 gg.: opyt sodержatel'nogo analiza [Letters from the General Chief of Police A. M. Devier to Prince A. D. Menshikov from 1718 to 1727: Experience of the Content Analysis]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [E-journal "History"], 2020, vol. 11, iss. 12 (98), pt. 2. (in Russ.) URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840009417-7-1/> (accessed 26.08.2021).
- Patronat i klientela v istorii Rossii (materialy "kruglogo stola") [Patronage and Clientele in the History of Russia (Materials of the Discussion)]. In: *Novaya politicheskaya istoriya* [New Political History]. St. Petersburg, 2004, pp. 255–287. (in Russ.)
- Pavlenko N. I.** Ptentsy gnezda Petrova [Nestlings of Petrine Nest]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, 332 p. (in Russ.)
- Pavlov A. P.** Patronatno-klientel'nye otnosheniya pri moskovskom dvore v gody tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha [Patronage-Client Relations at the Moscow Court during the Reign of Tsar Mikhail Fedorovich]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal], 2019, no. 4, pp. 84–98. (in Russ.)
- Peck L. L.** "For a King not to be Bountiful were a Fault": perspectives on Court Patronage in Early Stuart England. In: *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti* [Patron-Client Relations in History and Modernity]. Chrestomathy. Moscow, 2016, pp. 149–184. (in Russ.)
- Polonsky D. G.** Epistolyarnyi etiket vo vzaimootnosheniyakh A. D. Menshikova s predstaviteleyami vlastnoi elity Petrovskoi epokhi [Epistolary Etiquette in the Relationship between A. D. Menshikov and Representatives of the Ruling Elite of the Petrine Era]. In: *Menshikovskie chteniya – 2011* [Menshikov Readings – 2011]. Scientific Almanac. St. Petersburg, 2011, vol. 2 (9), pp. 75–93. (in Russ.)
- Polonsky D. G.** Pravoslavnoe dukhovenstvo v perepiske s A. D. Menshikovym: etiket, ritorika i pragmatika [Orthodox Clergy in Correspondence with A. D. Menshikov: Etiquette, Rhetoric and Pragmatics]. *Menshikovskie chteniya – 2012* [Menshikov Readings – 2012]. Scientific Almanac. St. Petersburg, 2012, vol. 3 (10), p. 96–110. (in Russ.)
- Redin D. A.** The Pharaoh's Dream or the Collapse of Kirill Naryshkin, the Fourth Moscow Governor. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8, pp. 57–78. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-57-78
- Scott J. C.** Political Clientelism: A Bibliographical Essay. In: *Friends, Followers, and Factions. A reader in Political Clientelism*. Berkeley, Los Angeles, London, Uni. of California Press, 1977, pp. 483–505.
- Sedov P. V.** "On mne svoi..." (Svoistvo pri moskovskom dvore XVII veka) ["He is Kin to me" (Kinship at the Moscow Court of the 17th Century)]. In: *Nestor. Ezhekvartal'nyi zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy. Tekhnologiya vlasti. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya* [Nestor. A Quarterly Journal of the History and Culture of Russia and Eastern Europe. Power Technology. Sources, Research, Historiography]. St. Petersburg, 2005, pp. 190–199. (in Russ.)
- Tygilesky V.** Fraktsiya, kotoraya ne mogla proigrat' [A Faction which Could not Lose]. In: *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti* [Patron-Client Relations in History and Modernity]. Chrestomathy. Moscow, 2016, pp. 116–148. (in Russ.)
- Zaozersky A. I.** Fel'dmarshal Sheremetev i pravitel'stvennaya sreda Petrovskogo vremeni [Field Marshal Sheremetev and the Government Environment of Peter the Great's Time]. In: *Rossiya*

v period reform Petra I [Russia during the Reforms of Peter I]. Moscow, 1973, pp. 172–214. (in Russ.)

Zaozersky A. I. Fel'dmarshal B. P. Sheremetev [Field Marshal B. P. Sheremetev]. Moscow, Nauka publ., 1989, 308 p. (in Russ.)

List of Sources

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1900, vol. 4 (1706), 552 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Евгений Викторович Анисимов, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 57190245094

WoS Researcher ID AAM-2586-2021

Татьяна Анатольевна Базарова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57201741032

WoS Researcher ID S-2246-2016

Мария Евгеньевна Проскурякова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57222101505

WoS Researcher ID S-5426-2016

Information about Authors

Evgeny V. Anisimov, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 57190245094

WoS Researcher ID AAM-2586-2021

Tatyana A. Bazarova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57201741032

WoS Researcher ID S-2246-2016

Mariya E. Proskuryakova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57222101505

WoS Researcher ID S-5426-2016

Статья поступила в редакцию 30.08.2021;

одобрена после рецензирования 28.09.2021; принята к публикации 14.10.2021

The article was submitted 30.08.2021;

approved after reviewing 28.09.2021; accepted for publication 14.10.2021

Научная статья

УДК 34.09

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-63-74

Интеграция среднеазиатских территорий в систему национально-регионального управления Российской империи (XIX век)

Николай Иванович Красняков

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

kofe51@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3515-2288>

Аннотация

Анализируется нормативно-управленческая деятельность государственных институтов как регулирующее воздействие на общественную жизнедеятельность в региональном измерении. Исследуются учет и возможная консолидация классических принципов государственного управления: административной, национальной и государственной структуризации и конвергенционной институционализации властеотношений относительно отдельного региона. В рамках регионально-наместнической модели национально-регионального управления России делается вывод, что традиционность государственно-правового бытия как условие ее устойчивого функционирования и трансформации обеспечивалась определенным набором политико-правовых мероприятий в качестве перспективных линий этнополитики.

Ключевые слова

Россия, империя, регион, национально-региональное управление, многоукладность, унификация, иерархическая структура

Для цитирования

Красняков Н. И. Интеграция среднеазиатских территорий в систему национально-регионального управления Российской империи (XIX век) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 63–74. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-63-74

Integration of Central Asian Territories in the System of National and Regional Administration of the Russian Empire (19th Century)

Nikolay I. Krasnyakov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

kofe51@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3515-2288>

Abstract

The article analyzes the rulemaking and administrative work of government institutions from the point of regulatory impact on public life in the regional dimension. When systematizing the process of creating various models of autonomous governance, the imperial essence of Russia is identified by the formula “essentially monarchical power – regional non-sovereign entities – supra-ethnic composition of the population”. The article examines the accounting

© Красняков Н. И., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 63–74

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 63–74

and possible consolidation of the classical principles of public administration: administrative, national and state structuring and convergent institutionalization of power relations in relation to a particular region. It argues that the meaning of the imperial factor lies in the diversity of socio-political traditions of the diverse national and ethnic composition of the population of Russia, which became a result of the development of a complex centralized state. Concerning the Central Asian territories, the idea of power relations in the empire in practice transformed into the interaction of various groups of its population against the background of the non-definiteness of the processes of formation of national identities. The article concludes by arguing that considering the regional-appointee (namestnichestvo) model of national-regional governance of Russia, the traditional state-legal existence as a condition for its sustainable functioning and transformation was provided by a certain set of political and legal measures as promising lines of ethnopolitics.

Keywords

Russian, empire, region, national and regional governance, multiculturalism, unification, hierarchical structure

For citation

Krasnyakov N. I. Integration of Central Asian Territories in the System of National and Regional Administration of the Russian Empire (19th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 63–74. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-63-74

Актуализирующим тему фактором выступает сложность закрепления в империи классических принципов функционирования управления: административной, национальной и государственной структуризации власти ввиду альтернативности форм их реализации в государственном устройстве. Представляется, что именно в имперском дискурсе взаимодействия и взаимообусловленности многочисленных иерархий в праве, государстве и социуме отражается еще один элемент социальной и научно-познавательной значимости исследовательского замысла.

Теоретико-методологической основой исследования выступают труды историков права С. В. Кодана [2004], Л. Е. Лаптевой [1998], Ю. Л. Шульженко [2008], причем в их работах наблюдается расширение предметности проблематики в части рассмотрения значения социокультурных институций и функционирования законодательно-территориальной организации в России имперского периода, а также работы философско-материалистической направленности, в которых анализируется единство многообразия в империостроительстве в условиях предельной пестроты местных традиций населения [Каспэ, 2001; Кантор, 2007; Национализм..., 2007]. В качестве мировоззренческой позиции принята политико-философская концепция социальной модернизации применительно к нормативной сфере жизнедеятельности, а также исторической регионалистики. Источниковую базу составили политико-юридические проекты, материалы делопроизводства правительственных учреждений и законодательные акты XIX в.

Поскольку предмет-объектным содержанием избрана нормативно-управленческая деятельность государственных институтов, возникает потребность определить характер государственной власти в имперском политико-правовом пространстве и отдельные черты ее реализации непосредственно в государственном управлении на региональном уровне применительно к среднеазиатским владениям России. Хронологические рамки определены XIX в., поскольку к этому времени завершилось утверждение Российского государства официально и фактически в статусе империи и на данной основе в его геополитике возрастает значение среднеазиатского региона как платформы по расширению влияния на восточных соседей.

Следует признать рациональной позицию Л. А. Тихомирова, высказывавшего принципиальное мнение о естественной и ненасильственной природе имперской власти и на примере Рима утверждавшего, что императоры не присваивали себе верховную власть и не представляли ее независимой от народа. По факту у них сосредотачивалась власть военная, и в качестве *princeps* сената они председательствовали в законодательном собрании, в исполнительных же структурах они концентрировали в своих руках несколько высших должностей. Тем не менее, императорская власть оставалась не верховной, а лишь делегированной от народа. Как при республике «народ поручал всю управительную власть аристократии, так он передавал теперь всю власть Кесарю» [Тихомиров, 1998, с. 122]. Следовательно, империя может

быть и не деспотической – в случае поддержания существенных элементов традиционного самоуправления присоединяемых территорий в виде общественно-территориальных, корпоративных или сословных форм. Учитывая же, что *imperium* обозначал концентрацию исполнительной власти, непосредственно осуществляющей государственное управление силами развитой бюрократии, стоит идентифицировать имперскую природу политических сообществ с эволюцией бюрократии и институционализацией административной системы в центре и присоединяемых территориях.

В силу многофакторной специфики включаемых в состав России территорий государственное устройство характеризовалось различными формами: от непосредственного подчинения центру до национально-территориального самоуправления на основе выборов от местного социума, причем принципиально в сочетании со сложившимися общеимперским, особым или надведомственным и особым применительно к разнородным периферийным территориям управлением с присущими ему элементами автономии. Потому внутри государственно-бюрократического механизма следует выделять дополнительно модели-режимы территориально-регионального управления с учетом сочетания в различном объеме централизации, автономизации, децентрализации, деконцентрации и региональной локализации в отношении отдельных регионов. Политическая линия на нивелирование местных особенностей региона и методы, с помощью которых шло освоение новых земель, зависели от интегративных возможностей, перспективности хозяйственного развития, военного и политического потенциала вновь присоединяемых территорий. Обратим внимание, что именно автономизм, а не автономность следует считать более точным определением по смыслу государственного устройства империи, учитывая ее унитарность и абсолютистский, самодержавный характер государственной власти в России, тем более что согласно классическому определению «автономия – право самостоятельного законодательства» [Словарь..., 1906, с. 55].

На наш взгляд, уже со второй половины XVII в. в России началось утверждение имперской государственности, которая, в свою очередь, детерминировала подходы, направления и реформы относительно новых территориальных владений. Россия в отличие от колониаторского подхода государств Западной Европы поэтапно включала новые территории, во многом «в силу чисто политических побуждений, как необходимое условие обеспечения своего могущества и независимости» [Коркунов, 1897, с. 180–181]. При этом присоединение «каждый раз ставило перед властью проблему его интеграции в общую правовую и административную систему» [Дякин, 1998, с. 15]. Можно утверждать, что в определении предметности интеграции периферии значительную роль играл их политико-правовой опыт как перспективный инструментальный сохранения стабильности в этом регионе и имперской административной системе в целом. Дальнейшая трансформация регионально-институционального моделирования-измерения обуславливалась тем, что Россия постепенно инкорпорировала новые территории, задействуя различные варианты включения периферийных регионов, поскольку их население состояло в различных укладах общественно-политического, экономического и культурного развития.

В результате можно признать, что к середине XIX в. сложились и действовали до начала XX в. определенные модели регионального управления, определяющими факторами которых стали особенности правового регулирования социума в различных территориях и степень непосредственного участия монарха в местном управлении, причем их действие детерминировалось официально признаваемой цивилизаторской миссией. Институциональная рационализация регионального управления занимает самостоятельное место в механизме государства с совершенствованием системы права как юридического инструмента упорядочения сформировавшегося многоэтничного, поликонфессионального и многоукладного социально-политического сообщества. Согласимся, что постепенно сущность государственного управления изменялась от самодержавно-земского к самодержавно-бюрократическому [Богословский, 1918, с. 31], поскольку создание и реализация различного рода правовых актов также становилась функцией бюрократии центрального, регионального и местного уровней. Под-

водя итог вышесказанному, в качестве интегрирующей идеи отразим сложившиеся модели национально-регионального управления: национально-автономистская (Царство Польское, Финляндия), территориально-автономистская (Остзейские губернии, Западный край, Малороссия), смешанная (Сибирь), министерско-губернская (внутренние губернии), регионально-наместническая (Бессарабия, Кавказ, Средняя Азия) [Красняков, 2011].

К середине XIX в. среднеазиатский вопрос занимал самостоятельное место в восточной геополитике империи, его значение определялось не столько интересами промышленного и торгового развития, сколько необходимостью устойчивого влияния на государства азиатского региона. В 1854–1865 гг. в ходе военных и дипломатических действий передовая оренбургская и сибирская границы были замкнуты, и Россия получила плацдарм для сосредоточения достаточного количества войск. Они стали гарантом авторитета империи в Средней Азии в отношении населенных множеством мусульманских этносов феодальных княжеств-ханств.

Согласно приказу военного министра 1865 г. управление образованной Туркестанской областью поручалось особому военному губернатору, на которого также возлагалось и командование расположенными там войсками. Подчеркивалось двойное подчинение должностного лица – в военном отношении командующему войсками Оренбургского края, в гражданском – оренбургскому генерал-губернатору [Романовский, 1868, с. 107, 153]. Уже имевшийся у центральной власти опыт управления сложносоставным социумом на Кавказе, в среднеазиатских территориях сталкивался с новыми условиями: мусульманская вера населения и множество мелких ханств, к каждому из которых необходимо проводить адекватную политику сближения или вовсе присоединения. Также в 1865 г. принято Временное положение об управлении Туркестанским краем (ПСЗ-II, 1867, т. 40, № 42373), закрепившее начала функционирования региональной администрации. Вся власть была сосредоточена у военного начальства, на административные органы возлагался лишь надзор за населением, его внутренний быт гарантировался прежним.

В 1866 г. после инкорпорации стратегического по значимости Ташкента [Материалы к исследованию..., 1912, с. 47] вопрос о статусе региона предлагается решить двумя путями, различающимися принципиально. Так, оренбургский генерал-губернатор Крыжановский желал сохранить прежний курс и образовать полунезависимую административно-территориальную единицу по типу протектората. Вариант командующего войсками генерала Черняева предусматривал необходимость полного присоединения [Романовский, 1868, с. 66]. Учрежденный в 1867 г. Александром II специальный комитет во главе с военным министром признал необходимым, кроме устройства пограничного края в виде Туркестанского генерал-губернаторства из Семиреченской¹ и Сыр-Дарьинской областей, руководствоваться уже показавшими эффективность в регионе принципами: соединение административной и военной власти в одних руках и предоставление на основе местных обычаев внутреннего управления самому туземному населению и выборным – по делам, не имеющим политического характера.

Уже в процессе обсуждения учреждения об управлении новым генерал-губернаторством в 1867 г. монарх утвердил предложения Комитета Министров (ПСЗ-II, 1871, т. 42, № 44831), которыми поручалось генерал-губернатору на месте апробировать проект и представить его со своими соображениями для принятия решения. Кроме обозначенного, предусматривалось, что по компетенции военно-народного управления он будет действовать на основании общих предметов ведения и полномочий, предоставленных другим региональным правителям (ПСЗ-II, 1871, т. 42, № 44831). Практика реализации акта расширила власть генерал-губернатора: предоставлено право приводить к присяге желающих вступить в русское подданство и поощрять медалями местное население за усердие (Отчет по ревизии..., 1910, с. 10).

Областной уровень администрации включал военного губернатора с правами и обязанностями губернаторов по общеимперским учреждениям, по командованию войсками – на осно-

¹ Семиреченская область в 1881 г. передана из Туркестанского края в сформированное на базе Западно-Сибирского Степное генерал-губернаторство.

вании положения о местном военном округе, а также областные правления из трех отделений – распорядительного, хозяйственного и судебного. В качестве коллегии оно объединяло власть губернского правления и казенной палаты. Широта компетенции областного правления проявлялась в том, что как гражданская палата оно рассматривало дела, превышающие компетенцию мировых судей; как коммерческий суд – дела, относящиеся к их компетенции; как уголовная палата – дела о преступлениях по службе и даже выступало в роли мирового съезда, вынося окончательные решения.

Следующей ступенью являлось уездное управление, которое поручалось в административном и полицейском отношениях единоличной власти уездного начальника, на правах уездного исправника, вплоть до распоряжения войском. На основе выборности местное самоуправление по вопросам податей, судопроизводства и административных дел закреплялось раздельно для кочевого и оседлого населения, при этом для первых предусмотрены аульская и волостная инстанции, для вторых – лишь аксакальская на уровне волости. Генерал-губернатор в случае злоупотреблений или ненадлежащего исполнения обязанностей мог отстранять волостных управителей от должности, а уездный начальник таким же образом мог принимать меры к аульным старшинам.

Вводится иное судебное устройство из судов трех видов: военного, народного и общеимперского гражданского. Учрежденными органами стали уездный судья, военно-судебные комиссии, областные правления, состоявшие в подчинении Сената. В районах кочевого и полукочевого проживания создан народный суд с выборным бием. Выборные должностные лица проходили утверждение губернатором, жалованьем им определялся бийлык – десятая доля присуждаемой по иску суммы. Существовали три инстанции народного суда: единоличные суды биев, волостные суды биев, чрезвычайные съезды биев, действовали они гласно и публично, что подтверждало линию правительства на передачу в руки народа большей части управления (Отчет по ревизии..., 1910, с. 15). Однако стремление руководствоваться стратегическими задачами по интеграции края и далее, по влиянию на сопредельные государства, подкреплялось незначительными реальными возможностями. Последствия сложившейся административной практики оказались таковы, что ознакомление с делами региона было в целом случайным и кратковременным – ни один из быстро сменявшихся генерал-губернаторов за десятилетие 1858–1868 гг. так и не успел объехать всего генерал-губернаторства [Романовский, 1868, с. 33–34].

Переход к следующей вехе в интеграции среднеазиатских владений связан с налаживанием связей протектората с соседними ханствами, причем некоторые вошли в состав России, вследствие чего были созданы условия для дальнейшей унификации административной организации. Так, прежде находящееся под протекторатом Бухарское ханство по итогам договора 1873 г. попало под больший контроль, хотя и сохраняло некоторые льготы и привилегии. Созданное здесь в 1885 г. императорское политическое агентство и специальный представитель центра не имели права вмешиваться во внутренние дела, но имели полномочие контролировать внешнюю политику, военное и внешнеторговое положение [Терентьев, 1906, с. 281–284; Халфин, 1965, с. 330–335]. В судебной комиссии, состоявшей из политического агента и высшего чиновника местной администрации куш-беги, рассматривались по взаимному согласию сторон возникавшие между российскими и бухарскими подданными уголовные и гражданские дела (Всепопданнейший доклад..., 1910, с. 106–107). В начале XX в. генерал-губернатор предложил императору способствовать «мирному слиянию ханства с прочими областями края на началах однородного с ними административного устройства» (Всепопданнейший доклад..., 1910, с. 108).

Покорение Хивинского ханства завершилось заключением мирного договора 1873 г., оно также получило статус протектората [Абдулатипов и др., 1992, с. 47]. Деятельность хана стала контролироваться Диваном из четырех представителей имперской администрации и трех назначаемых генерал-губернатором представителей Хивы, при этом решения Дивана под руководством хана подлежали утверждению генерал-губернатором. По договору хивинские

территории по правому берегу Амударьи отходили Российской империи, русским предоставлялось право свободного проживания здесь и беспошлинной торговли, хан обязывался за 20 лет выплатить 2 200 000 руб. военной контрибуции. В это же время (в 1875 г.) договором в результате завоевания Кокандского ханства к России присоединена его северная часть по правому берегу Нарыны, с городом Наманганом с вхождением в состав генерал-губернаторства. В 1876 г. присоединено другое ханство под наименованием Ферганской области. В 1880 г. мирно занят Асхабад, в итоге чего территориальные приобретения Ахал-Текинского оазиса образовали Закаспийскую область, до 1890 г. остававшиеся частью Кавказского наместничества.

В 1871 г. генерал Кауфман выступил с проектом реформирования региональной администрации с учетом местных условий и постепенным их нивелированием [Васильев, 2014, с. 6], стремясь к унификации на основе выработанных для остальных территорий империи норм. Поскольку генерал-губернаторская власть не в силах единолично выполнить контроль и надзор, он считал нужным учредить коллегиальный орган управления – совет, включающий представителей различных министерств во главе с генерал-губернатором. Совет наделялся бы полномочиями, предоставленными Комитету министров, чтобы по каждой сфере управления он являлся подразделением министерства в регионе. Но проект не был согласован министерствами, поскольку подобные решения уже обнаружили свою нежизнеспособность на Кавказе, отчего и там были отменены. Последующая ревизия края во главе с тайным советником Гирсом и обсуждение ее итогов в 1884 г. подтвердили противоречивость основ административной системы региона и необходимость более соответствующего местным нуждам гражданского управления, которое бы прочно закрепило край за Россией и уменьшило расходную часть управления, увеличив доходы (Отчет по ревизии..., 1910, с. 28–29).

В итоге в 1886 г. утверждено Положение об управлении Туркестанского края (ПСЗ-III, 1888, т. 6, № 3814), устанавливающее единообразные начала судебной системы, систем землевладения и землепользования, налогообложения, политико-административного устройства этого региона империи, что, по замечанию генерал-губернатора барона А. Б. Вревского, закрепляло «прочное основание законодательному устройству местного быта»². Согласно сложившемуся нормативному регулированию к концу XIX в. край включал пять областей: Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую, Семиреченскую и Закаспийскую. Области примерно в одинаковой степени состояли под надзором генерал-губернатора. Общее управление генерал-губернаторством, кроме государственного контроля, учебного и почтово-телеграфного, обозначалось предметом ведения военного министерства по типу кавказского региона, что фиксировало определенно особый должностной статус генерал-губернатора. Дополнительно им решались: отношения с Бухарой и Хивой; утверждение торгов и порядка производства дел по казенным сооружениям; высылка неблагонадежных лиц; принятие туземцев в подданство; опротестовывание в соответствующих министерствах постановлений совета, и давалось право в неотлагательных случаях под свою ответственность приводить их в исполнение. Особо нужно заметить, что региональный правитель мог изменять, ограничивать и отменять общеимперское законодательство в подведомственных территориях [Карпенкова, 2016, с. 105].

Исполнительный орган края – канцелярия состояла из трех отделений: по вопросам управления и личного состава; по земельным вопросам, налогам, по делам строительства, связи, просвещения и медицины; по финансам, статистике, землям, вакуфному имуществу, по контролю за иностранными подданными; особый отдел занимался решением вопросов с российскими протекторатами – Бухарой и Хивой. Нижестоящие областные правления находились в ведении военных губернаторов и регулировали дела по землевладению, землепользованию, водопользованию, устанавливали и собирали налоги, контролировали деятельность городской и сельской администраций в уездах, вели городское хозяйство.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1815. Л. 7–8.

Туркестанское административное управление продолжало относиться к военно-народному, поэтому города здесь не пользовались правом самоуправления. Оседлые поселения, кочевые селения сохранили традиционность самоуправления по нормам адата и шариата. Продолжил функционировать народный суд, осуществлявший судопроизводство среди кочевников по обычному праву, среди оседлых – по мусульманскому праву. Положением об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями предусматривалось, что на крестьянских и инородческих начальников возлагались обязанности «по общему наблюдению за инородческим управлением и народным судом, а также попечению о нуждах инородцев» [Материалы к исследованию..., 1912, с. 179]. Иначе говоря, региональная административная система включала губернии-области, военные округа, уезды, специфические мусульманские волости, кроме того, генерал-губернатор сочетал военное и гражданское управление, что позволяет сделать вывод о схожести Туркестанского генерал-губернаторства с наместничеством по типу Кавказа.

Положением оговаривалось, что судебные учреждения в регионе в принципе трансформируются на основании общих правил по Судебным уставам, однако действие общеимперского права постоянно уточнялось разъяснениями Сената, а в дальнейшем и изменялось внесением дополнений в законодательство в случае возникновения потребности. В судопроизводстве закон допускал в отдельных случаях разрешение споров не по общим законам империи, «потому что наследственное право магометан имело свои основы по преимуществу в их бытовых и религиозных особенностях». И напротив, гражданские права не имели взаимосвязи со своеобразием юридического быта их наследственного права и определялись общеимперским законодательством. В разъяснениях Правительствующего Сената по вопросу о пределах применения мусульманского права судьям предписывалось, что «имеются лишь льготные постановления, которыми облегчается оформление прав туземцев на принадлежащие им по местным воззрениям земли» [Материалы к исследованию..., 1912, с. 239–242]. Последующее отделение от военно-административного управления судебной власти по Положению 1886 г. превращало последнюю в независимую даже от главы региона, что повлекло обращение генерал-губернатора в центр, и потому в дальнейшем по Временным правилам о применении судебных уставов 1864 г. в Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях с 1898 г. изменена структура судебных органов. Четко зафиксированы полномочия мировых судей, съездов мировых судей, окружных судов, судебных палат и верховного кассационного суда – Правительствующего сената, отдельно оговаривалось влияние мусульманского населения на суд.

Духовная сфера жизнедеятельности туземцев находилась в ведении общих законов, закреплявших дела христиан иностранных исповеданий и иноверцев за министерством внутренних дел, с оговоркой, что не представленные в Учреждениях и Уставах иные дела и случаи решаются монархом (Свод законов, 1896, п. 13, 15). Соответственно, в крае управление духовными делами мусульман принадлежало их высшему и приходскому духовенству. Решения Духовного руководства должны были исполняться на местном и русском языках, с указанием оснований – российских и мусульманских норм. Если решение превышало данную Духовному правлению власть, нужно было через губернатора обращаться в министерство внутренних дел или Сенат по компетенции (Свод законов, 1896, п. 1342, 1404).

Нехватка квалифицированных кадров гражданского управления, значительное действие структур самоуправления способствовали обращению в 1895 г. генерал-губернатора А. Б. Вревского с ходатайством о предоставлении «главному начальнику края прав и власти, какой пользуются генерал-губернаторы в местностях, объявленных на положении усиленной охраны»³. Наряду с внедрением институтов имперской власти и права, он предлагал и «более широкое водворение в нем русских переселенцев-крестьян», тем более что крестьянское пе-

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1815. Л. 18–20.

реселение возникло стихийно вслед за образованием Туркестанского генерал-губернаторства⁴. И указом 1897 г. (ПСЗ-III, 1900, т. 17, № 14818) решено следовать доказавшим эффективность на Кавказе нормам по структуре региональной администрации. В частности, учреждена должность помощника командующего Туркестанского военного округа, подобно помощнику Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, что в случае отбытия генерал-губернатора из региона или продолжительной болезни, позволяло помощнику исполнять его обязанности. Компетенции помощника ставились в прямую зависимость от личного усмотрения генерал-губернатора и ограничивались лишь определенными статьями, в основном о принятии чрезвычайных мер. Соответственно, как и на Кавказе, здесь сохранялось значительное наместническое, «личное начало» высшего должностного лица в регионе, обусловленное обширными пространствами, отсутствием удобных путей сообщения, немногочисленностью гражданской администрации. И это при том, что нужно было создавать порядок управления, позволявший «туземному населению видеть в русской администрации защитников от произвола местной аристократии и одновременно не оттолкнуть знать от новой власти» [Тихонов, 2010, с. 328], отчего порождались новые идеи относительно управления регионом.

В разработанном к 1905 г. проекте управление регионом передавалось в министерство внутренних дел на основе губернской административной системы империи (Отчет по ревизии..., 1910, с. 34, 232), но до 1917 г. существенных изменений не осуществлено. И всё же подчеркнем, функционирование имперской администрации способствовало тому, что к началу XX в. восприятие русских и России местным населением претерпело существенные изменения – из образа «врага и завоевателя» трансформировалось в образ «сильного и мудрого покровителя» [Лисицына, 2014, с. 29].

Можно заключить, что в имперских государствах бюрократия консолидирует преимущественно общегосударственные дела, тем самым способствуя постепенной потере связей согласования-координации субъектов многоукладного социума. Только жизнеспособность санкционированных обычных общественно-территориальных институтов и преемственность жизненных укладов могут тормозить такой кризис. Автономизм в управлении разнородными регионами превратился в элемент правоприменительной практики и был закреплен законом, при этом центр, внутренние губернии играли роль стабилизирующей и обеспечивающей «критической массы» в общих интересах всех этносов.

Интересы Российской империи в Средней Азии к середине XIX в. имели самостоятельное значение в расширении территориальных пределов и были обусловлены прежде всего настойчивой потребностью обеспечения влияния империи на государства азиатского региона. Полученная в ходе военных и дипломатических действий в период 1854–1865 гг. территория России для сосредоточения здесь достаточного числа войсковых формирований создавала гарантии роста авторитета империи среди государств Средней Азии.

Приказом военного министра в 1865 г. общее управление образованной Туркестанской областью поручалось особому военному губернатору при его двойном подчинении: министерствам внутренних дел и военному. С 1867 г. генерал-губернатор наделялся правом ведения дипломатических отношений, соответственно его компетенция в начальный период интеграции региона была более широкой, и он был менее зависим от центра. Постепенно достигнутая определенная стабильность в крае в ходе реализации Положения 1867 г. и иных актов по управлению отдельными областями края, завоевание и мирное присоединение некоторых ханств, а также оформление отношений протектората Российской империи с Бухарой и Хивами сформировали предпосылки для унификации государственного управления среднеазиатскими владениями. С принятием Положения об управлении Туркестанского края 1886 г. в регионе внедряются начала единообразной административной системы, устанавливающие основы судопроизводства, систем землевладения и землепользования, налогообло-

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1815. Л. 32.

жения, политико-административного устройства, но при этом региональный правитель мог изменять, ограничивать и отменять общеимперское законодательство в подведомственных территориях, что по образцу кавказских территорий налагало особый отпечаток на должностной статус регионального правителя.

Список литературы

- Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.** Федерализм в истории России. М.: Республика, 1992. Кн. 1. 383 с.
- Богословский М. М.** Из истории верховной власти в России. 2-е изд. Пг.: Задруга, 1918. 34 с.
- Васильев Д. В.** Организация управления в русском Туркестане по проектам положения об управлении 1870-х гг. // Наукоеведение. 2014. № 5 (24). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf> (дата обращения 12.01.2021).
- Дякин В. С.** Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX века). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.
- Кантор В. К.** Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса: к проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2007. 541 с.
- Карпенкова Т. В.** Институт генерал-губернаторства как форма управления многонациональными окраинами (на примере Туркестанского края Российской империи) // Вестник Международного института экономики и права. 2016. № 1 (22). С. 99–107.
- Каспэ С. И.** Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. 256 с.
- Кодан С. В.** Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг. Екатеринбург: УрАГС, 2004. 324 с.
- Коркунов Н. М.** Русское государственное право. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. Т. 2: Особенная часть. 589 с.
- Красняков Н. И.** Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX в. М.: Nota Bene, 2011. 374 с.
- Лаптева Л. Е.** Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX в.). М.: Изд-во ИГиП РАН, 1998. 151 с.
- Лисицына Н. Н.** Расширение Российской империи в Центральной Азии и восприятие русских и России населением Туркестана (вторая половина XIX в.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. № 2. С. 26–30.
- Материалы к исследованию колонизационных районов Азиатской России / Под ред. Б. А. Федченко. СПб., 1912. 216 с.
- Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с.
- Романовский Д. И.** Заметки по средне-азиатскому вопросу. С приложениями и картой Туркестанского генерал-губернаторства. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1868. 293 с.
- Словарь юридических и государственных наук. СПб., 1906. 328 с.
- Терентьев М. А.** История завоевания Средней Азии. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1906. Т. 2. 672 с.
- Тихомиров Л. А.** Монархическая государственность. М.: Облиздат, Абир, 1998. 672 с.
- Тихонов А. К.** Организация государственного управления западными и южными окраинами Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 314–332.
- Халфин Н. А.** Присоединение Средней Азии к России. М.: Наука, 1965. 468 с.
- Шульженко Ю. Л.** Очерк российского конституционализма монархического периода. М.: Ин-т гос. и права РАН, 2008. 144 с.

Список источников

- Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году. Ташкент, 1910. 58 с.
- Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Краевое управление. СПб.: Сенат. тип., 1910. 270 с.
- ПСЗ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1867. Т. 40. 949 с.; 1871. Т. 42. 1261 с.
- ПСЗ-III – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1888. Т. 6. 1209 с.; 1900. Т. 17. 1571 с.
- Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11, ч. 1: Уставы Духовных Дел Иностранных Исповеданий, изданные в 1896 г. 406 с.

References

- Abdulatipov R. G., Boltenkova L. F., Yarov Yu. F.** Federalizm v istorii Rossii [Federalism in the History of Russia]. Moscow, Respublika Publ., 1992, book 1, 383 p. (in Russ.)
- Bogoslovsky M. M.** Iz istorii verkhovnoi vlasti v Rossii [From the History of the Supreme Power in Russia]. Petrograd, Zadruga Publ., 1918, 34 p. (in Russ.)
- Dyakin V. S.** Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX – nachalo XX veka) [The National Question in the Internal Policy of Tsarism (19th – Early 20th Century)]. St. Petersburg, LISS publ., 1998, 1000 p. (in Russ.)
- Fedchenko B. A.** (ed.). Materialy k issledovaniyu kolonizatsionnykh raionov Aziatskoi Rossii [Materials for the Study of Colonization Areas of Asian Russia] St. Petersburg, 1912, 216 p. (in Russ.)
- Kantor V. K.** Sankt-Peterburg: Rossiiskaya imperiya protiv rossiiskogo khaosa: k probleme imper-skogo soznaniya v Rossii [St. Petersburg: The Russian Empire against the Russian Chaos: On the Problem of Imperial Consciousness in Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 541 p. (in Russ.)
- Karpenkova T. V.** Institut general-gubernatorstva kak forma upravleniya mnogonatsional'nymi okrainami (na primere Turkestanskogo kraia Rossiiskoi imperii) [Institute of General-Governors as a Form of Management of Multinational Suburbs (on the Example of the Turkestan Region of the Russian Empire)]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava* [Bulletin of the International Institute of Economics and Law], 2016, no. 1 (22), pp. 99–107. (in Russ.)
- Kaspe S. I.** Imperiya i modernizatsiya. Obshchaya model' i rossiiskaya spetsifika [Empire and Modernization. General Model and Russian Specifics]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 256 p. (in Russ.)
- Khalfin N. A.** Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii [The Incorporation of Central Asia to Russia]. Moscow, Nauka, 1965, 468 p. (in Russ.)
- Kodan S. V.** Yuridicheskaya politika Rossiiskogo gosudarstva v 1800–1850-e gg. [The Legal Policy of the Russian Government in the 1800s – 1850s.]. Ekaterinburg, UrAGS, 2004, 324 p. (in Russ.)
- Korkunov N. M.** Russkoe gosudarstvennoe pravo [Russian State Law]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1897, vol. 2. Osobennaya chast' [Special Part], 589 p. (in Russ.)
- Krasnyakov N. I.** Imperskii faktor v gosudarstvennom upravlenii Rossii XVIII – nachala XX v. [The Imperial Factor in the Public Administration of Russia in the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow, Nota Bene, 2011, 374 p. (in Russ.)

- Lapteva L. E.** Regional'noe i mestnoe upravlenie v Rossii (vtoraya polovina XIX v.) [Regional and Local Governance in Russia (the 2nd Half of the 19th Century)]. Moscow, Izdatel'stvo IGIIP RAN, 1998, 151 p. (in Russ.)
- Lisitsyna N. N.** Rasshirenie Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii i vospriyatie russkikh i Rossii naseleniem Turkestana (vtoraya polovina XIX v.) [The Expansion of the Russian Empire in Central Asia and the Perception of Russians and Russia by the Population of Turkestan (the 2nd Half of the 19th Century)]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: People, Society, Cultures, Meanings], 2014, no. 2, pp. 26–30. (in Russ.)
- Romanovsky D. I.** Zametki po sredne-aziatskomu voprosu. S prilozheniyami i kartoi Turkestan-skogo general-gubernatorstva [Notes on the Central Asian Issue. With Appendices and a Map of the Turkestan General Government]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1868, 293 p. (in Russ.)
- Shulzhenko Yu. L.** Ocherk rossiiskogo konstitutsionalizma monarkhicheskogo perioda [An Essay on Russian Constitutionalism of the Monarchic Period]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, 2008, 144 p. (in Russ.)
- Slovar' yuridicheskikh i gosudarstvennykh nauk [Dictionary of Legal and State Sciences]. St. Petersburg, 1906, 328 p. (in Russ.)
- Terentyev M. A.** Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [History of the Conquest of Central Asia]. St. Petersburg, Tipografiya V. V. Komarova, 1906, vol. 2, 672 p. (in Russ.)
- Tikhomirov L. A.** Monarkhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical Statehood]. Moscow, Oblizdat, Alir, 1998, 672 p. (in Russ.)
- Tikhonov A. K.** Organizatsiya gosudarstvennogo upravleniya zapadnymi i yuzhnymi okrainami Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Establishment of Public Administration of the Western and Southern Periphery Territories of the Russian Empire in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University], 2010, no. 1, pp. 314–332. (in Russ.)
- Tishkov V. A., Shnirelman V. A.** (eds.). Natsionalizm v mirovoi istorii [Nationalism in World History]. Moscow, Nauka publ., 2007, 601 p. (in Russ.)
- Vasilyev D. V.** Organizatsiya upravleniya v russkom Turkestane po proektam polozheniya ob upravlenii 1870-kh gg. [Administration System of Russian Turkestan: The Case of 1870s Projects of the Statute for Governing of the Region]. *Naukovedenie*, 2014, no. 5 (24). (in Russ.) URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf> (accessed 12.01.2021).

List of Sources

- Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi po Vysochaishemu poveleniyu senatorom gofmeisterom grafom K. K. Palenom. Kraevoe upravlenie [Report on the Audit of the Turkestan Territory, Carried out under the Highest Command by the Senator of the Chamber of Commerce, Count K. K. Palen. Regional Administration]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1910, 270 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1867, vol. 40, 949 p.; 1871, vol. 42, 1261 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1888, vol. 6, 1209 p.; 1900, vol. 17, 1571 p. (in Russ.)
- Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Law Code of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1896, vol. 11, pt. 1. Ustavy Dukhovnykh Del Inostrannykh Ispovedanii, izdannye v 1896 g. [Statutes of Spiritual Affairs of Foreign Confessions, Published in 1896], 406 p. (in Russ.)

Vsepoddanneishii doklad Turkestanskogo general-gubernatora o polozhenii Turkestanskogo kraia v 1909 godu [The All-Subject Report of the Turkestan Governor-General on the Situation in the Turkestan Territory in 1909]. Tashkent, 1910, 58 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Николай Иванович Красняков, доктор юридических наук, доцент

Information about Author

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 12.04.2021;
одобрена после рецензирования 15.05.2021; принята к публикации 30.05.2021
The article was submitted 12.04.2021;
approved after reviewing 15.05.2021; accepted for publication 30.05.2021*

Научная статья

УДК 94(571):323.325 + 342.25

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-75-86

Социальный облик волостного писаря в Томской губернии (конец XIX – начало XX века)

Мария Александровна Резникова (Гордеева)

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

sharshova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2294-7134>

Аннотация

Рассматривается вопрос о роли волостного писаря в системе местного крестьянского самоуправления, а также его взаимоотношениях с государственными органами власти. Благодаря привлечению современных исследований, делопроизводственных материалов волостных правлений и материалов периодической печати автору удалось сформировать социальный облик волостного писаря. Профессиональные качества волостных писарей, как правило, не вызывали сомнений: это были грамотные, хорошо ориентировавшиеся в законодательстве и различных делопроизводственных инструкциях люди, умеющие найти нужное решение практически любых возникающих затруднений в функционировании волостных правлений. Личные качества, присущие волостным писарям, оставляли желать лучшего: халатность, взяточничество, пьянство, распущенность и вседозволенность. Сочетание настолько разных и противоречащих друг другу характеристик не позволило волостным писарям вписаться ни в крестьянскую среду, ни в корпорацию чиновничества.

Ключевые слова

порепорформенная Россия, история Сибири, крестьянское самоуправление, волостное правление, волостной писарь, волостной старшина, социальные характеристики

Для цитирования

Резникова (Гордеева) М. А. Социальный облик волостного писаря в Томской губернии (конец XIX – начало XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 75–86. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-75-86

The Social Representation of the Volost Clerk in Tomsk Province (Late 19th – Early 20th Century)

Mariia A. Reznikova (Gordeeva)

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

sharshova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2294-7134>

Abstract

The article analyzes the role of the volost clerk in the system of local peasant self-government, as well as his relationship with state authorities. Based on modern research outcomes, materials of volost boards and data from periodicals,

© Резникова (Гордеева) М. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 75–86
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 75–86

the author reconstructs the social image of the volost clerk. On the one hand, the article reveals numerous abuses on their part, negligence in the performance of their duties, immorality, arbitrariness and bribery. This behavior obviously did not allow peasants to consider volost clerks as full-fledged members of the community, which even at the beginning of the 20th century still remained a rather closed, with its own foundations and orders. Often the volost clerks were perceived by their status as higher than the volost foremen, to whom they were directly subordinate according to the law. On the other hand, peasants turned a blind eye to minor violations of these officials because of the informal connections of volost clerks with representatives of the highest echelons of power. Peasants often used their services to draw up petitions since they were the most educated and knowledgeable persons in the self-government. In other words, their professional qualities, competence and knowledge of local and all-Russian legislation, their ability to successfully solve the problems of both an individual peasant and the community as a whole, turned rural residents to perceive him as a guardian of the interests of the peasant population. Nevertheless, some favor from the higher authorities did not make a big difference for volost clerk, he remained an alien element both for the system of local self-government and for the system of imperial government.

Keywords

post-reform Russia, history of Siberia, peasant self-government, volost government, volost clerk, volost foreman, social characteristics

For citation

Reznikova (Gordeeva) M. A. The Social Representation of the Volost Clerk in Tomsk Province (Late 19th – Early 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 75–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-75-86

Волостной писарь – особая фигура в системе местного крестьянского самоуправления. По усмотрению выборных от сельских обществ он мог назначаться на волостном сходе или привлекаться по найму. В последнем случае это могли быть лица, не проживающие в волости и не принадлежавшие к крестьянскому сословию, но «хорошего поведения» (Волостное правление..., 1904, с. 112). Крестьяне, служившие по найму, в случае их дальнейшего избрания на ту же должность на волостном сходе, не имели права от нее отказаться. Должность писаря не могла совмещаться с должностью судьи. Писарь, как и члены его семьи, не могли содержать питейные заведения и состоять в них сидельцами и приказчиками (Там же, с. 112–113). В служебной иерархии волостной писарь находился в подчинении у волостного старшины. В его должностные обязанности входило лишь ведение делопроизводства. Однако в исследовательской литературе господствует мнение, что волостной писарь играл ключевую роль в функционировании волостных правлений. Он имел обширные связи не только среди жителей вверенной ему территории, но и среди представителей официальных властных структур. Разнообразные проверки и комиссии постоянно выявляли многочисленные нарушения и злоупотребления со стороны волостных писарей, не принимая, впрочем, серьезных мер не только к отстранению от службы неблагонадежных служащих, но и к устранению имеющихся нарушений. В связи с этим возникает несколько вопросов. Выгодно ли было официальным органам власти иметь своего «агента» на местах, закрывая глаза на разные издержки? Или же волостные писари являлись «двойными агентами», стараясь угодить одновременно и крестьянскому начальству, и официальным представителям власти? А может, писарь был главным хозяином на селе? Для ответа на эти вопросы следует обратиться к историческим исследованиям, делопроизводственным источникам, хранящимся в архивных фондах волостных правлений, периодической печати исследуемого периода. Реконструкция социального облика волостного писаря также призвана определить его место в системе местного самоуправления и оценить степень влияния писаря на ее функционирование. Под социальным обликом в данном случае понимается совокупность нравственно-психологических, ценностных характеристик, сложившихся в результате образа жизни, отношения к профессиональной деятельности, особенностей взаимоотношений внутри системы самоуправления, статусного положения в обществе.

В последние два десятилетия проявляется стойкий интерес историков к изучению деятельности должностных лиц крестьянского самоуправления и волостных писарей [Дружинина, 2015; Бимолданова, 2019; Карпинец, 2019]. С. Н. Тутолмин [2005] утверждает, что лишь институт сельского старосты, являясь древнейшим, наиболее близок крестьянам, в отличие

от остальных должностей. Г. В. Бурлова [2010; 2011], анализируя правовые аспекты деятельности волостных старшин, сельских старост, волостных и сельских писарей, показывает их относительную самостоятельность в становлении и расширении местного самоуправления, а также отмечает, что самоуправление на сельском уровне было регламентировано менее, чем на волостном. В ряде исследований волостным писарям уделено особое внимание. Авторы связывают возвеличивание писаря, его вес и влияние в крестьянской среде с тем, что он зачастую являлся самым грамотным человеком на селе [Якимова, 2003; Безгин, 2004; Залюбовская, 2012; Попов, 2016].

Одними из первых, кто всерьез обратил внимание на фигуру волостного писаря, были А. В. Ремнев и Н. Г. Суворова [2005]. Именно ими был поставлен вопрос о роли писаря в жизни сибирской деревни. Авторы проследили динамику развития института волостных писарей с середины XVIII в. и отметили, что включение этой должности в состав волостной администрации имело ключевое значение в регламентации деятельности крестьянского самоуправления [Там же, с. 287]. Важность должности писаря для государственных органов власти подтверждается тем фактом, что еще с начала XIX в. предпринимались попытки реализовать проекты подготовки должностных лиц из крестьянского сословия [Калинина, 2011]. Однако большого успеха они не принесли. Одним из последних и самых успешных проектов в Западной Сибири можно назвать Омскую школу волостных писарей, выпускники которой трудились впоследствии практически во всех округах Томской и Тобольской губерний [Ремнев, Суворова, 2005, с. 296].

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к вопросу о роли волостного писаря в системе крестьянского самоуправления и изучения ими большого массива источников, некоторые аспекты проблематики требуют привлечения дополнительных сведений. Так, открытым остается вопрос о региональной специфике института волостных писарей. Взаимоотношения писарей не только с местным населением, но и с представителями властных структур, их неформальные связи часто остаются недостаточно охарактеризованными. Привлечение материалов периодической печати позволяет восполнить данный пробел. В газетах и журналах, издаваемых в изучаемый период на территории Томской губернии, встречаются заметки не только о злоупотреблениях волостных писарей, но и о добросовестном исполнении ими своих обязанностей. Благодаря этим противоположным свидетельствам мы можем воссоздать относительно объективную характеристику формальных и неформальных отношений внутри крестьянского сообщества и официальных институтов власти.

Согласно закону компетенции писаря не выходили за рамки канцелярской работы. Однако на деле ситуация обстояла совсем иначе. В воспоминаниях Н. М. Чукмалдина, служившего сельским писарем в Тобольской губернии, ярко иллюстрируется эта должность: «Волостной писарь был истинный вершитель местных дел и посредник в отношениях между волостью и начальством, а голова, юридический хозяин волости и нередко даже судья, с безапелляционным приговором превращался фактически в полного манекена, руководимого писарем; он прикладывал к делам и приговорам свою печать и произносил словесные решения, руководствуясь тем, что написал или сказал писарь» (Чукмалдин, 1997, с. 63). Корреспондент газеты «Жизнь Алтая» Ф. Сибиряк называл писаря «спицей в колеснице сельского самоуправления», вершителем всех дел на селе (Жизнь Алтая, 1911, № 267, с. 3). Н. М. Астырев, служивший волостным писарем, утверждал, что тот «является единственной пружиной, приводящей в действие весь многосложный механизм волостного благоустройства» (Астырев, 1896, с. 135).

Подтверждением слов современников являются факты открытых конфликтов между волостными старшинами и писарями. В с. Шадринском Барнаульского уезда Томской губернии был уволен волостной старшина, который пользовался уважением у крестьян, но не нашел общего языка с вновь назначенным волостным писарем, имевшим связи и поддержку крестьянского начальника. Старшина препятствовал «самовластным действиям» писаря, вследствие чего подвергался административным наказаниям. И это всегда происходило после жалоб

писаря. Обнаружив подлог документов в сельских правлениях, волостной старшина представил их крестьянскому начальнику. Однако через два дня после этого случая писарь самостоятельно привез от крестьянского начальника постановление об увольнении старшины с заключением его под стражу на семь суток. «Таково наше крестьянское самоуправление!» – восклицал в изумлении корреспондент (*Жизнь Алтая*, 1911, № 272, с. 3).

Исследователи крестьянского самоуправления в Европейской России также отмечают ключевую роль писаря во взаимоотношениях крестьянских органов власти с официальными структурами. Зачастую волостные писари совмещали сразу несколько должностей. Например, в Великолукском уезде Псковской губернии волостной писарь являлся еще и разъездным, и сторожем [Никитина, 2014, с. 44]. В Бийском уезде Томской губернии волостной писарь Стародубов старался взять на себя все более-менее прибыльные должности. В 1915 г. он занял пост председателя пожарного общества. В связи с открытием в с. Старая Пристань казначейства писарь взялся путем добровольной подписки собрать необходимые денежные взносы с крестьян для внесения на счет Русско-Азиатского банка. Однако деньги так и осели в его карманах. Корреспондент журнала «Алтайский крестьянин» отметил, что, по скромным подсчетам, эта сумма составила более 400 руб. Также он упомянул, что сам писарь в волостном правлении появлялся редко. Все дела вели его помощники, собирая за всевозможные услуги деньги (*Алтайский крестьянин*, 1915, № 17, с. 26).

Также писари вели документацию волостного суда, который был включен в систему волостного правления. И здесь встречаются случаи злоупотреблений волостных писарей. В северо-восточных уездах Вологодской губернии, где проживали зыряне, не знающие русского языка, писари влияли на решения не только волостных правлений, но и волостных судов. Именно по этой причине волостные суды потеряли здесь доверие как должностных лиц, так и самих крестьян [Попов, 2014, с. 58]. Подобные ситуации мы можем наблюдать и в Томской губернии. Так, в с. Краснощеково Змеиногорского уезда писарь имел влияние на волостных судей. Корреспондент газеты «Жизнь Алтая» отмечал, что члены суда были «люди темные, невежественные, злоупотребляющие своей властью или же находящиеся под влиянием дельца писаря, властно распоряжающегося ими». С другой стороны, судьи не злоупотребляли спиртным во время исполнения своих обязанностей, когда на заседаниях суда присутствовал волостной писарь Горшков. Но они впадали в другую крайность: «они действительно сидят трезвые, но безмолвные, как манекены, не принимая участия в рассмотрении дел, их дело только подписать решения, составленные по единоличному усмотрению волостного писаря» (*Жизнь Алтая*, 1911, № 281, с. 3).

Еще одним важным фактором, который свидетельствовал об особом «привилегированном» положении волостного писаря на селе являлся размер его жалования. В конце XIX в. в некоторых волостях даже волостные старшины не получали денежного содержания за несение общественной службы, в то время как у писарей уже к концу 1880-х гг. среднее жалование было сопоставимо с окладами государственных служащих (табл. 1).

Н. М. Астыревым было замечено, что, даже несмотря на то, что оклад волостного писаря (при меньших ценах на продукты и жилье в деревне) фактически был в два – два с половиной раза выше оклада городского делопроизводителя, горожане редко шли в волостные писари (Астырев, 1896, с. 157). Очевидно, связано это было с тем, что объемы делопроизводства в волостных правлениях со временем только росли, отнимая немало времени у волостных писарей. Именно поэтому писари были вынуждены нанимать себе по несколько помощников. Эта практика получила распространение не только в Сибири, но и в европейских губерниях [Никитина, 2014, с. 46]. Следует заметить, что жалование своим помощникам платил сам волостной писарь. Зачастую именно это обстоятельство и подталкивало писарей к всевозможным махинациям для поиска дополнительных источников финансирования.

К началу XX в. размер жалования волостных писарей вырос в среднем почти в два раза (табл. 2).

Таблица 1

Жалование должностных лиц волостного самоуправления
(Бийский округ Томской губернии, 1880-е гг.)

Table 1

Salary of volost self-government's officials
(Biysk district of Tomsk province, 1880s)

Волость	Жалование, руб.
Алейская	900
Алтайская	1 200
Ануйская	1 200
Барнаульская	1 350
Бийская	1 200
Бобровская	850
Бухтарминская	960
Верх-Бухтарминская	400
Владимирская	950
Енисейская	1 200
Колыванская	925
Локтевская	850
Нарымская	880
Нижне-Чарышская	1 300
Ново-Алейская	750
Риддерская	720
Смоленская	1 200
Сростенская	1 000
Убинская	1 200
Усть-Каменогорская	700
Чарышская	1 400
Змеиногорская горнозаводская	700
Зырянская горнозаводская	950
Итого	22785
В среднем	990,65

Таблица составлена по: (Ваганов, 1886).

Размер жалования напрямую зависел от величины волости. В небольших волостях даже в начале XX в. уровень денежного содержания оставался крайне низким. Так, в 1915 г. в Тулинской волости Барнаульского уезда Томской губернии жалования сельских писарей составляли 360–370 руб.¹ Писарь с. Тулинского той же волости имел годовое жалование 420 руб. (это было прибавкой к его жалованию в качестве волостного писаря в этом же волостном центре)². Тем не менее в среднем волостные писари могли посоревноваться в величине своего жалования с некоторыми губернскими чиновниками.

¹ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 213. Л. 18, 25, 29, 38.

² Там же. Л. 2.

Таблица 2

Жалование должностных лиц волостного самоуправления
(Бийский уезд Томской губернии, 1916–1917 гг.)

Table 2

Salary of volost self-government's officials
(Biysk district of Tomsk province, 1916–1917)

Волость	Жалование, руб.
Алексеевская	1 000
Верх-Ануйская	1 800
Калманская	1 380
Михайловская	1 500
Нижне-Чарышская	2 500
Ново-Обнинская	2 300
Огневская	1 300
Паутовская	1 500
Пристанская	2 400
Смоленская	2 100
Итого	17780
В среднем	1778

Таблица составлена по: [Почервин, 2013, с. 277].

Исследователи отмечают, что из получаемых денежных средств писарь не только содержал канцелярию, но и платил вышестоящему начальству. Подобным способом крестьяне как бы откупались от возможных злоупотреблений со стороны всех вышестоящих должностных лиц [Ремнев, Суворова, 2004, с. 308]. Эти неформальные коррупционные связи также возвышали волостных писарей в глазах крестьян, показывая их способность решить возникающие проблемы без лишней официальной волокиты.

Из делопроизводственной документации волостных правлений крестьянских начальников мы можем почерпнуть достаточно скудные сведения о злоупотреблениях волостных писарей, так как они часто имели устойчивые неформальные связи с этими официальными должностными лицами и старались сделать всё от них зависящее, чтобы решить спорный вопрос в свою пользу. Обычно в архивных подборках встречаются сведения о наказаниях должностных лиц, в том числе и волостных писарей³, а переписка, прошения крестьян с просьбой отстранить их от исполнения обязанностей часто утрачены. В этом случае на помощь исследователям приходит периодическая печать.

В газете «Жизнь Алтая», выходившей ежедневно на протяжении многих лет начала XX в., имелось большое количество заметок о злоупотреблениях должностных лиц в Томской губернии.

В выпуске от 4 января 1914 г. упомянуты злоупотребления со стороны косихинского волостного писаря Семенова. В повестку волостного схода был поставлен вопрос о сокращении ему жалования за дополнительную работу в волостном банке. Волостной писарь принял ряд мер, чтобы решить исход дела в свою пользу: проинструктировал всех сельских писарей о том, что на сходе должны быть только те, кто проголосует так, как нужно ему; для отдельных сёл составил списки крестьян, которые должны были присутствовать на сходе. Тем не менее не все крестьяне проголосовали нужным образом. Писарь Семенов пришел в ярость от подобного исхода дела, пригрозив тюрьмой тем, кто голосовал не в его пользу. Однако мно-

³ ГААК. Ф. 184. Д. 2, 3, 177, 210; Ф. 185. Д. 5.

гие крестьяне твердо стояли на своем и приговор не подписали. Волостной писарь уже в последующие дни собрал недостающие подписи, встречаясь с каждым крестьянином с глазу на глаз и угрожая расправой (Жизнь Алтая, 1914, № 3, с. 3).

Часто волостные старшины и писари действовали сообща, угрожая и строя козни всем, кто вставал на их пути. В Вознесенской волости Барнаульского уезда Томской губернии они совершали махинации с деньгами, которые были выделены для переселенцев. Один крестьянин из с. Родиной в 1911 г. пожаловался крестьянскому начальнику на то, что не мог получить 50 руб., которые были ему переведены еще в 1910 г. Волостному старшине было предписано выдать причитающуюся сумму. Однако крестьянину деньги не только не отдали, но и пригрозили посадить в каталажку, если он еще будет жаловаться (Жизнь Алтая, 1911, № 49, с. 3).

В январе 1914 г. в распоряжении газеты «Жизнь Алтая» оказался приговор Пурисевского сельского схода Окуловской волости Барнаульского уезда Томской губернии от 8 декабря 1913 г. В нем крестьяне отметили многочисленные факты злоупотреблений со стороны волостных старшины и писаря: собирали сельский сход в отсутствие сельского старосты, выражались нецензурными словами (при этом старшина был при должностном знаке), устраивали драки в нетрезвом виде, угрожая противникам револьвером, и т. п. Изложив сведения обо всех злоупотреблениях, крестьяне просили «надлежащее начальство» об увольнении волостных старшины и писаря. После принятия данного приговора старшина с писарем приняли ответные меры: арестовали двоих уполномоченных Пурисевского сельского общества, которые ходатайствовали от имени всей волости об освобождении волостного старшины и волостного писаря от своих должностей. Также старшина и писарь грозили арестовать всех, кто посмеет подать на них жалобу (Жизнь Алтая, 1914, № 13, с. 3).

В 1913 г. в Калмыцко-Мысовской волости Змеиногорского уезда волостной сход не хотел переизбирать на новый срок волостного писаря за его «барство и грубое обхождение с населением». Однако уже на следующий день вследствие «усиленной просьбы писаря, подкрепленной магарычем», сход нанял его еще на один год (Жизнь Алтая, 1914, № 14, с. 3). Еще Н. М. Астырев замечал, что «магарычи играют самую видную роль при ежегодном составлении сметы волостных расходов» (Астырев, 1896, с. 156). Угощение практиковалось прямо во время заседаний волостных сходов, чтобы заставить подвыпивших крестьян проголосовать «правильно».

В одном из выпусков «Жизни Алтая» волостной писарь с. Белоярского Любин был назван «коммерсантом» нового типа. Он занимался скупкой и перепродажей мяса и других сельскохозяйственных продуктов. А для того, чтобы не тратить собственные денежные средства на разъезды по волости, использовал свое служебное положение. Он назначал сельские сходы с участием волостного начальства по каким-то незначительным поводам, использовал земских лошадей, ездил без волостного старшины. Сельские сходы собирались, ожидая приезда волостного старшины, однако, не дождавшись его, расходились. А волостной писарь в это время, как правило, находился в соседней деревне, скупая мясо, кожу и другие товары. Таким образом колесил он по всей волости на земских лошадях. В течение месяца Любин успел объехать волость, состоящую из 18 селений, три раза и всё «по делам службы» (Жизнь Алтая, 1916, № 2, с. 3).

Корреспонденты журнала «Алтайский крестьянин» утверждали, что волостные правления не уделяют должного внимания доставке частной корреспонденции. Так, помощник волостного писаря с. Лянинского Барнаульского уезда Трофим Черненький в течение нескольких лет вскрывал чужие письма. А в с. Шипуновском Покровской волости Змеиногорского уезда при смене писаря за шкафом обнаружили письма, часть из которых была вскрыта. Приводился даже такой факт: мастер артельного завода Бенин, проживающий в с. Усть-Козухе Бийского уезда, вынужден был арендовать почтовый ящик в Барнаульской почтовой конторе и получать письма и газеты один-два раза в месяц с доверенным артели, который ездил

в Барнаул по торговым делам. Причиной этого послужило то, что на протяжении года он получал потрепанные и испачканные журналы (Алтайский крестьянин, 1914, № 17, с. 19).

Однако есть и противоположные свидетельства о волостных писарях Маралихинской и Колыванской волостей того же уезда, которые с должным вниманием относились к доставке корреспонденции по деревням. Они рассылали ее с заблаговременно подготовленными сопроводительными документами в день получения. С них брали пример и должностные лица сельских обществ, стараясь своевременно вручать корреспонденцию адресатам (Алтайский крестьянин, 1915, № 17, с. 21–22).

Другой случай приведен на страницах газеты «Жизнь Алтая». В с. Камышенском Барнаульского уезда ежегодно устраивалась рождественская елка для детей. Однако в 1914 г. местный учитель не захотел заниматься организацией праздника, даже несмотря на то, что местные жители собрали для этих целей пожертвования. Елку, в конечном счете, устроил местный писарь на свои средства, организовав угощение для всех детей села (Жизнь Алтая, 1914, № 17, с. 3). Однако среди всей массы заметок, изобличающих злоупотребления писарей, эта выглядит редчайшим исключением.

Поводя итог, следует отметить, что социальный облик волостного писаря представляется весьма неоднозначным. При этом какой-либо региональной специфики института волостных писарей выявить не удалось. Все характеристики представляются достаточно типичными. С одной стороны, многочисленные злоупотребления, халатное отношение к исполнению своих обязанностей, распушенность, самоуправство и взяточничество не позволяли крестьянам считать волостных писарей полноценными членами общины, которая и в начале XX в. всё еще оставалась достаточно замкнутым сообществом со своими устоями и порядками. Волостные писари воспринимались не в качестве служащих на благо общества, а в качестве «начальства». Зачастую они воспринимались по статусу выше, чем волостные старшины, у которых они находились в непосредственном подчинении согласно закону.

С другой стороны, неформальные связи волостных писарей в высших эшелонах власти заставляли крестьян закрывать глаза на мелкие нарушения, допускаемые этими должностными лицами. Крестьяне часто прибегали к услугам писаря для составления прошений и ходатайств как к наиболее грамотному и осведомленному в правлении, т. е. его профессиональные качества, компетентность и знание не только местного, но и общеимперского законодательства, способность успешно решить проблемы как отдельного крестьянина, так и общины в целом позволяло сельским жителям воспринимать его как блюстителя интересов крестьянского населения.

Несмотря на некоторую благосклонность со стороны вышестоящего начальства, волостной писарь, тем не менее, оказался чуждым элементом как в системе местного самоуправления, так и в системе официальной коронной администрации.

Список литературы

- Безгин В. Б.** Сельская власть в обывденном восприятии крестьянства конца XIX – XX в. // Вестник Тамбов. гос. техн. ун-та. 2004. Т. 10, № 4Б. С. 1217–1226.
- Бимолданова А. А.** Социальный портрет писаря в кочевых волостях Акмолинской области в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории Сибири: Сб. науч. ст. Омск, 2019. С. 42–46.
- Бурлова Г. В.** Сельский староста: полномочия и деятельность во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Тамбовской и Рязанской губерний) // Вестник Тамбов. ун-та. 2010. № 5 (85). С. 81–86.
- Бурлова Г. В.** Правовые аспекты деятельности волостных и сельских должностных лиц крестьянского самоуправления во второй половине XIX в. // Исторические, философские,

- политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). С. 47–52.
- Дружинина Ю. В.** Благополучие сельских писарей Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Территория исследования: цели, результаты и перспективы: Материалы секции VIII Всерос. школы-семинара молодых ученых, аспирантов и студентов. Биробиджан, 2015. С. 24–27.
- Залюбовская Т. А.** Деятельность должностных лиц крестьянского самоуправления в Забайкальской области в конце XIX – начале XX века // Вестник Бурят. гос. сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова. 2012. № 2 (27). С. 115–121.
- Калинина Е. А.** Организация училищ для подготовки волостных писарей в России в первой половине XIX в. // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2011. № 1 (15). С. 148–151.
- Карпинец А. Ю.** Сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в. // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2019. № 21 (2). С. 321–326.
- Никитина Н. П.** Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – начала XX в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 41. С. 42–49.
- Попов С. А.** Должность писаря в структуре крестьянского самоуправления Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Чуваш. ун-та. 2014. № 1. С. 56–61.
- Попов С. А.** Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX – начало XX века). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 180 с.
- Почеревин Е. В.** Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.). Бийск: АГАО, 2013. 285 с.
- Ремнев А. В., Суворова Н. Г.** Волостной писарь: слуга двух господ или хозяин сибирской деревни // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 282–311.
- Тутолмин С. Н.** Российский крестьянин в сельской и волостной администрации: борьба за власть и за освобождение от нее (начало XX в.) // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2005. № 7. С. 264–279.
- Якимова И. А.** Волостные писари в системе местного крестьянского самоуправления на Алтае во второй половине XIX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: Сб. науч. тр. Барнаул, 2003. С. 197–203.

Список источников

- Алтайский крестьянин. 1914. № 17; 1915. № 17.
- Астырев Н. М.** В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М.: Типо-литогр. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1896. 396 с.
- Ваганов Н. А.** Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа. СПб., 1886. 205 с.
- Волостное правление, волостной сход и их делопроизводство. Необходимая справочная и настольная книга-руководитель всем должностным лицам Волостных и Сельских Управлений, как то Волостным старшинам, писарям, их помощникам, сельским старостам, сотским и десятским, во всех делах и случаях, касающихся их служебной деятельности, с выяснением обязанностей, ответственности, прав и преимуществ по службе означенных лиц. СПб., 1904. 127 с.
- Жизнь Алтая. 1911. № 49, 267, 272, 281; 1914. № 3, 13, 14, 17; 1916. № 2.
- Чукмалдин Н. М.** Мои воспоминания: избранные произведения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.

References

- Bezgin V. B.** Sel'skaya vlast' v obydennom vospriyatii krest'yanstva kontsa XIX – XX v. [Rural Power in the Everyday Perception of the Peasantry at the End of the 19th – 20th Century]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tambov State Technical University], 2004, vol. 10, no. 4B, pp. 1217–1226. (in Russ.)
- Bimoldanova A. A.** Sotsial'nyi portret pisarya v kochevykh volostyakh Akmolinskoi oblasti v kontse XIX – nachale XX v. [Social Portrait of a Clerk in Nomadic Volosts of Akmola Region in the Late 19th – Early 20th Century]. In: *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of the History of Siberia]. Collection of Scientific Articles. Omsk, 2019, pp. 42–46. (in Russ.)
- Burlova G. V.** Sel'skii starosta: polnomochiya i deyatel'nost' vo vtoroi polovine XIX nachale XX v. (po materialam Tambovskoi i Ryazanskoi gubernii) [A Rural Elder: Authorities and Activity in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries (Based on the Materials of the Tambov and Ryazan Provinces)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of the Tambov University], 2010, no. 5 (85), pp. 81–86. (in Russ.)
- Burlova G. V.** Pravovye aspekty deyatel'nosti volostnykh i sel'skikh dolzhnostnykh lits krest'yanskogo samoupravleniya vo vtoroi polovine XIX v. [Legal Aspect of District and Village Peasant Self-Administration Officials Activity in the 2nd Half of the 19th Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2011, no. 8 (14), pp. 47–52. (in Russ.)
- Druzhinina Yu. V.** Blagosostoyanie sel'skikh pisarei Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Welfare of Rural Clerks in Western Siberia in the late 19th – early 20th Century]. In: *Territoriya issledovaniya: tseli, rezul'taty i perspektivy: Materialy seksii VIII Vserossiiskoi shkoly-seminara molodykh uchenykh, aspirantov i studentov* [Research Area: Goals, Results and Prospects: Proceedings of the Section of the VIII All-Russian School-seminar for Young Scientists, Graduate Students and Students]. Birobidzhan, 2015, pp. 24–27. (in Russ.)
- Kalinina E. A.** Organizatsiya uchilishch dlya podgotovki volostnykh pisarei v Rossii v pervoi polovine XIX v. [Organization of Specialized Schools for Training Volost Clerks in Russia in the 1st Half of the 19th Century]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of Science of Togliatti State University], 2011, no. 1 (15), pp. 148–151. (in Russ.)
- Karpinets A. Yu.** Sel'skaya administratsiya Kuzbasskogo regiona k kontsu XIX v. [Rural Administration of the Kuzbass Region by the End of the 19th Century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2019, no. 21 (2), pp. 321–326. (in Russ.)
- Nikitina N. P.** Volostnye pisari v sotsial'nom prostranstve pskovskoi derevni vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Volost Clerks in the Social Space of the Pskov Village in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal* [Pskov. Academic and Practical, Historical and Local History Journal], 2014, no. 41, pp. 42–49. (in Russ.)
- Pocherevin E. V.** Nizovaya administrativno-sudebnaya sistema v Altaiskom okruge (konets XIX v. – 1917 g.) [The Lower Administrative and Judicial System in the Altai District (Late 19th Century – 1917)]. Biysk, AGAO, 2013, 285 p. (in Russ.)
- Popov S. A.** Dolzhnost' pisarya v strukture krest'yanskogo samoupravleniya Vologodskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [The Position of a Clerk in the Structure of Peasant Self-Government of the Vologda Province in the Late 19th – Early 20th Century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2014, no. 1, pp. 56–61. (in Russ.)
- Popov S. A.** Krest'yanskoe samoupravlenie v Vologodskoi gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Peasant Self-Government in the Vologda Province (2nd Half of the 19th – Early 20th Century)]. Syktyvkar, IYALI Komi NTS UrO RAN, 2016, 180 p. (in Russ.)

- Remnev A. V., Suvorova N. G.** Volostnoi pisar': sluga dvukh gospod ili khozyain sibirskoi derevni [Volost Clerk: A Servant of Two Masters or the Owner of a Siberian Village]. In: Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii [Asian Russia: People and Structures of the Empire]. Omsk, 2005, pp. 282–311. (in Russ.)
- Tutolmin S. N.** Rossiiskii krest'yanin v sel'skoi i volostnoi administratsii: bor'ba za vlast' i za osvobozhdenie ot nee (nachalo XX v.) [Russian Peasant in Rural and Volost Administration: the Struggle for Power and for Liberation from it (Early 20th Century)]. *Nestor. Zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy* [Nestor. Journal of History and Culture of Russia and Eastern Europe], 2005, no. 7, pp. 264–279. (in Russ.)
- Yakimova I. A.** Volostnye pisari v sisteme mestnogo krest'yanskogo samoupravleniya na Altae vo vtoroi polovine XIX v. [Volost Clerks in the System of Local Peasant Self-Government in Altay in the 2nd Half of the 19th Century]. In: Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri. Chetvertye nauchnye chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina [Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia. The 4th Scientific Readings in Memory of Professor A. P. Borodavkin]. Collection of Scientific Works. Barnaul, 2003, pp. 197–203. (in Russ.)
- Zalyubovskaya T. A.** Deyatel'nost' dolzhnostnykh lits krest'yanskogo samoupravleniya v Zabai-kal'skoi oblasti v kontse XIX – nachale XX veka [Activities of Officials of Peasant Self-Government in the Trans-Baikal Region at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Buryatskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii im. V. R. Filippova* [Bulletin of the V. R. Filippov Buryat State Agricultural Academy], 2012, no. 2 (27), pp. 115–121. (in Russ.)

List of Sources

- Altaiskii krest'yanin [Altai Peasant], 1914, no. 17; 1915, no. 17 (in Russ.)
- Astyrev N. M.** V volostnykh pisaryakh. Ocherki krest'yanskogo samoupravleniya [As Volost Clerks. Essays on Peasant Self-Government]. Moscow, Tipo-litografiya Vysochaishe utverzhdenno Tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko, 1896, 396 p. (in Russ.)
- Chukmaldin N. M.** Moi vospominaniya: izbrannye proizvedeniya [My Memoirs: Selected Works]. Tyumen, SoftDizain Publ., 1997, 368 p. (in Russ.)
- Vaganov N. A.** Khozyaistvenno-statisticheskoe opisanie volostei Altaiskogo okruga [Economic and Statistical Description of the Altai District Volosts]. St. Petersburg, 1886, 205 p. (in Russ.)
- Volostnoe pravlenie, volostnoi skhod i ikh deloproizvodstvo. Neobkhodimaya spravoch'naya i nastol'naya kniga-rukovoditel' vsem dolzhnostnym litsam Volostnykh i Sel'skikh Upravlenii, kak to Volostnym starshinam, pisaryam, ikh pomoshchnikam, sel'skim starostam, sotskim i de-syatskim, vo vsekh delakh i sluchayakh, kasayushchikhsya ikh sluzhebnoi deyatel'nosti, s vyyasneniem obyazannostei, otvetstvennosti, prav i preimushchestv po sluzhbe oznachen-nykh lits [Volost Board, Volost Gathering and their Office Work. A Necessary Reference and Guide Book to all Officials of the Volost and Rural Administrations, such as Volost Foremen, Clerks, their Assistants, Village Headmen, Police Officers, in all Matters and Cases Related to their Official Work, with Clarification of Duties, Responsibilities, Rights and Benefits in the Service of the Designated Persons]. St. Petersburg, 1904, 127 p. (in Russ.)
- Zhizn' Altaya [Altai Life], 1911, no. 49, 267, 272, 281; 1914, no. 3, 13, 14, 17; 1916, no. 2. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Александровна Резникова (Гордеева), кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57215431934
WoS Researcher ID F-9017-2019

Information about Author

Mariia A. Reznikova (Gordeeva), Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57215431934
WoS Researcher ID F-9017-2019

*Статья поступила в редакцию 15.10.2021;
одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 15.11.2021
The article was submitted 15.10.2021;
approved after reviewing 01.11.2021; accepted for publication 15.11.2021*

Научная статья

УДК 94(47)«193»

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-87-97

Организация урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е годы

Владимир Андреевич Ильных

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

agro_iwa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6361-1234>

Аннотация

Осуществляется реконструкция организации урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е гг. Установлено, что в начале десятилетия учет урожайности имел низкую степень достоверности. Поправки имели субъективный характер. Их величина определялась выбором поведенческих стратегий руководителей районов и регионов. Размеры официально утвержденного валового сбора зависели не от реального амбарного веса, а от политической конъюнктуры. Базовыми показателями его определения являлась урожайность на корню, на основе которой принимались хлебозаготовительные планы. Попытки реформирования системы в середине и конце 1930-х гг. ситуацию принципиально не изменили. Несмотря на новации, исчисленные урожаи оставались политически обусловленными. Урожайная статистика по-прежнему в значительной степени имела пропагандистский и мобилизационный характер.

Ключевые слова

аграрная политика советского государства, сельское хозяйство, колхозная система, статистический мониторинг, урожайность, Сибирь

Для цитирования

Ильных В. А. Организация урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 87–97. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-87-97

Organization of Grain Harvest Statistics in Siberia in 1930s

Vladimir A. Il'nykh

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

agro_iwa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6361-1234>

Abstract

Harvest statistics in USSR in the 1920s was based on techniques and approaches used in Russian Empire. In 1930 it became a subject of reforms. Statistical representatives of village councils who replaced voluntary correspondents were supposed to report to the district commissions information on specific biological yield and the results of grain threshing. Regional commissions were obliged to summarize received information, check it and make corrections to primary materials for underestimation. In the early 1930s harvest statistics were doubtful. Amendments were subjective. Their value depended on the choice of behavioral strategies of the district and regional authorities. The size of the officially approved gross product did not depend on the real barn weight but on the political situation. At the same time, the basic indicator of its determination was growing yield, based on which grain procurement plans were approved. A higher degree of reliability of the accounting system should have been provided by Central and Regional State Commissions for Yield Accounting created in 1933. Central State Commission developed and applied methods

© Ильных В. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 87–97

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 87–97

of calculating the “optimal yield” (yield minus inevitable losses), “optimal economic yield” (excluding technically inevitable losses), “actual yield” (taking into account losses used on the farm). Amount of the losses was accounted during random inspections of farms. Despite the reforms, yield estimation remained politically driven. Harvest statistics were still largely propagandistic and mobilizing in nature. In 1937 state commissions were liquidated, and the national economic accounting services inherited the task of yield calculating. In 1939 procedure of harvest calculating was once again revised. Accounting average yield contained all losses, including those unused on the farm.

Keywords

agrarian policy of the Soviet state, agriculture, collective farm system, statistical monitoring, yield of grain crops, Siberia

For citation

Il'inykh V. A. Organization of Grain Harvest Statistics in Siberia in 1930s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 87–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-87-97

Не тот урожай, что в поле, а тот, что в амбаре.
Русская пословица

Задача настоящей работы состоит в реконструкции организации урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е гг. Актуальность обращения к данной теме определяется рядом обстоятельств. Одной из наиболее значимых проблем современной отечественной историографии являются экономические последствия коллективизации, показателем которых является динамика сельхозпроизводства. Основным источником для изучения параметров сельского хозяйства служат материалы статистического мониторинга аграрного сектора. Важную роль играет региональный аспект темы. В 1930-е гг. Сибирь была одним из ведущих сельскохозяйственных регионов страны. В этот период базовой отраслью аграрной экономики Сибири и России в целом оставалось земледельческое хозяйство, специализирующееся на выращивании зерновых культур. В силу того, что производство и заготовки хлебов имели для советской власти с самого начала ее существования большое политическое значение, анализ урожайной статистики в 1930-е гг. дает непосредственный выход на решение таких актуальных проблем отечественной историографии, как механизм функционирования системы государственного управления, взаимоотношения государства и крестьянства, поведенческие стратегии и практики советского административно-управленческого аппарата.

В настоящем исследовании, исходя из реалий изучаемого периода и современных трактовок сельскохозяйственной науки, мы используем следующие базовые дефиниции.

1. Видовой урожай – ожидаемый урожай, исходя из состояния посевов на разных стадиях развития хлебов (до завершения созревания), который определяется экспертным (глазомерным) путем.

2. Урожай на корню, или биологический урожай, – выращенный, но еще не убранный урожай, который определяется на стадии завершения созревания хлебов (перед началом уборки) либо экспертным путем, либо выборочным обмолотом.

3. Амбарный урожай – зерно, фактически поступившее после обмолота в распоряжение хозяйства. Оно может быть складировано для внутрихозяйственных нужд либо отправлено на государственные заготовительные пункты.

Собственно историографию проблемы следует вести с конца 1950-х гг., когда к ней обратились советские историки. Начав научный анализ сельского хозяйства в 1930-е гг., они столкнулись со «статистической разногласицей». Один и тот же показатель за один и тот же год в разных статистических источниках исследуемого периода часто определялся разными и иногда существенно различающимися величинами. Путаницу вносило и использование в источниках различных терминов, определяющих методы исчисления урожайности.

Ситуация еще больше осложнилась после проведенного ЦСУ в конце 1950-х гг. ретроспективного исправления ранее принятых данных об урожайности и валовых сборах зерновых культур в СССР [Зеленин, 1970, с. 467]. Причиной этого стал произошедший после смерти И. В. Сталина отказ от биологического метода определения урожая зерновых культур

и переход к его исчислению в амбарном весе. При этом указанный пересчет был осуществлен лишь с 1933 г. Данные за предыдущий период остались неизменными, поскольку, согласно официальной точке зрения, до 1932 г. включительно валовые сборы в стране определялись в амбарном весе.

Ведущие советские историки-аграрники Ю. А. Мошков, И. Е. Зеленин, М. А. Вылцан, обратившись к проблеме урожайной статистики 1930-х гг., посчитали указанный пересчет данных о валовых сборах и урожайности зерновых культур, включая его хронологические рамки, в целом корректным [Мошков, 1963, с. 270; Зеленин, 1970, с. 466; Вылцан, 1970, с. 481]. В то же время были высказаны различные позиции по времени перехода к биологическому методу определения урожайности, методам его исчисления, соотношению биологического и амбарного урожая. По мнению Ю. А. Мошкова, начиная с 1933 г. сборы зерновых оценивались не по действительному сбору, а по «оптимально-хозяйственному», а с 1939 г. – по биологической урожайности [Мошков, 1963, с. 270].

И. Е. Зеленин полагал, что с 1933 г. урожай на корню определялся с помощью метровок (см. ниже). При этом при его исчислении предусматривались некоторые скидки на неизбежные потери. С 1939 г. был осуществлен переход к определению «чисто» биологической урожайности. Но, поскольку «на практике и в 1933–1938 гг. “скидки” носили номинальный характер», фактический переход к биологическому методу был осуществлен уже в 1933 г.» [Зеленин, 1970, с. 466].

М. А. Вылцан считал, что основным методом урожайной статистики в 1933–1935 гг. являлось определение урожайности на корню с помощью метровок. Полученные данные корректировались «небольшими скидками на неизбежные потери». С 1936 г. стал применяться новый метод исчисления урожая, основой которого являлось определение среднего сбора по результатам массовых обмолотов с учетом потерь, используемых в хозяйстве. Выводимые таким образом показатели урожайности «находились где-то посередине между биологическим и амбарным, а значит, и фактическим урожаем. В 1939 г. произошел переход к учету урожайности на корню без каких-либо скидок» [Вылцан, 1970, с. 476, 478, 479].

Со второй половины 1960-х гг. анализ проблемы урожайной статистики 1930-х гг. фактически прекратился. Исследователи вновь обратили внимание на нее в поздний советский и постсоветский период в связи с обсуждением причин массового голода в СССР в 1932–1933 гг. (см.: [Таугер, 1995; Кондрашин, 2008, с. 98–112; 2014, с. 110–112] и др.). Наиболее детальный анализ урожайной советской статистики начала 1930-х гг. провел С. Уиткрофт [Дэвис, Уиткрофт, 2011]. Итоговые официальные данные о размерах валовых сборов в эти годы он считал завышенными и не отражающими реальный амбарный урожай.

Проблемы урожайной статистики в СССР в середине и второй половине 1930-х гг. затронул С. А. Нефедов. По его мнению, в 1933–1935 гг. сначала с помощью метровок устанавливалась биологическая урожайность, затем в полученные результаты вносились скидки на потери. С 1936 г. за исходную величину брался амбарный урожай (намолот), а к нему прибавлялись поправки на недоучет. С 1939 г. поправки были увеличены до разницы между урожаем на корню и намолотом. Фактически это означало определение биологического урожая. С. А. Нефедов полагает, что отраженная в источниках Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) урожайность не соответствует действительной. Вносимые в первичные данные поправки делались для того, чтобы приблизить реальность к указанной И. В. Сталиным цели: получению 7–8-миллиардного урожая [Нефедов, 2017, с. 39–40].

Особенности организации статистического мониторинга урожайности зерновых культур в начале 1930-х гг. в Сибири реконструированы в работе В. Б. Лапердина, который указал, что при расчетах валового сбора хлебов плановые органы ориентировались на биологическую урожайность зерновых, а не на амбарную [Лапердин, 2015, с. 258]. Связанные с хлебозаготовками вопросы урожайной статистики также освещались в монографии автора настоящей статьи и В. Б. Лапердина [Ильиных, Лапердин, 2020].

В дореволюционные и в 1920-е гг. статистический мониторинг урожайности на низовом уровне возлагался на добровольных корреспондентов. В 1930 г. их заменили статистические уполномоченные сельсоветов. Им надлежало два раза в месяц (на 1 и 15 число) со времени освобождения озимых от снега и до начала массовой уборки определять видовой урожай по каждой из основных зерновых культур на территории сельсовета по пятибалльной шкале в десятых долях балла. Информацию о ситуации в колхозах статуполномоченные получали от председателей, а посеы единоличников обязывались оценивать лично. По мере приближения уборочных работ качественные характеристики состояния посевов (в Сибири на 15 августа и 1 сентября) переводились в количественное выражение ожидаемого сбора на корню (в 1930 г. в пуд./дес, с 1931 г. – в ц/га). После начала уборочной кампании статуполномоченные собирали данные о первых и массовых намолотах (в Сибири на 15 сентября и 1 октября) (Статистический бюллетень, 1926, № 7–8, с. 111; СУ РСФСР, 1930, № 18, ст. 234) [Бар, 1931, с. 42–43; Немчинов, 1933, с. 13–14].

В конце 1930 г. отменили балловую оценку видов на урожай. На всех этапах наблюдения с самой первой оценки видовой урожайности должна была определяться в количественных показателях. С 1933 г. в Сибири последней датой оценки урожая стало 15 августа. На 1 сентября определялись результаты первых намолотов. С 1934 г. число оценок видов на урожай сокращалось до трех. В Сибири для озимых и ранних яровых культур (ржи, пшеницы, ячменя, овса) устанавливались следующие даты наблюдений: 15 июля, 1 и 15 августа; для зернобобовых и крупяных: 15 июля, 15 августа и 15 сентября. При этом оценка на первый срок должна была даваться в баллах по пятибалльной шкале, а на второй и третий сроки – в центнерах с гектара (СЗ СССР, 1934, № 17, ст. 134) [Немчинов, 1933, с. 13–14].

В 1930 и 1931 гг. статуполномоченные направляли сведения об урожайности в районные экспертные комиссии (РЭК). Их члены обязывались не только обобщать поступившие к ним сведения статуполномоченных, но и проверять их, в том числе лично объезжая поля, и на основе результатов проверок вносить в полученные обобщенные первичные данные поправки (СУ РСФСР, 1930, № 18, ст. 234)¹. Составленные РЭК заключения формально утверждались райисполкомами, неформально – райкомами ВКП(б) и предоставлялись в краевые / областные комиссии, которые также их обобщали и вносили собственные поправки. Исчисленная региональными комиссиями средняя урожайность на подведомственной территории умножалась на площадь посева, в результате чего получался валовой сбор.

Каждая стадия определения урожайности была тесно связана с хлебозаготовками. На основе видовой урожайности определялась специфика предстоящей хлебозаготовительной кампании, а по мере приближения к уборке – принимались региональные заготовительные задания. Определение урожайности на корню служило основанием для порайонной разверстки плана хлебозаготовок. Результаты намолотов могли приводить к его корректировке.

Следует отметить, что первичные сведения об урожайности и итоговые результаты существенно различались. Связанное с нехваткой техники и рабочей силы затягивание уборки и обмолота приводило к резкому увеличению потерь урожая. Так, проверявшая деятельность Ададымского зерносовхоза комиссия установила, что если до выпадения снега в середине октября 1932 г. при обмолоте выход хлеба на 1 га составлял в среднем 6,3 ц, то в конце декабря – только 3,6 ц². Высокие потери наблюдались при транспортировке и хранении зерна.

Наряду с территориальными комиссиями параллельную урожайную статистику вели земельные и статистические органы, совхозные объединения. Материалы от них поступали как в краевые / областные комиссии, так и в вышестоящие органы соответствующих ведомств. Промежуточные, а также итоговые показатели урожайности зерновых культур в СССР в целом и в отдельных регионах утверждались междуправительственным экспертным советом по оценке хлебофуражной продукции при СТО [Дэвис, Уиткрофт, 2011, с. 85].

¹ ГАНО. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 175. Л. 72, 80.

² Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 64.

В начале 1932 г. районные и региональные экспертные комиссии преобразовали в соответствующие учетно-контрольные комиссии³. А в конце 1932 г. были созданы Центральная государственная комиссия по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур (ЦГК) и межрайонные государственные комиссии (МГК) в регионах. Создание новых органов должно было способствовать преодолению местничества и ведомственности в урожайной статистике. ЦГК подчинялась непосредственно СНК СССР, а МГК – соответственно ЦГК (СЗ СССР, 1932, № 84, ст. 521; 1933, № 17, ст. 976).

В связи с образованием ЦГК и МГК изменилась последовательность трансляции урожайной статистики. Сведения от колхозов поступали в сельсоветы и МТС, а те после проверки и внесения поправок направляли их в районные земельные отделы. Райземотделы эти данные обобщали, проверяли, вносили поправки и передавали их в краевые земельные управления и в МГК. Из МГК после соответствующих манипуляций информация поступала в ЦГК, которая утверждала размеры урожайности в регионах и стране в целом.

Прежней осталась последовательность определения урожайности: видовая оценка, оценка биологической урожайности, сбор данных о намолотах. В то же время новации были внесены в исчисление урожая на корню. Если раньше его определяли исключительно «на глаз», то теперь для этого в том числе стали использовать технические средства – метровки. Они представляли собой деревянные квадратные рамки со стороной один метр. Их накладывали на поле через равные промежутки. Колосья внутри срезались, просушивались, лушились руками и взвешивались. Результаты, полученные на отдельных метровках, суммировались, и на их основе вычислялась урожайность в центнерах с гектара⁴.

Исследователи традиционно связывают с введением метровок переход к биологическому методу исчисления сборов зерновых культур [Зеленин, 1970, с. 466; Вылцан, 1970, с. 476; Нефедов, 2017, с. 39–40]. По нашему мнению, основанному на анализе архивных документов, базовым методом определения биологического урожая в 1933 г. и в последующие годы оставалась экспертная оценка. Измерение урожая на корню метровками носило выборочный характер. Оно проводилось не только не во всех хозяйствах, но и не во всех районах и только по двум основным зерновым культурам⁵. С его помощью в случае репрезентативности выборки можно было определить средние величины урожайности двух избранных хлебов по региону. Однако наложением метровок невозможно было установить размеры урожая в соседних с попавшими в выборку хозяйствах и районах и по зерновым в целом. В то же время в задачу земельных органов и МГК входило определение урожайности в каждом колхозе и районе. Поэтому исчисление сбора с помощью метровок воспринималось и региональными властями, и госкомиссиями как вспомогательный метод. На его вспомогательный характер указал и специалист ЦУНХУ И. Левитин. Он определил использование метровок как одно из контрольно-учетных мероприятий, проводимых «с целью проверки правильности субъективных оценок урожайности на последний срок» [Левитин, 1934, с. 21].

ЦГК значительное внимание уделяла совершенствованию методов исчисления итогового урожая. В начале сентября 1933 г. заместитель председателя ЦГК Н. П. Брюханов писал, что «комиссией определяется не амбарный урожай, а урожай оптимальный. Мы не можем и не должны при определении урожайности считать нормой те потери при косовице, возке, обмолаоте, которые являются результатом нашей бесхозяйственности, а подчас и вредительства, идущего от нашего классового врага. Потери на уборку в среднем мы исчисляем примерно в 10 %» [Трагедия советской деревни..., 2001, т. 3, с. 638–639].

От оптимального урожая в 1934 г. ЦГК перешла к так называемому нормально-хозяйственному. Его размер исчислялся путем вычитания из урожая на корню технически неиз-

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 684. Л. 243–244.

⁴ Там же. Оп. 79. Д. 61. Л. 24.

⁵ В 1933 г. в Западно-Сибирском крае измерение урожая на корню с помощью метровок осуществлялось в 550 колхозах 116 районов. По нашим подсчетам, выборка по колхозам составляла около 5 %, по районам – около 50 %.

бежных потерь. При комбайновой уборке «технически неизбежные потери» зерновых устанавливались в размере 3–4 % от урожая на корню, при уборке лобогрейками – 7–8 % [Ильиных, Лапердин, 2020, с. 259].

Подобный подход к урожайной статистике вызвал критику со стороны руководства СССР. 16 декабря 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) квалифицировало нормально-хозяйственный метод определения урожая как «неправильный, ненаучный, произвольно занижающий как урожайность на гектар, так и цифру валового сбора». От него надлежало перейти к «фактическому сбору урожая с гектара с учетом потерь в хозяйстве и расходов на поле» [Трагедия советской деревни..., 2002, т. 4, с. 643–644].

Критика позиции ЦГК имела не только методические, но и организационные последствия. В марте 1937 г. ЦГК и МГК ликвидировали. Их функции по исчислению урожайности и валовых сборов возлагались на органы народно-хозяйственного учета, в рамках которых создавались сектора учета урожайности [Там же, 2004, т. 5, с. 186–187].

Основой определения так называемого фактического урожая с учетом потерь являлись результаты массовых намолотов на 1 октября. К объемам намолота следовало прибавить потери, «используемые в хозяйстве» (зерно, использованное на корм скоту, но не оприходованное, оставленное в колосе на стерне под выпас скота, оставленное в соломе и мякине на корм скоту и птице, похищенное зерно, сверх установленных норм израсходованное на натуральное авансирование колхозников или общественное питание). В то же время при исчислении урожайности не учитывались потери, «не используемые в хозяйстве» (самоосыпание зерна на корню вследствие перестоя хлебов, потери при перевозке снопов на тока, при копнении и скирдовании, зерно, оставленное в стерне, соломе, мякине, но не использованное на корм скоту).

Размеры используемых потерь определялись выборочным методом в отдельных, как правило передовых, хозяйствах, а затем переносились на всю генеральную совокупность. Таким образом органы нархозучета определяли итоговые величины сбора. Урожайность, на основе которой принимались хлебозаготовительные задания, по-прежнему определялась на глаз.

Как указывалось выше, районные комиссии, райземотделы, МГК обязывались вносить поправки в поступающие к ним из нижестоящих инстанций данные об урожайности. В 1920-е гг. поправочные коэффициенты рассчитывались на основе сравнения сведений от добровольных корреспондентов с материалами выборочных опросов крестьянских хозяйств и их бюджетных обследований. В начале 1930-х гг. каких-либо методических рекомендаций по исчислению величины поправок до соответствующих органов не доводилось, и они имели субъективный характер.

Данные об урожайности могли как увеличивать, так и уменьшать. Однако если судить по результатам определения урожайности на районном уровне, то можно с полным основанием предположить существование политической установки на внесение в первичные данные поправок на недоучет. Руководство страны считало, что крестьяне, в том числе колхозники, пытаются обмануть государство и занижают сведения о посевных площадях, сборах и другие показатели.

Предположение центральных властей о фальсификациях урожайной статистики на низовом уровне в значительной степени соответствовало действительности. Это было связано с организацией хлебозаготовок. Более высокие заготовительные планы разворачивались на высокоурожайные хозяйства. Однако после выполнения заданий по хлебосдаче они часто получали дополнительные. В итоге «передовики» могли вообще остаться без хлеба, тогда как колхозы, показавшие низкую урожайность, имели его достаточные запасы и для посевной кампании и для распределения среди колхозников.

Связанные с хлебозаготовками стимулы к фальсификации данных также имели секретари райкомов ВКП(б) и председатели райисполкомов, которые контролировали деятельность районных комиссий и земельных отделов. От величины урожайности зависели размеры

спускаемого сверху хлебазаготовительного плана. Взяв на себя более высокие обязательства и выполнив их, районные руководители обеспечивали себе карьерный рост.

Районные власти могли также оказаться в плену идеологических стереотипов. Обобществленное колхозное производство, в соответствии с официальными установками, являлось более высокопроизводительным. Поэтому, чтобы не быть обвиненными в правом оппортунизме, функционеры районного уровня завышали урожайность в колхозном секторе аграрной экономики по сравнению с единоличным.

В качестве примера подобной логики можно привести работу РЭК Новосибирского сельского района, которая оценила урожай пшеницы на 1 августа 1930 г. в колхозах в 4 балла, в единоличных хозяйствах – в 3,5 балла, тогда как обобщенная оценка статуполномоченных равнялась 2,5 балла по той и другой категории хозяйств. Итоговая урожайность РЭК на 1 октября по той же культуре составляла по колхозам 55 пуд./дес., по единоличникам – 50 пуд./дес. По данным статуполномоченных, колхозы собрали с одной десятины 40,2 пуда, единоличные хозяйства – 30,8 пуда ⁶.

В то же время районные власти отвечали за подконтрольное им население, хозяйственное положение и политическую обстановку в районе. Более высокие показатели урожайности влекли за собой преувеличенные заготовительные задания, а это, в свою очередь, грозило продовольственными затруднениями. Могла возникнуть и проблема снабжения колхозов семенным зерном и соответственно с проведением посевной кампании, за которую районные руководители тоже отвечали. Наконец, невыполнение государственного заготовительного задания грозило обвинением в саботаже. Поэтому районные руководители не всегда были заинтересованы в преувеличении урожайности [Лапердин, 2015, с. 254–255].

Но при этом они должны были пройти между Сциллой экономических интересов района и Харибдой политических установок режима. Дублирование показателей урожайности, поступивших от статуполномоченных, могло быть квалифицировано вышестоящими инстанциями как хвостизм, а их снижение – вообще как акт саботажа. Поэтому выбор у районного начальства часто был не между тем, вносить или не вносить поправки на недоучет, а между тем, какой величины они будут: большие или не очень большие.

Наглядным примером функционирования урожайной статистики на низовом и региональном уровнях служат данные об определении урожайности в Западно-Сибирском крае в 1933 г. В справке крайземуправления о работе по учету видов на урожай по состоянию на 1 августа 1933 г. сообщалось, что 61 райземотдел края внес в сведения, поступившие из колхозов, поправку на недоучет, 3 – их снизили, а 9 райземотделов – оставили без изменений ⁷.

В подготовленных в крайкоме ВКП(б) материалах содержалась следующая информация об исчислении урожайности на 15 августа 1933 г., на основе которой принималось годовое хлебазаготовительное задание. Определенный колхозами потенциальный сбор зерновых культур составлял 7,5 ц/га. МТС и сельсоветы увеличили его до 8,3 ц (+11 %), райземотделы – до 9,1 ц (+21 % к первичным данным), МГК – до 9,9 ц (+32 %), а ЦГК после получения всех материалов из края незначительно снизила до 9,8 ц/га (+31 %) ⁸.

Однако неблагоприятные погодные условия в конце лета – начале осени 1933 г. привели к снижению реальной урожайности в крае. В связи с этим первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе направил в адрес председателя СНК СССР В. М. Молотова письмо, в котором просил уменьшить показатели сбора зерновых с установленных ЦГК 9,8 до 9,3 ц/га. При этом Эйхе отмечал, что предлагаемый краевым руководством показатель «находится на максимальном пределе возможных сборов. Сельскохозяйственники (КрайЗ[ем]У[правление], Зернотрест и т. п.) возражают и против этой цифры» ⁹. Прочитированная

⁶ ГАНО. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 175. Л. 20, 31, 36, 38, 85.

⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 469. Л. 163 об.

⁸ Там же. Л. 262.

⁹ Там же. Л. 274–276. По данным массовых намолотов, сбор зерновых с одного гектара в крае составлял 7,7 ц (Там же. Л. 262).

фраза первого секретаря крайкома, на наш взгляд, является иллюстрацией того, что определение урожайности являлось предметом политического торга между регионами и Центром. Задачей сторон было установление не реального, а политически целесообразного урожая. Ходатайство Р. И. Эйхе частично удовлетворили. Окончательно утвержденный ЦК итоговый сбор зерновых по Западно-Сибирскому краю в 1933 г. составил 9,4 ц/га [Ильиных, Лапердин, 2020, с. 496]. Приведенный пример был обычной практикой взаимоотношений Центра и регионов и постоянно воспроизводился на внутрорегиональном и районном уровнях.

В конце 1930-х гг. в условиях подготовки к войне советское руководство приняло решение увеличить тяжесть налогового-податного обложения колхозов. В рамках этой установки в 1939 г. правительство в очередной раз пересмотрело порядок расчета урожайности колхозной нивы. В соответствии с утвержденной 9 июня 1939 г. Экономсоветом СССР инструкцией «не используемые» потери не исключались из определенного валового сбора, а, напротив, в него включались. Урожай, исчисленный новым методом, назывался «действительным фактическим». Однако его также можно определять общепринятым в отечественной историографии термином – «биологический». При этом базовые статистические материалы для измерения итогового урожая по-прежнему давали результаты обмолота, к которым прибавлялись все выявленные выборочным методом потери.

Обязательным этапом урожайной статистики оставалось экспертное определение видовой урожайности, используемой для разработки хлебозаготовительных планов. В Новосибирской области данная работа осуществлялась по следующей схеме (Советская Сибирь, 1939, 10 июля). Председатели колхозов обязывались произвести «на основе осмотра в натуре» оценку видов на урожай по состоянию на 1 августа. Заведующим райземотделов и директорам МТС предписывалось «проверить правильность оценки видов на урожай по каждому колхозу и в случае установления фактов занижения урожайности внести свои поправки», после этого не позднее 5 августа предоставить районным уполномоченным Наркомата заготовок, районным инспекторам нархозучета и облземотделу материалы об оценке видов на урожай. Облземотдел не позднее 10 августа должен был направить материалы областному уполномоченному Наркомзага. К этой же дате областное управление нархозучета обязывалось «на основании проверки материалов в колхозах, райзо и МТС, а также специальных контрольных обследований предоставить облуполнаркомзагу заключение об оценке видов на урожай по каждому району».

В докладной записке уполномоченного Наркомзага по Новосибирской области от 1 сентября 1939 г. приведена таблица с результатами определения урожая в 11 районах на каждой из последующих стадий властной вертикали, начиная с МТС. Райземотделы семи районов показатели МТС повысили, трех районов – снизили, одного – оставили без изменений. Райуполнаркомзаги всех 11 районов оценки райземотделов увеличили. Специалисты областного УНХУ, рассмотрев полученные материалы, показатели райполнаркомзагов по пяти районам уменьшили, по одному оставили неизменными и по пяти увеличили. При этом оценки УНХУ были выше, чем те, которые установили райземотделы¹⁰.

Метод исчисления итогового урожая, принятый в 1939 г., был изменен во время Великой Отечественной войны. 6 декабря 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР своим постановлением запретили «собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах как искажающие действительное положение дел с урожайностью»¹¹. Содержание данного постановления, на наш взгляд, было, с одной стороны, вызвано чрезвычайными условиями, с другой – являлось вполне логичным продолжением решений Верховной власти о методах определения урожая зерновых культур, принятых в 1939 г.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 71. Л. 34.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

Список литературы

- Бар Г.** Урожай главных зерновых культур в Западно-Сибирском крае с 1923 по 1930 г. // Статистика Сибири. Новосибирск, 1931. Вып. 5. С. 42–65.
- Вылцан М. А.** Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 474–481.
- Дэвис Р., Уиткрофт С.** Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011. 543 с.
- Зеленин И. Е.** Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 464–473.
- Ильиных В. А., Лапердин В. Б.** Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 507 с.
- Кондрашин В. В.** Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
- Кондрашин В. В.** Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 350 с.
- Лапердин В. Б.** Система определения урожайности зерновых в Западной Сибири в начале 1930-х годов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 252–258.
- Левитин И.** Методика определения урожайности // План. 1934. № 4. С. 20–24.
- Мошков Ю. А.** Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 255–272.
- Нефедов С. А.** Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 гг. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2017. 432 с.
- Немчинов В. С.** Учет и статистика сельскохозяйственных предприятий. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. Вып. 1. 132 с.
- Таугер М. Б.** Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 298–332.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: 1927–1939. В 5 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. 1008 с.; 2002. Т. 4: Конец 1934–1936. 1056 с.; Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. 648 с.

Список источников

- СЗ СССР – Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1932. № 84; 1933. № 17; 1934. № 17.
- СУ РСФСР – Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1930. № 8.
- Советская Сибирь. 1939. 10 июля.
- Статистический бюллетень. 1926. № 7–8.

References

- Bar G.** Urozhai glavnykh zernovykh kul'tur v Zapadno-Sibirskom krae s 1923 po 1930 g. [The Harvest of the Main Grain Crops in the West Siberian Region from 1923 to 1930]. In: Statistika Sibiri [Statistics of Siberia]. Novosibirsk, 1931, iss. 5, pp. 42–65. (in Russ.)
- Davis R., Whitcroft S.** Gody goloda: sel'skoe hozayistvo SSSR. 1931–1932 [Years of Hunger: Agriculture in USSR. 1931–1933]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 543 p. (in Russ.)
- Il'inykh V. A., Laperdin V. B.** Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gg. [Grain Collection in Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2020, 507 p. (in Russ.)

- Kondrashin V. V.** Golod 1932–1933: tragediya rossiiskoi derevni [The Famine of 1932–1933: Tragedy of Russian Village]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 519 p. (in Russ.)
- Kondrashin V. V.** Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoi pyatiletki i rezultaty (1929–1933 gg.) [Grain Procurement Policy during the First Five-year Plan and its Results (1929–1933)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, 350 p. (in Russ.)
- Laperdin V. B.** Sistema opredeleniya urozhainosti zernovykh v Zapadnoi Sibiri v nachale 1930-kh godov [System for Determining Grain Yield in Western Siberia in the Early 1930s]. In: Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik, 2015 [Irkutsk Historical and Economic Yearbook, 2015]. Irkutsk, 2015, pp. 252–258. (in Russ.)
- Levitin I.** Metodika opredeleniya urozhainosti [Methodology for Determining the Yield]. *Plan*, 1934, no. 4, pp. 20–24 (in Russ.)
- Moshkov Yu. A.** Zernovaya problema v gody kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva [Grain Problem in the Years of Collectivization of Agriculture]. In: Istoriya sovetskogo krest'yanstva i kolhoznoho stroitel'stva v SSSR [History of the Soviet Peasantry and Collective Farm Construction in the USSR]. Moscow, 1963, pp. 255–272. (in Russ.)
- Nefedov S. A.** Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 gg. [The Standard of Living of the Population and the Agrarian Development of Russia in 1900–1940]. Moscow, Delo Publ., 2017, 432 p. (in Russ.)
- Nemchinov V. S.** Uchet i statistika sel'skokhozyaistvennykh predpriyatii [Accounting and Statistics of Agricultural Enterprises], Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1933, iss. 1, 132 p. (in Russ.)
- Tauger M.** Urozhai 1932 goda i golod 1933 goda [The Harvest of 1932 and the Famine of 1933]. In: Sud'by rossiiskogo krest'yanstva [The Fate of the Russian Peasantry]. Moscow, 1995, pp. 298–332. (in Russ.)
- Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. 1927–1939 [The Tragedy of the Russian Village. Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials]. In 5 vols. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, vol. 3: 1930–1933, 1008 p.; 2002, vol. 4: 1934–1936, 1056 p.; 2004, vol. 5: 1937–1939, book 1: 1937, 648 p. (in Russ.)
- Vyltsan M. A.** Metody ischisleniya proizvodstva zerna v 1933–1940 gg. [Methods of Calculating Grain Production in 1933–1940]. In: Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1965 g. [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 1965]. Moscow, 1970, pp. 474–481. (in Russ.)
- Zelenin I. E.** Osnovnye pokazateli sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva v 1928–1935 gg. [The Main Indicators of Agricultural Production in 1928–1935]. In: Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1965 g. [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 1965]. Moscow, 1970, pp. 464–473. (in Russ.)

List of Sources

- Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR [Collection of Laws and Regulations of the Workers and Peasants Government of the Union of Soviet Socialist Republics], 1932, no. 84; 1933, no. 17; 1934, no. 17. (in Russ.)
- Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR [Collection of legalization and orders of the Workers 'and Peasants' Government of the RSFSR], 1930, no. 8. (in Russ.)
- Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia], 1939, July 10. (in Russ.)
- Statisticheskii byulleten' [Statistical Bulletin], 1926, no. 7–8. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Андреевич Ильиных, доктор исторических наук
Scopus Author ID 55508487000
WoS Researcher ID AAC-8106-2020

Information about Author

Vladimir A. Il'inykh, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 55508487000
WoS Researcher ID AAC-8106-2020

*Статья поступила в редакцию 13.06.2021;
одобрена после рецензирования 26.08.2021; принята к публикации 26.09.2021
The article was submitted 13.06.2021;
approved after reviewing 26.08.2021; accepted for publication 26.09.2021*

Научная статья

УДК 94(470)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-98-112

Социокультурная и профессиональная идентичность поколения советских «беби-бумеров» (по материалам глубинного интервью акторов научно-образовательного сообщества ОмГПУ)

Михаил Константинович Чуркин¹

Евгения Юрьевна Навойчик²

Елена Викторовна Черненко³

Наталья Ивановна Чуркина⁴

¹⁻⁴ Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия

¹ Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук
Тобольск, Россия

¹ proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

² disagree194@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7910-9268>

³ chernenko68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8138-4952>

⁴ n_churkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7722-2427>

Аннотация

С опорой на методологические практики устной истории (oral history), метод глубинного интервью, воссоздаются условия, содержание и результаты социокультурной и профессиональной идентичности представителей научно-образовательного сообщества как части послевоенного поколения, родившегося в 1943–1953 гг. В качестве маркеров идентичности поколения беби-бумеров рассматриваются: совместный исторический опыт, сходные образцы и программы социализации, сложившиеся в эпоху «позднего социализма», а также общие ценностные структуры и иерархии, заданные воспитательным, образовательным и идеологическим контекстом эпохи. В рамках исследования выявлены этапы оформления личностных характеристик представителей поколения беби-бумеров, факторы и культурно-исторические условия формирования мировоззрения и социализации в процессе развития профессиональной карьеры, этические принципы научно-образовательной коммуникации сообщества в обстоятельствах социокультурного фона второй половины XX столетия.

Ключевые слова

поколение беби-бумеров, социокультурная и профессиональная идентичность, социальная адаптация, коммуникативное согласие

Для цитирования

Чуркин М. К., Навойчик Е. Ю., Черненко Е. В., Чуркина Н. И. Социокультурная и профессиональная идентичность поколения советских «беби-бумеров» (по материалам глубинного интервью акторов научно-образовательного сообщества ОмГПУ) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 98–112. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-98-112

© Чуркин М. К., Навойчик Е. Ю., Черненко Е. В., Чуркина Н. И., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 98–112

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 98–112

Sociocultural and Professional Identity of the Generation of Soviet “Baby-Boomers” (On the Materials of the Deep Interviews of the Actors of the Scientific and Educational Community of OmSPU)

Mikhail K. Churkin¹, Evgeniya Yu. Navoichik²
Elena V. Chernenko³, Natalya I. Churkina⁴

^{1–4} Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation

¹ Tobolsk Complex Scientific Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation

¹ proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

² disagree194@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7910-9268>

³ chernenko68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8138-4952>

⁴ n_churkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7722-2427>

Abstract

Based on the methodological practice of oral history, as well as the method of in-depth interviews, the article reveals factors, content and results of the development of the socio-cultural and professional identity within the academic and teacher community consisting of the post-war generation born in 1943–1953. It establishes that markers of the identity of the generation include joint historical experience, models, and programs of socialization cultivated during the Soviet era, general life experience in the process of professional communication. When reconstructing the socio-cultural identity of baby boomers, the authors take into account the thesis, according to which the differentiation of generations is due to the experience of significant historical events, perceived as historical caesura. It also establishes that crises, scientific revolutions, socio-political innovations that influence many age groups are experienced differently in the certain phase of a certain generation. This study identifies the stages of the development of the communicative consent of the representatives of the baby boomer generation, the ethical principles of community contacts in the context of the socio-cultural background of the 2nd half of the 20th century. The authors pay particular attention to inter-generational communication, which defined the system of moral and ethical ideas of baby boomers, influenced the choice of strategies and practices of social behavior in the conditions of generally accepted norms of the USSR.

Keywords

baby-boomer generation, sociocultural and professional identity, social adaptation, communicative consent

For citation

Churkin M. K., Navoichik E. Yu., Chernenko E. V., Churkina N. I. Sociocultural and Professional Identity of the Generation of Soviet “Baby-Boomers” (On the Materials of the Deep Interviews of the Actors of the Scientific and Educational Community of OmSPU). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 98–112. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-98-112

Потенциал поколенческого подхода как инструмента познания общества во второй половине XX – начале XXI в. оценивался и оценивается представителями гуманитарного знания стабильно высоко и воспринимается в качестве своеобразного ключа к прошлому как воплощенной истории [Ассман, 2019, с. 370]. Важность применения подобного подхода в исторических исследованиях определяется возможностью воссоздания идейно-политического контекста эпохи, образа жизни, форм коммуникации, стратегий и практик социального поведения человека «второго плана» в истории второй половины «короткого» XX в.

В рамках прошедшего в 2016 г. в РГГУ круглого стола, посвященного рефлексии состояния поколенческих штудий, отмечалось, что в настоящее время применение поколенческого подхода в гуманитарных науках стимулируется ускорением темпа общественных изменений. Это позволяет восполнить дефицит социально-исторического знания и объяснить наблюдаемые явления, а также спрогнозировать их дальнейшее развитие [Петрушихина, Солодовникова и др., 2016].

Данное утверждение созвучно саркастическому замечанию А. Шлезингера-младшего, согласно которому «последние два поколения явились свидетелями большого количества дос-

тижений в области науки и технологии, чем предыдущие 798 поколений вместе взятых» [Шлезингер, 1992, с. 3]. Ученый отмечал, что в отличие от традиционного общества, в рамках которого каждое поколение лишь повторяло жизненные модели своих предшественников, с ускорением исторического процесса, новые поколения стали получать масштабный и разнообразный жизненный опыт, что позволило им приобрести особые отличительные черты [Там же, с. 21]. При этом он подчеркивал, что в последовательной смене поколений нет арифметической неизбежности, поскольку поколение – это не точное понятие, а почти метафора. Определяющую роль в проведении границ между поколениями играют эпохальные события, в ходе которых общий жизненный опыт предопределяет общие чувства и взгляды.

А. Шлезингер, опираясь на выводы родоначальников «теории поколений» К. Мангейма и Х. Ортега-и-Гассета, полагал, что даже внутригрупповая конфронтация внутри сообщества, принадлежащего к однородной возрастной группе, не отменяет реального единства их интересов, так как совместно воспринимаемые внешние воздействия дают каждому поколению если не единообразную идеологию, то, по меньшей мере, осознание своей особой, обособленной от других общности [Там же, с. 22].

Принятие положения о совместном историческом опыте, сходных образцах социализации и общих ценностных структурах как генерирующих маркерах принадлежности к возрастной группе, получившего развитие в трудах Н. Хоува, В. Штрауса [Strauss, Howe, 1991], А. Ассман (1990–2000-е гг.) [Ассман, 2014], дает возможность оперировать понятием «поколенческая идентичность», конструируя его максимально широко: поколения возникают не только благодаря дате рождения, но и на основе сходного жизненного опыта и сходных реакций на вызовы времени; в результате коммуникаций и дискурсов. Таким образом, поколения, принадлежащие к одному архетипу, имеют не только идентичный возрастной показатель, на время которого приходится формирующие их события, но и ряд базовых установок по отношению к культуре, семье, обществу.

Важную задачу в настоящем исследовании призван выполнить социокультурный подход [Мертон, 2006], активно внедряемый в исследовательские практики гуманитаристики в 1980–1990-х гг. с целью изучения культурного механизма социального взаимодействия как фактора идентичности индивидуумов, социальных групп и локальных сообществ. В настоящей работе применение социокультурного подхода предполагает выявление и комплексное осмысление институциональных (научно-образовательное сообщество) и внеинституциональных (поколение) сторон социальной жизни советского периода. При этом культура рассматривается в качестве условия существования институций, а личность – как предпосылка формирования внеинституциональных структур.

Не менее существенные, смыслообразующие функции в работе выполняет понятие «этос» как объединение людей на основе взаимной присяги, что позволяет говорить об этом явлении как о системе ценностных предпочтений человека и различных общностей. При этом роль этоса не исчерпывается только конструированием образа, стиля жизни, сложившихся на основе «предпочтения одних ценностей и небрежения другими» [Оссовская, 1987, с. 6]. Этос выражает собой свойство фиксировать и сохранять нравственно-солидаристические связи общности в ситуации их размывания [Анчел, 1988, с. 4]. В данной связи этос решает и терапевтические задачи, конструируя корпоративную этику в процессе взаимоотношений индивида и группы (сообщества), в основе которой лежит идентичность как общность представлений людей, объединенных социальными или локально-профессиональными рамками.

В параметрах заявленной темы с опорой на методологические практики устной истории (oral history) как исследовательского направления, методы глубинного (неструктурированного) интервью воссоздаются условия, факторы, содержание и результаты социокультурной и профессиональной идентичности акторов научно-образовательного сообщества ОмГПУ – представителей послевоенного поколения, родившихся в 1943–1953 гг. В качестве основных маркеров социокультурной и профессиональной идентичности поколения беби-бумеров рефлексировются: совместный исторический опыт, в активной фазе охвативший продолжитель-

ный временной отрезок 1960–1990-х гг., сходные образцы и программы социализации, сложившиеся в эпоху «позднего социализма», а также общие ценностные структуры и иерархии, заданные воспитательным, образовательным и идеологическим контекстом второй половины XX в., принадлежность к профессиональной группе, осознающей свое культурное единство в процессе реализации научно-образовательной деятельности.

В ходе организации исследования, был определен круг участников научного сообщества ОмГПУ, представляющих поколение беби-бумеров. Выступить в качестве респондентов выразили согласие 11 преподавателей факультета истории, философии и права университета, в числе которых восемь кандидатов и три доктора наук в области гуманитарного знания. Исследовательской группой на основе метода полуструктурированного интервью была составлена программа устного собеседования, которое предполагало общий перечень вопросов и специфических тем, допускающих для интервьюера и интервьюируемых определенную свободу действий при формулировке ответов. Общая стратегия интервью – выявление коллективного жизненного опыта и сходных реакций на вызовы времени в результате профессиональной коммуникации. Реконструкция социокультурной идентичности беби-бумеров производилась с учетом тезиса, согласно которому разграничение поколений происходит благодаря переживанию знаковых исторических событий, воспринимаемых как исторические цезуры. Кризисы, войны, научные революции, общественно-политические инновации, оказываясь в синхронном временном горизонте многих возрастных групп, таким образом, различно переживаются в фазе конкретного поколения.

Формирование основ профессиональной идентичности акторов научно-образовательного сообщества ОмГПУ как сегмента поколения советских беби-бумеров происходило в детские, школьные и ранние юношеские годы в условиях семейного и социального окружения, что способствовало складыванию, усвоению и видоизменению представлений о самих себе, окружающем пространстве, народе, обществе, государстве.

Базис этоса поколения беби-бумеров как научно-образовательного сообщества формировался в рамках особого социокультурного фона в СССР конца 1940-х – 1960-х гг., наиболее рельефным признаком которого являлась память о прошедшей войне, транслируемая и поддерживаемая непосредственными ее участниками – фронтовиками. В дискурсе коммуникативной памяти беби-бумеров отчетливо выделен мотив героического опыта «молчаливого поколения», оцениваемого группой респондентов в качестве поведенческого стандарта: «Оба родителя пережили войну. Отец служил в пехоте. Его два брата погибли на войне. Один брат был военврачом, у него звезда героя. У маминого брата две звезды героя. Мы воспитывались с сестрами на примере военного поколения»¹; «Война чувствовалась во всём: разговоры за столом. Пели военные песни за столом, и это мной воспринималось как норма»².

Влияние памяти о войне на формирование социокультурной идентичности беби-бумеров реализовывалось в обстоятельствах детских повседневных практик: домашней среды, игровой коммуникации, внешкольного досуга.

Отсутствие или ограниченность непосредственных контактов послевоенного поколения с отцами-фронтовиками не отменяли общей атмосферы недавно прошедшей войны, которая поддерживалась ее отдельными артефактами и типичными бытовыми сюжетами. Так, респондент Ч. К. в воспоминании об эпизодах раннего детства, рассказывает, что «однажды в тумбочке нашёл погоны младшего офицерского состава. Один раз видел пистолет»; часть интервьюируемых повествует об особых приметах прошедшей войны – военнопленных и инвалидах в городах и сельских населенных пунктах: «...инвалиды без ног едут по булыжной мостовой. Немцы мостили дорогу»³; «Отец был инвалидом. Не пострадавшие в годы войны мужики в колхоз не вернулись. Мне казалось, что мужики без руки, без ноги – это

¹ Н. Л., жен., 1950 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 15.05.2021. Здесь и далее интервьюеры: М. К. Чуркин, Е. В. Черненко, Е. Ю. Навойчик, Н. И. Чурина.

² М. А., муж., 1946 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 10.06.2021.

³ Ч. К., муж., 1946 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 09.05.2021; М. А., муж., 1946 г. р.

норма»⁴; «Родители рассказывали, как тяжело и голодно было в военное время. В городе было много эвакуированных из Ленинграда, страдавших от дистрофии, которые выжили благодаря местному населению»⁵.

Местом формирования поколенческой идентичности под воздействием прошедших военных событий выступали детские дворовые площадки, на которых игра в войну была основной: «Любимые игры – войнушка, прятки, что-нибудь делали и из этого стреляли»⁶; «На улице играли только в войну (в пехотинцев). Как только бегать научился, любимая игра всех мальчишек – война. Бегали с палками, изображая оружие. Постарше стали – начали окопы рыть»⁷; «Любимая игра – в вырезанных солдатиков (советских, немецких)»⁸. Симптоматично, что некоторые респонденты подобный интерес к играм милитаристского содержания объясняют своеобразным «дефицитом» острых ощущений поколения детей, которым не досталось героики военной поры. Ч. К. комментирует: «В войну играли, но войны не хватило. Добирали на улице»⁹.

Важная функция в поколенческом коммуникативном согласии беби-бумеров с точки зрения воздействия памяти о войне на идентичность принадлежала таким «площадкам» репрезентации, как художественная литература и кинематограф. Вспоминая о круге чтения в детский период, беби-бумеры выделили литературу приключенческого и военного жанров: «Считаю, что было много интересных книг, и мир постигался через приключения и военную беллетристику»¹⁰; «...до восьмого класса читал военно-приключенческие книжки в мягких обложках. С патриотической спецификой»¹¹; «Читала “Ивана Денисовича” и роман-газету. Роман “Живые и мертвые”»¹².

Знаковую роль в поддержании позитивной памяти о войне и формировании поколенческой идентичности беби-бумеров играл кинематограф. Участники «глубинного» интервью проявили высокую степень единодушия в оценке воспитательного значения кинематографической продукции 1950–1960-х гг., подчеркнув, что преобладающее место занимали фильмы, посвященные прошедшей войне: «Основным развлечением было кино. Даже в деревенский клуб привозили фильмы, и дети, лёжа вповалку, могли смотреть кино... В Красноярске было много кинотеатров. Я со старшим братом в выходные получал 10 рублей (до реформы) на кино. Билеты стоили 3–5 рублей. Из трофейных фильмов помню два: “Тарзан”, “Серенада солнечной долины”. Много было фильмов про войну, которые мы очень любили»¹³; «...фильмы в основном про войну»¹⁴.

В целом коммуникативная память о Великой Отечественной войне в представлениях беби-бумеров являлась важным фактором поколенческой солидарности, проявлением которой в международной, социально-политической и культурной ситуации СССР 1950–1960-х гг., становилась не только апологетика героических сюжетов отечественной истории 1940-х гг., но и понимание сущности войн как катастрофических событий: «Когда я впервые ночевал в новой квартире, проснулся от жуткого грохота. Первая мысль – атомная война началась»¹⁵; «Основная масса населения, реагируя на сложности жизни в СССР, имела установку, что ничего страшного не происходит. Лишь бы не было войны»¹⁶.

⁴ М. А., муж., 1946 г. р.

⁵ Л. В., муж., 1949 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 28.04.2021.

⁶ Ф. Д., муж., 1953 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 14.05.2021.

⁷ М. А., муж., 1946 г. р.

⁸ Ч. К., муж., 1946 г. р.

⁹ Он же.

¹⁰ Он же.

¹¹ К. Б., муж., 1947 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 05.05.2021.

¹² К. Л., жен., 1952 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 22.05.2021.

¹³ М. А., муж., 1946 г. р.

¹⁴ К. Л., жен., 1952 г. р.

¹⁵ С. О., муж., 1952 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 01.06.2021.

¹⁶ К. Л., жен., 1952 г. р.

Система нравственно-этических ценностей поколения беби-бумеров оформлялась не только под влиянием межпоколенческой трансляции памяти о прошедшей войне как знаковом инструменте гражданского воспитания, скрепленного государственной идеологией. В теории К. Мангейма феномен поколений заключается в том, что он представляет собой один из генетических факторов динамики исторического развития, своего рода модель взаимодействия поколений. По логике Мангейма, идущие друг за другом поколения как бы налагают свои энтелехии на более общие, устойчивые энтелехии разных, подчас противоположных тенденций [Мангейм, 2000, с. 55]. В данном отношении этос беби-бумеров формировался при непосредственном участии и вследствие культурного воздействия представителей поколения GI (поколение победителей), родившихся в конце XIX – начале XX в. и взрослевших в катастрофических условиях революций, войн и социальных экспериментов (построение социализма в отдельно взятой стране). Это поколение бабушек и дедушек наших респондентов. В описании и расшифровке качеств поколений, в частности поколения победителей, в исследовательской литературе установилось достаточно устойчивое и шаблонное мнение, в соответствии с которым представители поколения «победителей», выросшие на советских идеалах, отличаются верой в социалистическую идеологию, высоким уровнем ответственности и трудолюбия. Жизнь для таких людей – это в первую очередь борьба за светлое будущее. Лучший мотиватор для «победителей» – достижение общего порядка и справедливости. Деньги же для представителей этого поколения нужны только как средство существования, но не как цель, поэтому большой ценности не представляют [Ожиганова, 2015, с. 95]. Частично соглашаясь с этим тезисом, отметим, что формирование идентичности поколения GI происходило в особых социокультурных обстоятельствах сословного государства, каковым являлась Российская империя. Представители поколения в досоветский период располагались в разных социальных стратах, а процесс их взросления характеризовался несходными условиями образования, воспитания, коммуникации, материальных возможностей, что позволяет говорить не столько о поколенческой, сколько о сословных идентичностях. В процессе «глубинных» интервью с беби-бумерами было установлено, что представители поколения GI в основном позитивно оценивали уровень собственной жизни в досоветский период: «Бабушка рассказывала мне, что в батраках они были всего год, так как заработанных денег им хватило для того, чтобы поставить избу и начать создавать своё хозяйство»¹⁷; «На мои наивные пионерские вопросы о том, как плохо она, наверное, жила при помещиках, бабушка твердо отвечала – хорошо жила»¹⁸.

В рамках советской репрессивно-карательной системы оставшиеся в СССР представители поколения выбирали три основных стратегии поведения: сознательное принятие конвенций нового общества, социальный конформизм, «внутренняя эмиграция»¹⁹. Показательно, что все названные стратегии в повседневной жизни части «бывших» сопровождалась осознанием необходимости адаптации к существованию в стране «отсроченного счастья» [Рейли, 2015, с. 28], в которой отчетливо прослеживаются два вектора: трансляция опыта выживания в экстремальных условиях и культуртрегерство, адресованные не детям (молчаливому поколению, сформированному в советской системе), а внукам (беби-бумерам), интенсивное общение с которыми в период 1950-х – 1960-х гг. при производственной занятости родителей становится важным воспитательным и обучающим сюжетом реальности. В ходе бесед с бе-

¹⁷ М. А., муж., 1946 г. р.

¹⁸ Ф. Д., муж., 1953 г. р.

¹⁹ Определение и подробное описание явления «внутренней эмиграции» было дано в статье «внутреннего эмигранта», ставшего после окончания войны эмигрантом настоящим, Н. И. Осипова «Внутренняя эмиграция в СССР». В ней в частности говорилось: «Внутренняя эмиграция – это самое решительное неприятие советской власти, самое решительное отрицание ее теоретических основ, обычно ничем не обнаруживаемое. Это понятно: малейшее проявление протеста повело бы к немедленной ликвидации протестанта; внутренняя эмиграция существует постольку, поскольку она себя не обнаруживает. Обычно внутренний эмигрант считает всякую борьбу с советской властью безнадежной и бесполезной. Единственной формой обнаружения своих настроений является самоубийство».

би-бумерами выяснилось, что подавляющая часть респондентов (8 из 11) упоминают в своих рассказах о контактах с бабушками и дедушками. При этом четверо интервьюируемых (32 %) утверждают, что их коммуникация с представителями GI-поколения имела значимый воспитательный и образовательный эффект: «Очень хорошо помню бабушку, с которой много общался... У родителей не было времени. Интерес к прошлому формировался через общение с бабушкой... Бабушка из купеческой семьи, зажиточной, закончила гимназию, много читала, смотрела по телевизору фильмы с французскими субтитрами»²⁰; «Бабушка-украинка, Наталья Васильевна – практически неграмотная – как высокий образец культурной и бесконечно доброй русской женщины. С бабушкой находился больше всего по времени до школы. Бабушка какое-то время успела послужить у барыни. Но про то время и как ей жилось тогда, не спрашивал. Бабушка безумно любила внука, как и все бабушки...»²¹; «...Мама в тридцать лет родила сына. Кто отец неизвестно. С мамой на эту тему никогда не было разговоров. Сам никогда не интересовался, так как хватало любви бабушки – “бабуши”. Бабушка из крестьян...»²²; «Бабушка закончила церковно-приходскую школу, писала, читала, умерла, сидя за столом за книгой. Бабушка много читала детям в 1920–1930-е гг., классику, романы. В юности она пела на клиросе. Никто в церковь не ходил, но и атеистами не были. Бабушка рассказывала внучке, что церковь давала им, беднякам, красоту – говорила, что они были “чисто ангелы”... Внучка сказала бабушке, что Бога нет, так как Гагарин не видел его в космосе. Она ответила, что Бог – это не то, что можно увидеть глазами»²³.

В контексте коммуникации с поколением GI в сознании беби-бумеров складывалась иерархическая система ценностей, в которой синонимом понятия «материальное» являлось «необходимое». В советском фильме режиссера О. Ефремова «Старый Новый год», присутствует любопытный диалог периферийного героя Адамыча (поколение победителей) с беби-бумерами такого рода: «– У меня всё есть... – А что есть?... – А что надо... – А что надо?... – Что надо, то и есть...»²⁴. В коммуникативном пространстве трех поколений, взаимодействующих в послевоенный период, демонстрировался высокий уровень эластичности жизненного стандарта, что предполагало уникальную способность «затягивать пояса», стремление вырабатывать такие стратегии и практики, которые были бы направлены на сохранение и некоторое улучшение качества жизни, во всяком случае в границах концепции «выжить, во что бы то ни стало». Опрошенные респонденты, проявили согласие в ответах на вопрос, касающийся материальных условий жизни: состояния жилья, обеспеченности питанием, одеждой и т. д.: «Мы видели, во что были одеты, как скромно и как красиво... Мама обшивала дочерей, племянниц и золовок... Благодаря любви родителей, особенно отца, у меня не возникало чувство ущербности или не полноценности, чувства несправедливости и зависти. В школу меня отправили в сестринской форме с дыркой на спине и дали портфель с ржавым замком и только на день рождения мне подарили форму. И я ее носила до 7-го класса. Это было скромно, но так жили все...»²⁵; «Питались нормально. Две бабушки. Разносолов не было (картошка жареная, по праздникам пирожки). Ощущения голода не было. Когда возникал недостаток в продуктах, бабушка говорила: «иди паслёнчик»²⁶ пособирай. Пили кофе (из кофейного порошка). В воскресенье утром всегда был кофе»²⁷; «Питание было самое простое – лапша, картошка, но ощущения голода не было»²⁸; «Сдавали шкуры, рога и копыта –

²⁰ Ч. К., муж., 1946 г. р.

²¹ С. О., муж., 1952 г. р.

²² К. А., муж., 1953 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 05.05.2021.

²³ КЛ, жен., 1952 г. р. ...

²⁴ Старый Новый год (1980 г., комедия). URL: <https://yandex.ru/search/?lr=66&text> (дата обращения 01.07.2021).

²⁵ Н. Л., жен., 1950 г. р.

²⁶ Паслен относится к семейству пасленовых, насчитывающих около 1 500 видов. Ягоды паслена черного пригодны для питания. Преимущественно ягоды паслена используют в качестве начинки для пирогов, для приготовления повидла и варенья.

²⁷ Ч. К., муж., 1946 г. р.

²⁸ Ф. Д., муж., 1953 г. р.

обязаны были сдать, если забивали корову. Жестко было. Спасало, что больше хлеба было и с каждым годом всё больше. Казалось, что жить стало лучше»²⁹; «Жили очень бедно. Родители спали на панцирной кровати, я – на больничной кушетке, а “шкаф” был с гвоздями, вбитыми в стену... Рядом не было ни дедушек, ни бабушек»³⁰; «Питались мы нормально. В сибирской деревне с огорода можно было прокормиться. Была и курочка, и овощи. Но одевались очень плохо, потому что не было денег»³¹.

В лаконичной и оценочной форме отношение к практикам существования, сложившимся в годы послевоенного детства, выразил один из респондентов: «Всегда были скромные запросы. Было безоблачное счастье. Ощущение, что будет лучше: наши родители жили с мыслью, что детям будет лучше, а я живу с мыслью, что моим детям будет хуже»³².

Стоит отметить, что приобретенный беби-бумерами в процессе межпоколенческой коммуникации опыт существования в условиях материальных ограничений, в современном понимании близких к экстремальным, являлся для них стандартом, адаптивным оптимумом, способствовавшим реализации продуктивной деятельности в процессе дальнейшего построения научно-образовательной карьеры. Форматом личного профессионального успеха выступало состояние, определяемое социологом А. Юрчаком как «внеаходимость», реализуемая в дистанцировании субъекта и целых социальных сред как от политического дискурса государства, так и от политической активности оппозиции [Юрчак, 2014, с. 26].

Способность абстрагироваться от материальных трудностей, самостоятельно выбирать и расставлять приоритеты в пользу конструирования профессиональной карьеры предметно проявились у поколения беби-бумеров в период социального взросления и инкорпорации в научно-образовательное сообщество. Интервьюируемые, оценивая опыт включения в профессиональную корпорацию, подчеркивают самостоятельность выбора и в основном согласованно свидетельствуют: «Мысли о поступлении в институт определились опытом самостоятельной жизни: я понял, что мне становится неинтересно в рабочей среде. Желание двигаться дальше. Склонность к переменам и способность к ним. Понял, что единственный факультет – исторический»³³; «Выбор был совершенно бездарный. Папа умер, когда я учился в 8-м классе (1968 г.), поэтому подсказать мне уже не мог, но всегда говорил, что выбирать нужно серьезную профессию. Любимый предмет был геометрия. Но еще интересовали история и литература. На филфак поступали одни девчонки, по истории для меня всегда были проблемой даты (не мог и не могу запомнить). Я выбрал ближайший к дому ВУЗ – Транспортный, поступал на факультет с самым большим конкурсом»³⁴; «Выбрал Томский университет во время службы в армии, поскольку Красноярск и Новосибирск проиграли в конкуренции. Я закончил техникум с красным дипломом и сдал один экзамен на отлично, приехав в Томск во время короткого армейского отпуска...»³⁵; «Сразу был настроен на службу в армии. Захотел сам. Книжки военные повлияли. Хотел в пограничное училище после пойти. Служил три года – два в Москве. В музей – Третьяковку и Исторический – ходил постоянно. Командир роты, участник войны, отсоветовал идти в пограничное училище. Поступал в институт в военной форме. Всё на пятерки, кроме английского. Преподаватель поставила тройку (пожалела)»³⁶; «Поступила в университет не сразу. Вместо поступления были “дружески-любовные” приключения, что полностью переключило сознание, не могла сосредоточиться. Работала сначала лаборантом в школе, а потом пошла на завод. В столе лежал Гегель. Пыталась готовиться к поступлению. Начальник предложил поступать в Ленинград на перспективную специальность с ЭВМ, давали целевое направление, даже сдав на “З”,

²⁹ М. И., муж., 1947 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 05.06.2021.

³⁰ К. Б., муж., 1947 г. р.

³¹ М. А., муж., 1946 г. р.

³² Л. В., муж., 1949 г. р.

³³ Ч. К., муж., 1946 г. р.

³⁴ Ф. Д., муж., 1953 г. р.

³⁵ М. А., муж., 1946 г. р.

³⁶ К. Б., муж., 1947 г. р.

можно было поступить. Но я не отказалась от мечты. Поступила в двадцать лет. Закончила в двадцать пять»³⁷.

Навыки существования в обстоятельствах секвестированного комфорта послевоенного времени позволяли беби-бумерам рассматривать житейские трудности как объективный фон, не могущий быть серьезным препятствием в профессиональной реализации. Непритязательность быта, по свидетельствам интервьюируемых, сопровождала их на протяжении всего цикла включения в научно-образовательное сообщество: «...собирались на квартирах или за ТЭЦ на месте слияния Оми и Иртыша (можно было выпить, закусить, поговорить). Библиотека была самым “тусовочным” местом... В конце 1970-х гг. возникли проблемы с продовольствием. Вывозили в зал тележку с нарезанной колбасой, и нужно было ухватить свой кусок. Отдельная тема – поддержка взрослых детей родителями. Зарплата ассистента – 125 рублей плюс дополнительные заработки. Пожилые родители помогали детям. Обычным делом были летние “шабашки”... Шутили, что во всей Сибири жить можно, если иметь маленький ЯК-40, потому что везли из Тюмени – рыбу, из Барнаула – масло и сыр, из Томска – конфеты, из Новосибирска – кукурузные палочки и пепси. В аспирантуре сбивались в “стайки”, сбрасывались деньгами, продуктами, готовили по очереди. Ходили на разгрузку вагонов. Жили хорошо и дружно, много разговаривали»³⁸; «Парни серьезно работали в стройотряде. Мы строили элеватор. Девушки у нас по-черному ездили проводницами на Ташкент, всё лето... В аспирантском общежитии была бурная жизнь, нравы были примерно как в Римской империи после упадка. Единственное, что сдерживало – это недостаток средств. Финансово и семья и я жили не шибко... Но внутренний голос мне громко говорил, что надо решать основную задачу, чем я и занимался»³⁹; «Материально жили средне. Не всегда хватало денег. Отпуск проводили в Красноярке в щитовых домиках»⁴⁰; «Питание в семье было обычное, советское. Без особых разносолов и вкусок. Суп, картошка, рыба. Иногда котлета»⁴¹; «В бытовом отношении чувствовал себя комфортно, поскольку там, где я вырос, все жили очень скромно. Ничего особенного в очередях и дефиците товаров не видел. Мы не голодали»⁴²; «Поступила в университет. Общежитие не дали, так как в семье был доход, который не давал основания для получения места. Сначала жила у сестры на 1-м курсе. Потом – комната в квартире на двоих в доме у двух татарок. Топили печь. Опыт “бездомья”»⁴³.

«Вненаходимость» беби-бумеров проявлялась в абстрагировании не только бытовым, но и политическим, что во многом было обусловлено возрастными особенностями группы, а также временным лагом между периодом их активной социализации (студенческий, аспирантский, преподавательский периоды) и процессами краткосрочной «оттепели», начавшимися в СССР после смерти И. В. Сталина. Характерно, что родившиеся между 1946 и 1953 гг. респонденты сохранили в воспоминаниях детства семейные, но не личные впечатления (за исключением самых старших – 1946–1949 г. р.), связанные со смертью «вождя и учителя». Во многом поэтому ощущение глобальных перемен в период между 1956 и 1964 гг. не было зафиксировано в культурном габитусе поколения: «Первое детское впечатление – смерть Сталина (четыре года): мама гладила бельё и упала в обморок»⁴⁴; «Мама качала коляску (с младшим братом) и слушала сообщение о смерти Сталина и плакала (плакали все). Слёзы были ненадуманные. Отец так не переживал (фронтовик, повидавший много смертей)»⁴⁵; «Свою сознательную жизнь я отсчитываю с начала марта 1953 г., со смерти Сталина. Я сидел в зале на полу и расставлял какие-то свои игрушки, мама стряпала на кухне. И вдруг из чер-

³⁷ К. Л., жен., 1952 г. р.

³⁸ Ч. К., муж., 1946 г. р.

³⁹ Ф. Д., муж., 1953 г. р.

⁴⁰ К. А., муж., 1953 г. р.

⁴¹ С. О., муж., 1952 г. р.

⁴² Л. В., муж., 1949 г. р.

⁴³ К. Л., жен., 1952 г. р.

⁴⁴ Л. В., муж., 1949 г. р.

⁴⁵ Ч. К., муж., 1946 г. р.

ного круга репродуктора прозвучало сообщение о смерти Сталина. В ужасе я подскочил и бросился на кухню со страшным криком: “Это врачи... это врачи его отравили!!”. Точно помню, что у мамы руки были в муке, и она не могла обхватить мою голову ладонями и как-то прижала ее к себе неловко кистями. Еще ничего не понимая, она, крайне перепугавшись, выскочила в комнату. А там Левитан снова и снова своим замогильным голосом повторял сообщение о смерти вождя. Тут зарыдала и она. Мне стало ещё страшнее»⁴⁶.

Социокультурная атмосфера в СССР 1960-х гг. воспринималась «младшим» сегментом поколения беби-бумеров по-детски наивно: «Во втором классе в космос полетел Гагарин, тогда же стали строить коммунизм. Мы сожалели, что до коммунизма еще так далеко, мы уже станем взрослыми, а взрослым коммунизм и не очень нужен... Про космос не поверила только бабушка, которая твердо говорила – врут!»⁴⁷. Старшие респонденты (1946–1949 г. р.), характеризуя политический контекст эпохи, обращают внимание на отдельные «диссидентские» разговоры, осторожно купируемые родителями, хорошо помнившими период сталинских репрессий: «Откровенные разговоры начались в хрущёвское время, после 1956 г., даже в 1960-х (1961 г.)... Разговоров в семье было много. Звучала критика прошлого. В подростковом возрасте понимания перемен не было»⁴⁸; «Было ли ощущение изменений в конце 1950-х гг.? Помню разговоры с отцом, когда я был старшеклассником о том, как живёт страна, об экономике. Отвечал, что мне не нравится, что меня везут в телячьем вагоне, без окон и дверей... Именно тогда партия перестала нравиться. О переменах читал задним числом. Волны либерализации не заметил»⁴⁹; «Смутно помню разговоры про XX съезд, секретный доклад Хрущева. Но в семье это не обсуждалось»⁵⁰; «1959–1968 гг., до поступления в институт – очень насыщенные годы в истории страны. Я считал, что эта насыщенность – норма (имеется в виду густота политических событий). Ощущения больших изменений не было»⁵¹; «Вообще не помню никаких “оттепельных” явлений. Играл в футбол, о прочем думал мало»⁵².

Вместе с тем в сознании родившихся в начале 1950-х гг. восприятие политической и культурной реальности СССР претерпевало некоторые изменения, что сказывалось и на оценочных суждениях: «К окончанию школы почувствовала сомнение. Это был 1967–1968 гг. Помню события в Праге. Готовила доклад на политинформацию. Поведение комсомольских лидеров строилось по двойным стандартам. Был разрыв между словом и делом... Начинали слушать “голоса”. Впервые услышала по радио об “Архипелаге ГУЛАГе”»⁵³; «Мои родители не сталинисты, а я воинствующая антисталинистка. Прочитала Ю. Германа “Дело, которому ты служишь”, героиня прошла лагеря, но говорила: “Не троньте”. Для меня это было абсолютно не понятно: “Как это так?”. Через книги началось отношение к сталинской эпохе»⁵⁴; «В старших классах появились “Битлз”, каждый их концерт был событием. Слушали записи, это страшно нравилось... За двором по улице Герцена, где было оживленно, мы ходили смотреть на стилияг. Один из соседей был стилиага (брат товарища). “Оттепель” для меня связана со стилиагами и осуждением культа личности Сталина. Отец, говоря об этом, замечал, что репрессии как-то мимо нас прошли»⁵⁵.

Выскажем предположение, что корректирующее влияние на «вторичные воспоминания» беби-бумеров не могла не оказывать специфика организации гуманитарного образования в СССР (в большей степени исторического, в меньшей – философского), мобилизующая по-

⁴⁶ М. А., муж., 1946 г. р.

⁴⁷ Ф. Д., муж., 1953 г. р.

⁴⁸ Ч. К., муж., 1946 г. р.

⁴⁹ Л. В., муж., 1949 г. р.

⁵⁰ С. О., муж., 1952 г. р.

⁵¹ М. А., муж., 1946 г. р.

⁵² К. А., муж., 1953 г. р.

⁵³ К. Л., жен., 1952 г. р. ...

⁵⁴ К. Н., жен., 1952 г. р. ОмГПУ. Дата интервью 20.06.2021.

⁵⁵ Ф. Д., муж., 1953 г. р.

литическую лояльность членов научно-образовательного сообщества к правящему режиму, что становилось элементом конвенционального поведения и фиксировалось в сознании, накладывая определенный отпечаток и на воспоминания поколения. По свидетельству А. Макаревича, «...никому не приходило в голову, что в этой стране вообще что-то может измениться. Об этом ни взрослые, ни дети не думали. Была абсолютная уверенность, что так мы будем жить вечно» [Юрчак, 2014, с. 29].

В этой связи период окончательного включения поколения советских беби-бумеров в научно-образовательное сообщество пришелся на конец 1970-х – начало 1980-х гг., когда большинство его представителей находилось в возрастном диапазоне 25–35 лет – время кризиса самоутверждения (карьерного роста), предполагающего, что человек должен предъявить «*urbi et orbi*» (граду и миру) предварительные результаты своего жизненного цикла, освободившись от неконформистских амбиций. Кроме того, в условиях свертывания политики общественной либерализации стратегии социального поведения беби-бумеров корректируются. Крушение надежд и ожиданий эпохи «оттепели» поставило их перед фактом социальной адаптации к новым условиям политической и культурной реальности, что предопределило выбор пути профессионального совершенствования, строительства партийной, административной, научной карьеры.

По результатам интервью было установлено, что респонденты, разными путями (школа, СПТУ, производство, аспирантура) двигаясь по карьерной лестнице, оказались включены в научный и образовательный процесс вуза в период 1976–1988 гг. Оценивая свой статус как преподавателей и научных сотрудников в этот период, беби-бумеры продемонстрировали устойчивую солидарность в характеристике достаточно высокого материального уровня и позитивной общественной атмосферы, благоприятной для реализации карьерных планов, что выступает в качестве базовых признаков идентичности группы: «Когда я стал доцентом, мы были очень обеспеченные. Для понимания, моей зарплаты хватало для покупки двух путевок в санаторий “Солнечный берег” на 24 дня и на билеты на поезд до Краснодара. Покупали всё необходимое: еду, одежду. Поменять квартиру было сложно. Но мы так задачу и не ставили, за квартиру платили 18 рублей (примерно 5 % от зарплаты). Купить машину, конечно, с этой зарплатой не могли, цена на машину была специально завышена... Пока я работал в университете, то был больше преподаватель, чем научный работник. Воспитание студентов шло через вовлечение в деятельность. Наши художественные дела я тоже считаю важной частью воспитания. Мне не раз говорили мои выпускники, что прежде всего вспоминаем не лекции, а художественные вечера, которые мы готовили»⁵⁶; «Еще до возвращения из армии мне пообещали работу на межфаке ОмГПУ. Единственное условие – надо вступить в партию. В армии это было очень просто. Был заместителем по идеологии в парткоме. Доносились “отголоски” застоя, но больших сомнений в советской системе не было»⁵⁷; «После окончания института остался работать на кафедре истории СССР. На факультете душевная атмосфера. Работал в парткоме. Был заместителем секретаря. Приглашали на освобожденную должность. Но археология была на первом месте, и поэтому не согласился. Интенсивной научной жизни не было. Опубликовав пару статей, можно было ничего не делать. Получал доцент 490 рублей. И это неправильно»⁵⁸; «В пединститут пришёл весной 1978 г. Сначала работал на рабфаке. Читать исторические дисциплины было проблематично, поскольку я был беспартийным. Потом читал дисциплины у заочников. Вёл семинары, и на меня студенты написали докладную, что лектор и ведущий семинары говорят разные вещи. Преподаватель, читавшая лекционный курс, вместо того, чтобы сказать: “Пошёл вон”, предложила курс разделить. Для такого варианта, чтобы ассистент читал курс, требовалось специальное разрешение. Про взаимоотношения на факультете ничего сказать не могу, поскольку чужая жизнь меня не касалась и не интересовала. Большую часть свободного времени проводил на фа-

⁵⁶ С. О., муж., 1952 г. р.

⁵⁷ К. А., муж., 1953 г. р.

⁵⁸ К. Б., муж., 1947 г. р.

культете, даже когда не было часов. В деканате с утра до вечера курили и резались в шахматы»⁵⁹.

Показательно, что наметившаяся в конце 1980-х – 1990-х гг. внутригрупповая конфронтация, связанная с несходством, а иногда и полярной противоположностью оценки текущей политической и социокультурной ситуации, не стала препятствием для поддержания поколенческой идентичности и осознания своей особой общности: «В конце 1980-х больших изменений не чувствовалось. Омск – провинциальный город. Устраивались какие-то скучные мероприятия (суд над Сталиным). Мне показалось, что происходившее очень напоминало события конца XIX в. В начале 1990-х гг. были митинги. Впечатление: “Боже мой, эти идиоты нами управляют?”. Партия потеряла свой авторитет, и было непонятно, что будет дальше? ... В новых экономических условиях 1990-х гг. истфак жил очень трудно, и мы устраивали пикеты у обкома. Потом создали коммерческую организацию, обеспечивавшую поддержку преподавателей, и я уже больше ничем не занимался»⁶⁰; «Изменения в стране почувствовались, когда пришёл Горбачёв. Я относился к нему положительно, потому что Горбачёв и Яковлев стали говорить такие вещи, которые предполагали возможность принятия самостоятельных решений на местах. На этой почве происходили “расколы”, в том числе и в научно-образовательном сообществе. Появилась в преподавательских рядах “позиция” и “оппозиция”. Студенты были заведены до предела, впоследствии (1988–1989 гг.) проявив изрядную общественную активность. В университетском коллективе “разлом” был более резким»⁶¹; «1990-е годы провела замечательно по причине того, что занималась любимым делом. Вместе с группой талантливых ребят-художников в институте повышения квалификации открыли галерею современного искусства. Это был энтузиазм, не оплачиваемый, это был опыт. Я забыла, что такое сливочное масло, но я его не сильно-то и хотела. Рядом умирали от голода, зарплату не платили. Готова была на любую работу. Люди помогали друг другу. Кто яблоки с дачи предложит, кто – кабачки, грибы...»⁶².

Различия в представлениях и трактовках ситуации, сложившейся в период «позднего социализма» и начального этапа российской государственности, не смогли «перебороть» те поведенческие конвенции, которые являлись универсальными для поколенческого сообщества: оптимизм, заинтересованность в личностном росте и вознаграждении, коллективизм и командный дух, культ молодости, взвешенный конформизм. Показательно, что, по-разному расставляя акценты в характеристике самого знакового события в личной биографии, тесно соединенного с биографией страны, – распада СССР, респонденты констатируют, что крах советской империи и трудности «переходного периода», серьезно стимулировали их карьерные перспективы, способствовали достижению оптимального уровня жизни и бытового комфорта: «Жить было трудно, были проблемы с зарплатой в университете (1992–1995 гг.). Нас прекратили финансировать в полном объёме, отключили свет, тепло. Стали зарабатывать деньги сами... на даче сажали картошку, дома были запасы: мешок с сахаром, мукой и проч. запасами. Люди стали уходить из университета в бизнес. Вместе с тем университет жил, приобретались компьютеры, государство не дёргалось»⁶³; «...перестройка и последующие события во многом помогли мне сделать политическую карьеру, чего, скорее всего, в советское время бы не было»⁶⁴; «Я был очень рад распаду СССР, что от нас ушли грузины и прибалты, всё остальное мне, конечно, не нравилось. В дни августовского путча мне не было однозначно понятно, на чьей я стороне. С одной стороны, было ясно, что это честные люди. Например, генерал Пуго. Но, с другой стороны, возвращаться назад мне точно не хотелось. Я согласился стать проректором, так как представлял набор тогдашних докторов, и мне казалось,

⁵⁹ Л. В., муж., 1949 г. р.

⁶⁰ Он же.

⁶¹ Ч. К., муж., 1946 г. р.

⁶² Н. Л., жен., 1950 г. р.

⁶³ Ч. К., муж., 1946 г. р.

⁶⁴ С. О., муж., 1952 г. р.

что я не хуже... А потом, сказать честно, все эти голодовки надоели. Я помню, жена в ответ на мои размышления, сказала, давай поживем по-нормальному»⁶⁵; «Распад СССР – это катастрофа. Очень переживали. Я до сих пор считаю, что это какая-то странная история. 1990-е гг. перенесла плохо. ... Все время зарабатывали. Мой муж ходил по городу, открывал все двери и предлагал свои услуги, так как ему восемь месяцев не платили в институте. Спасали друзья... Давали деньги, привозили продукты с дачи... В конце концов, мужу повезло, и он нашел работу. Последние 14 лет он был чиновником, начальником департамента даже...»⁶⁶.

Таким образом, подводя общие итоги, необходимо отметить как типические, свойственные всему поколению беби-бумеров черты социокультурной идентичности группы, так и уникальные, характерные для научно-образовательного сообщества признаки профессиональной самоидентификации и корпоративного единства – состояния, определяемого А. Ватлиным [2013] как пребывание «на одной волне».

Атмосферным фоном формирования идентичности беби-бумеров, в отличие от их предшественников – GI и «молчаливого» поколения, переживших войны, социальные и гражданские катастрофы, государственный террор, являлась относительно спокойная «вегетарианская» ситуация «позднего» социализма второй половины XX в. Тем не менее в процессе интенсивной межпоколенческой коммуникации складывание этоса беби-бумеров происходило с опорой на травматический опыт, стратегии и практики социального поведения старших поколений. Результатом этого взаимодействия стало достижение коммуникативного согласия поколения беби-бумеров в сфере референций (на уровне знания, норм, оценок и чувств), что проявилось в «эластичности» стандартов⁶⁷ существования – бытовых и социальных, высокой мотивации достижения в рамках предложенных государством конвенций и адаптивного потенциала, направленного на обеспечение ограниченного, но приемлемого в заданных условиях жизненного комфорта. Крах советской империи стал для поколения беби-бумеров ментальной катастрофой, разрушившей стройную систему представлений о мире и своем месте в нем, что активировало ностальгию по воображаемому прошлому с привычными его характеристиками: стабильностью и нормальностью.

Вместе с тем в рамках научно-образовательного сообщества гуманитарной интеллигенции, что подтверждается материалами глубинного интервью, социокультурная и профессиональная идентичность беби-бумеров была подвержена определенным коррекциям. Применительно к исследуемой группе можно говорить о своеобразном «сцеплении», возникшем между универсальными поколенческими характеристиками и социокультурной ситуацией рубежа XX–XXI вв., когда в условиях разгосударствления и общественной либерализации происходила стремительная смена элит, и перед сегментом поколения, обладавшим высоким образовательным цензом, открылись благоприятные и осуществимые перспективы профессиональной и интеллектуальной реализации.

Список литературы

Анчел Е. Этос и история. М.: Мысль, 1988. 126 с.

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: НЛО, 2019. 552 с.

⁶⁵ Ф. Д., муж., 1953 г. р.

⁶⁶ К. Н., жен., 1952 г. р.

⁶⁷ Понятие «эластичность жизненного стандарта» впервые использовал российский правовед А. Трайнин, изучавший в начале XX в. проблему различий в строении городской и сельской обеспеченности. Исследователь полагал, что в отличие от городов, где обнищание «обвальное», недоедание в деревне носит хронический характер, а путь к абсолютной бедности и «голодному» хлебу поэтапен. В контексте настоящего исследования понятие используется для объяснения адаптивности поколенческой группы к ухудшению условий жизни.

- Ватлин А. Ю.** В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры. 2013. № 1. URL: <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss19.html> (дата обращения 04.07.2021).
- Мангейм К.** Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М., 2000. С. 8–63.
- Мертон Р.** Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
- Ожиганова Е. М.** Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97.
- Оссовская М.** Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
- Петрушихина Е. Б., Солодников И. В. и др.** Поколенческий подход в гуманитарных науках // Вестник РГГУ. Серия: Психология, педагогика, образование. 2016. № 4 (6). С. 139–150.
- Рейли Д.** Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: НЛО, 2015. 544 с.
- Шлезингер А. М., мл.** Циклы американской истории. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
- Юрчак А.** Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.
- Strauss W., Howe N.** Generations. New York: William Morrow & Co., 1991. 538 p.

References

- Ancsel E.** Etos i istoriya [Ethos and History]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, 126 p. (in Russ.)
- Assmann A.** Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 328 p. (in Russ.)
- Assmann A.** Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei [Oblivion of History – Obsession with History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, 552 p. (in Russ.)
- Mannheim K.** Problema pokolenii [Generation Problem]. In: Mannheim K. Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokolenii. Sostyazatel'nost'. Ekonomicheskie ambitsii [Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations. Competitiveness. Economic Ambitions]. Moscow, 2000, pp. 8–63. (in Russ.)
- Merton R.** Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST Publ., 2006, 873 p. (in Russ.)
- Ossowska M.** Rytsar' i burzhua: Issledovaniya po istorii morali [The Knight and the Bourgeois: Studies in the History of Morality]. Moscow, Progress Publ., 1987, 528 p. (in Russ.)
- Ozhiganova E. M.** Teoriya pokolenii N. Houva i V. Shtrausa. Vozmozhnosti prakticheskogo primeneniya [The Theory of Generations by N. Hove and W. Strauss. Possibilities of Practical Application]. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii [Business Education in the Knowledge Economy]*, 2015, no. 1, pp. 94–97. (in Russ.)
- Petrushikhina E. B., Solodnikova I. V. et al.** Pokolencheskii podkhod v humanitarnykh naukakh [Generational Approach in the Humanities]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya, pedagogika, obrazovanie [RSHU Bulletin. Series: Psychology, Pedagogy, Education]*, 2016, no. 4 (6), pp. 139–150. (in Russ.)
- Raleigh D.** Sovetskie beibi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoei strane [Soviet Baby-Boomers. The Post-War Generation Talks about Themselves and their Country]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 544 p. (in Russ.)
- Schlesinger A. M., jr.** Tsikly amerikanskoi istorii [Cycles of American History]. Moscow, Progress, Progress-Akademiya Publ., 1992, 688 p. (in Russ.)
- Strauss W., Howe N.** Generations. New York, William Morrow & Co., 1991, 538 p.

- Vatlin A. Yu.** V poiskakh “istinnogo sotsializma”: istoricheskoe soznanie pokoleniya perestroiki [Finding “True Socialism”: Historical Consciousness of the Perestroika Generation]. In: *Forum noveishei vostochno-evropeiskoi istorii i kul'tury* [Forum of Contemporary Eastern European History and Culture], 2013, no. 1. (in Russ.) URL: <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss19.html> (accessed 04.07.2021).
- Yurchak A.** Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was Forever until it Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 664 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Михаил Константинович Чуркин**, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57188640644
WoS Researcher ID AAQ-8591-2021
- Евгения Юрьевна Навойчик**, кандидат философских наук, доцент
- Елена Викторовна Черненко**, кандидат исторических наук, доцент
- Наталья Ивановна Чуркина**, доктор педагогических наук, профессор
WoS Researcher ID AAE-3470-2021

Information about Author

- Mikhail K. Churkin**, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57188640644
WoS Researcher ID AAQ-8591-2021
- Evgeniya Yu. Navoichik**, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor
- Elena V. Chernenko**, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
- Natalya I. Churkina**, Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor
WoS Researcher ID AAE-3470-2021

*Статья поступила в редакцию 18.08.2021;
одобрена после рецензирования 12.10.2021; принята к публикации 26.10.2021
The article was submitted 18.08.2021;
approved after reviewing 12.10.2021; accepted for publication 26.10.2021*

Обзорная статья

УДК 94(47).073

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-113-124

Николай I: личность и эпоха.

Отечественная историография конца XX – начала XXI века

Татьяна Васильевна Андреева¹

Леонид Владимирович Выскочков²

¹ Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

¹ ta-a.andreeva2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6941-1639>

² l.vyskochkov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7184-0969>

Аннотация

Рассматриваются методологические подходы и историографические принципы современных российских исследований, посвященных личности и правлению Николая I. Анализируются основные направления отечественной историографии конца XX – начала XXI в. в научном изучении важнейших тем николаевского царствования. Делается вывод, что для современной историографии характерен отказ от грубого и упрощенного разделения и даже противопоставления первой, второй и третьей четвертей XIX в. В большинстве работ, проведенных на основании различных исследовательских методик, николаевское царствование определяется важной стадией российской модернизации, временем, когда были завершены административные преобразования Александра I и подготовлены социально-экономические и политические основания для Великих реформ.

Ключевые слова

Россия, вторая четверть XIX столетия, Николай I, реформы, российская историография конца XX – начала XXI века

Для цитирования

Андреева Т. В., Выскочков Л. В. Николай I: личность и эпоха. Отечественная историография конца XX – начала XXI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 113–124. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-113-124

Nicholas I: Personality and Epoch.

Russian Historiography of the Late 20th – Early 21st Century

Tatiana V. Andreeva¹, **Leonid V. Vyskochkov**²

¹ St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

¹ ta-a.andreeva2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6941-1639>

² l.vyskochkov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7184-0969>

Abstract

The article discusses methodological approaches and historiographical principles of modern Russian research on the personality and rule of Nicholas I. It analyzes the main directions of the Russian historiography of the late 20th – early

21st century concerning the Nicholas reign – the continuity and distinctive features of government reformism, state ideology and political control, military, social and economic policy, the peasant question. The authors pay much attention to scientific and biographical works about Nicholas I and the statesmen of his era. The article identifies a number of the most controversial problems of the reign – the missed transformative opportunities, the Crimean War, the illness and death of Nicholas I. The article concludes by arguing that modern historiography is characterized by a rejection of the rough and simplified division and even opposition of the first, second and third quarters of the 19th century. In most of the works carried out on the basis of various research methods, the Nicholas reign is assessed as an important stage of Russian modernization, the time when the administrative transformations of Alexander I were completed and the socio-economic and political grounds for Great Reforms were prepared.

Keywords

Russia, the 2nd quarter of the 19th century, Nicholas I, reforms, Russian historiography of the late 20th – early 21st century

For citation

Andreeva T. V., Vyskochkov L. V. Nicholas I: Personality and Epoch. Russian Historiography of the Late 20th – Early 21st Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 113–124. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-113-124

25 июня (7 июля) 2021 г. исполнилось 225 лет со дня рождения императора Николая I. Юбилейная дата заставляет обратиться к анализу современной историографии в отношении его личности и царствования, которые долгое время либеральная и советская историографические традиции характеризовали в стереотипах и традиционных штампах, неадекватных исторической реальности. Николаевское царствование определялось временем тридцатилетнего застоя и торжества реакции, идейного кризиса и упадка, трагедии сломленного последкабристского поколения, а Николай Павлович характеризовался как «Николай Палкин», «коронованный барабанщик», «жандарм Европы».

Для настоящего этапа развития историографического процесса, начавшегося в 1990-е гг. в сложных условиях разрушения старых традиций, кризиса методологической и историософской базы, исчезновения целых направлений, характерны следующие определяющие черты: плюрализм научной интерпретации, поиск новых исследовательских методик, отказ от идеи, что главной причиной фундаментальных перемен была революционная ситуация. И еще: именно изменения ученой конъюнктуры обратили взоры отечественных историков на эпохи социально-политической стабильности, прежде всего на царствование Николая I. Современный дискурс относительно Николаевской эпохи отличается интересом к опыту бюрократически управляемого процесса преобразований на фоне официальной и общественной дискуссии о модернизации России в XXI в., а также особым вниманием к индивидуально-биографическому жанру. Актуализация данного жанра расширяет границы научных представлений об эпохе, о месте человека в исторической среде, самой среде в ее различных формах и состояниях. При этом сложность задач, стоящих перед исследователями, возрастает, когда главным героем выступает российский император, тем более такой, как Николай I.

Применительно к исследуемой теме, рассматриваемой авторами в контексте преобразовательной политики и реформаторских поисков власти в николаевское царствование, можно выделить несколько направлений, внутри которых просматриваются различные методологические принципы и историографические подходы. В данной статье, продолжающей историографические штудии авторов [Андреева, Выходков, 2011], дан анализ наиболее значительных работ конца XX – XXI в., посвященных личности Николая I и его эпохе.

Во-первых, это научно-биографические исследования, которые объединены в особое направление исторической персоналистики и соединяют в себе научную биографию и труд по политической истории России второй четверти XIX в. Их отличает внимание к личности Николая I, рассмотрение социально-политических процессов сквозь призму его жизни и государственной деятельности и применение историко-психологического и культурологического методов к изучению событий и явлений. И это вполне закономерно, поскольку в самодержавной России фигура императора всегда соединяла в себе единство личностно-индивидуального и политически общезначимого. Следует подчеркнуть, что период начала 1990-х гг.

оказался переломным в историографии николаевского царствования, когда после почти столетнего перерыва (имеется в виду двухтомный незавершенный труд Н. К. Шильдера) появились работы, в которых Николай I стал самостоятельным персонажем исторического исследования. В 1993 г. в «Вопросах истории» была опубликована статья Т. А. Капустиной «Николай I», в которой четко просматривается тенденция к «реабилитации» императора. Вместе с тем груз наследия советского прошлого обусловил негативную характеристику правительственной политики в отношении крестьянского вопроса, носившей, по мнению историка, консервативно-охранительный, непоследовательный и бессистемный характер [Капустина, 1993].

В том же году С. В. Мироненко написал большой биографический очерк о Николае I, которого впервые в постсоветской историографии представил как незаурядного государственного деятеля, четко осознававшего необходимость модернизации России. Историк показал, что николаевская модель преобразовательной политики в административной и социальной сферах, являя собой логическое продолжение официального реформаторства первой четверти XIX в., была направлена на укрепление российской государственности и отражала поступательный характер ее развития. Из александровского «наследия» были отброшены только политико-конституционные проекты. И хотя Николай I верил только «во всемогущество государства» как «аппарата», позволяющего «регулировать и держать под контролем жизнь общества», тем не менее осознавал важность развития социума, прежде всего необходимость отмены крепостного права. При этом не только критика правительственной аболиционистской программы со стороны большинства сановничества, но главное – признание самим Николаем I, что форсированная эмансипация является «преступным посягательством на общественное спокойствие и на благо государства», что необходима длительная подготовка в социально-политическом, финансово-экономическом и идеологическом аспектах, способствовали замедлению реформаторского процесса и установке только на формирование условий для проведения отмены крепостничества [Мироненко, 1993].

Данная плодотворная тенденция к объективному и всестороннему изучению Николая I как человека и государя и его эпохи была продолжена в серии монографий Л. В. Выходкова «Император Николай I: Человек и государь» [2001], «Николай I» в серии «ЖЗЛ» [2003], «Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века» [2018]. Имеющие новые исследовательские задачи, во-первых, в целом оценить роль Николая I в истории России и, во-вторых, продемонстрировать значение николаевской модели преобразовательной политики в едином модернизационном процессе второй половины XVIII – первой половины XIX в., они стали первыми в современной историографии специальными монографическими работами, в которых личность и государственная деятельность императора являются самостоятельным объектом изучения. В монографиях, исполненных в рамках одного из наиболее плодотворных направлений исторической мысли – «школы Анналов», проведено комплексное исследование становления личности, оформления политических взглядов Николая Павловича, формирования его принципов правительственной политики и бюрократической практики, а также подходов к решению важнейших внутри- и внешнеполитических проблем. Особое внимание Л. В. Выходков уделяет психологическому типу и особенностям личности Николая I, нашедшим отражение в его реакции на «Крымское испытание», что усугубило болезнь и приблизило кончину императора. При этом историк подчеркивает, что хотя Крымская война была проиграна, но «война не была “позорной”, а армия “бессильной”. Россия с честью выдержала давление ведущих европейских государств, которые вынуждены были отказаться от наиболее амбициозных планов и ограничиться минимумом». И всё же, сохраняя крепостное право, Российская империя «проигрывала во внешнеполитическом соревновании с Европой» [Выходков, 2018, с. 930–931].

В современной историографии особое внимание уделяется отдельным сюжетам, связанным с историей повседневности Императорского двора и царской семьи при Николае I. Наиболее значимой в этом плане является двухтомная книга много лет разрабатывающей эту те-

му Т. Л. Пашковой «Император Николай I и его семья в Зимнем дворце» [2014], написанная с привлечением архивных материалов и неизвестных ранее иллюстративных источников. Автор представляет важнейшие эпизоды жизни императорской семьи в интерьерах Зимнего дворца с топопривязкой по комнатам. В монографии Л. В. Выходкова «Будни и праздники Императорского двора» [2012] раскрывается структура Двора, анализируются придворные церемониалы и праздники.

Во-вторых, это обобщающие коллективные работы и монографические исследования, посвященные изучению исторических, политических и экономических аспектов российского реформаторского процесса, в том числе в период царствования Николая I. Еще дореволюционные (В. И. Семевский) и некоторые советские (С. Н. Чернов и Н. М. Дружинин) историки подчеркивали преемственность официального реформаторства первой, второй и третьей четвертей XIX в. Для современной историографии при общей идее о масштабности александровской эпохи и рубежности Великих реформ, ставших «поворотным событием» в истории имперской России, характерны, с одной стороны, отказ от противопоставления реформаторства различных эпох XIX столетия, а с другой – признание существования в его рамках единого преобразовательного процесса.

Так, авторы коллективной монографии под редакцией Б. В. Ананьича «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» (СПб., 1996), ставшей уже классической, к объяснению правительственных инициатив и преобразовательной практики подошли, основываясь на позитивистских принципах эволюционности и причинно-следственной связи. В царствовании Николая I были выделены начальный период активного законотворчества и последние годы замедления реформ, определены признаки нараставших вследствие этого кризисных явлений [Власть и реформы..., 1996, с. 233–238].

На переломе советской и постсоветской эпох была опубликована монография С. В. Мироненко «Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия» (М., 1990), которая выходила за пределы сложившегося в историографии нарратива и знаменовала собой начало нового этапа в изучении преобразовательной политики Николая I, прежде всего в крестьянском вопросе. На основе анализа взглядов самого императора и деятельности секретных комитетов автор приходит к важному выводу, что официальная позиция в отношении крестьянской реформы носила последовательный и системный характер. При этом подчеркивается, что Николай I подходил к кардинальным преобразованиям взвешенно и прагматически. Это нашло отражение в отказе от форсированной «двуединой реформы», разработанной М. М. Сперанским и П. Д. Киселевым в Секретном комитете 1835 г. и предполагавшей проведение одновременных преобразований в помещичьей и государственной деревне. Николай I полагал, что их надо «развести»: вначале провести реформу государственных, а затем – владельческих крестьян. Особое внимание в этой связи автор уделил работе Секретного комитета 1839–1842 гг. и широко задуманной П. Д. Киселевым аболиционистской программе, вполне реалистичной и направленной на «выход из наступившего кризиса по пути крайне медленно, но неуклонно проводимого “сверху” комплекса мер, ведущих к уничтожению крепостного права». Ограниченность же практических результатов деятельности комитетов С. В. Мироненко связывает с сопротивлением не только помещиков, но и самих комитетчиков. В силу этого Николай I, считая для себя невозможным пойти на открытый конфликт как с сановной аристократией, так и с большинством консервативного дворянства, стремился, по крайней мере, «приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей» [Мироненко, 1990, с. 185–188, 193].

Указанная трактовка крестьянской политики Николая I нашла продолжение в новейших работах. Ее суть состоит в том, что отмена крепостного права рассматривается как составная часть растянутого почти на весь XIX в. аболиционистского процесса. Нашедший отражение в отмене крепостного права в Прибалтике в 1810-х гг., деятельности николаевских секретных комитетов и реальных преобразованиях в государственной деревне, крестьянской реформе 1861 г., он завершился обязательным выкупом наделов в 1883 г. При этом освободительные

инициативы Александра I, Николая I и Александра II во многом были обусловлены стремлением императоров сохранить статус Российской империи как великой европейской державы.

Важным «этапом общего поступательного движения России», предварявшим реформы 1860-х гг., определяет период второй четверти XIX в. И. В. Ружицкая. В монографии «Законодательная деятельность в царствование императора Николая I» (СПб., 2015) на основе анализа правительственной деятельности в области аграрного и судебного законодательства продемонстрировано, что именно в николаевское царствование были заложены основания для реализации двух ключевых реформ царствования Александра II – крестьянской и судебной. Проанализировав проективную направленность большинства секретных комитетов и политические условия решения крестьянского вопроса, автор пришла к важному выводу: Николай I осознавал, что крепостное право является дестабилизирующим фактором, тормозившим социально-экономическое развитие России, прежде всего ее производительных сил, и потому проводил политику ограничения, смягчения крепостничества, сокращения численности крепостного населения. Следует отметить концептуальное положение, что от начала и до конца правления Николая I прослеживается «единая линия, единый замысел» преобразовательной политики. Главными причинами отказа власти от кардинального решения проблемы крепостного права в России исследовательница считает принцип освобождения крестьян с землей, положенный в основу официальной программы, что вызывало сопротивление основной массы помещиков; воздействие на императора консервативных взглядов членов императорской семьи и бюрократической элиты; влияние европейских революций 1830, 1848 гг. [Ружицкая, 2015, с. 43–244].

И. А. Христофоров в книге «Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.)» (М., 2011), рассматривая крестьянскую реформу 1861 г. как процесс, «лишенный заданности и четких хронологических границ», и считая, что ее компромиссность и внутренняя противоречивость обуславливались столкновением различных идеологических подходов и борьбой разных политических сил, начавшихся еще в николаевских секретных комитетах, обращается к выявлению ее истоков в теоретическом и практическом аспектах, сравнению замыслов и результатов. Причем впервые в историографии в центре исследовательского внимания «несущие конструкции реформы» – преобразования в административной структуре и сфере поземельных отношений, в том числе имущественное право, межевание, кадастр. По мнению автора, «первый масштабный приступ» имперской власти к решению крестьянского вопроса относится к 1830-м гг., когда стала формироваться идеологическая парадигма, основанная на принципе регламентации и контроля над крестьянами со стороны как государства, так и помещиков. При этом И. А. Христофоров считает, что Николай I «не собирался эмансипировать владельческих крестьян, т. е. превращать их в свободных и полноправных граждан», а стремился сделать всех крестьян империи государственными, регламентировать и рационализировать их жизнь [Христофоров, 2011, с. 6–11, 34–100, 350–356].

Между тем монография Т. В. Андреевой «На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Николая I. Исследование и документы» (СПб., 2019), основанная на официальных материалах, прежде всего проектах шести основных крестьянских комитетов 1826–1842 гг. и источниках личного происхождения, свидетельствует, что политика Николая I по крестьянскому вопросу уже четко обозначилась в деятельности Комитета 6 декабря 1826 г. Носившая концептуальный, комплексный, системный характер, тесно связанная с законодательной реформой и институциональными преобразованиями, она была направлена на подготовку основ освобождения помещичьих крестьян, создание условий для будущей, происходящей в другую эпоху эмансипации. Это было обусловлено идеологической матрицей правительственной преобразовательной программы, в которой доминировали принцип эволюционности и постепенности социальных изменений, отрицание единовременного и резкого уничтожения крепостничества. Процесс формирования социаль-

но-экономических условий отмены крепостного права включал: его регламентацию и ограничение рядом частных законодательных актов; перестройку устройства и управления казенной деревней как модели для помещичьей; создание рационализированных и доходных систем землеустройства, землепользования, налогообложения; проведение комплекса предварительных преобразований в судебной, финансовой, кредитной сферах. В силу этого Великая реформа 1861 г. предстает не как одномоментный акт, а как целостный и длительный процесс, отражавший сложный характер российской модернизации [Андреева, 2019, с. 5–11, 46–134].

Анализу устройства и функционирования системы государственного управления в царствование Николая I, преобразовательной политики в институциональной сфере посвящена монография Л. Е. Шепелева «Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I» (СПб., 2007). Особое внимание автор уделяет проектам реформ органов высшей, центральной и местной власти, разрабатываемым в Комитете 6 декабря 1826 г., и подчеркивает, что «организация государственного аппарата империи подвергалась в нем внимательному и критическому анализу», а многие частные наброски были востребованы и реализованы еще в николаевское царствование. Вместе с тем, по мнению Л. Е. Шепелева, власть считала опасным в данный исторический момент проводить коренное реформирование и считала достаточным только «учитывать собранные негативные и позитивные замечания» об административном устройстве империи [Шепелев, 2007, с. 101, 192].

В отличие от предыдущего автора, концепция И. В. Ружицкой, нашедшая отражение в ее книге «Государственный совет при Николае I: особенности функционирования» (М.; СПб., 2018), основана на главной идее, что на годы николаевского царствования «приходится завершение реформы системы управления», проведенной при Александре I, правительственное реформаторство в административной сфере носило последовательный и взаимосвязанный характер. Именно во второй четверти XIX в. был сформирован тот государственный механизм, который функционировал весь имперский период российской истории. Важным представляется положение автора, что система органов власти Российской империи вполне соответствовала существовавшим в это время в Западной Европе властным структурам, хотя имела специфические черты, связанные с ее политическим строем – самодержавием и крепостным правом. Трансфер европейских управленческих институций продолжался и в Николаевскую эпоху, когда происходило дальнейшее усовершенствование административной системы, «интеллектуализация бюрократии», формирование «новой бюрократической реальности», нашедшей отражение не только в ротации чиновничьих кадров, но и в их профессионализации. В целом И. В. Ружицкая определяет царствование Николая I как важный этап развития российской государственности, являвшийся «продолжением предыдущего с его реформированием системы управления» и создавший «условия для проведения на следующем этапе реформ Александра II» [Ружицкая, 2018, с. 287–292].

Данная точка зрения вполне справедлива, но следует иметь в виду, что николаевская модель преобразовательной политики в административной сфере, являя собой логическое продолжение официального реформаторства при Александре I, имела с ним как схожие, так и отличительные черты. В основе правительственных поисков усовершенствования государственной системы продолжала оставаться реформаторская программа, носящая системный и взаимосвязанный характер, институциональные преобразования, как и в предыдущую эпоху, были тесно связаны с законодательной реформой и развитием социальной структуры империи. Однако важнейшей задачей преобразований являлась централизация управления, инструментарием решения которой при Николае I стало соединение личного начала и управления посредством учреждений. Помимо этого, николаевский тип абсолютизма, сочетающий сильную авторитарную власть монарха с модернизированной системой государственного управления и фундаментальным кодифицированным законодательством, отличался от предшествующих и последующих. Это находило отражение в стремлении Николая I согласовать традиционалистские и западнические начала русской жизни и стабилизировать государст-

венную и общественную систему империи путем усиления единства идеологии и практики официального консерватизма [Андреева, 2017, с. 30–48].

Кроме того повышенный интерес историков постсоветской эпохи наблюдается в отношении двух важнейших политических проблем николаевского царствования – государственной идеологии и государственного контроля при Николае I. А. Л. Зорин в монографии «Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века» (М., 2001), посвященной идеологическому «строительству» верховной власти во второй четверти XIX в., особое внимание уделит процессу оформления уваровской триады. При создании столь сложного феномена С. С. Уваров, как показал автор, стремился соединить на русской почве политическую теорию немецкого романтизма о «построении национального государства» и воспитании «национального характера» и охранительные гарантии в виде самодержавия, православия и народности, причем последняя подчинила себе оба первых элемента идеологемы. В условиях деформации религиозных, институциональных и народных оснований в Европе и распространения разрушительных тенденций, как считали Николай I и его ближайшее окружение, необходимо было укрепить Россию, утвердив на началах, составляющих ее отличительный характер. Стратегической целью государственной идеологии определялось, с одной стороны, уничтожение «противоборства» европейского образования и образовательных потребностей России, а с другой – идеологическое противостояние революционным лозунгам Европы, формирование нового поколения россиян, тесно связанного национальным единством, православным вероисповеданием, верноподданническим чувством [Зорин, 2001, с. 339–374].

Дальнейшее развитие данные идеи получили в монографии С. В. Удалова «Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века» (Саратов, 2018), в которой впервые дан комплексный анализ процесса становления, распространения и функционирования государственной идеологемы в контексте формирования политической системы Николая I и николаевской модели взаимоотношений власти и общества. В центре исследования – социокультурные условия пропаганды и реализации уваровской триады, административные ресурсы, используемые властью для ее внедрения и утверждения как идеологического приоритета в политическое сознание различных состояний и сословий России, и впервые в историографии национальная политика Российской империи второй четверти XIX в. в тесной связи с теорией официальной народности. Весьма значимым представляется вывод С. В. Удалова, что в триаде были тесно соединены две важнейшие идеи – национальная и государственная, причем последняя с течением времени всё больше подчиняла себе первую. При этом широкое распространение понятия «народность» в общественном сознании и усиление «противостояния идеи общеимперского единства чисто национальному патриотизму» после дела о Кирилло-Мефодиевском обществе в 1847 г. обусловили превращение «национально-государственной доктрины в общеимперскую идеологию» [Удалов, 2018, с. 221–228].

В монографии Г. Н. Бибикова, ставшей первым в новейшей историографии специальным исследованием жизни и государственной деятельности А. Х. Бенкендорфа в контексте его роли в создании и функционировании III Отделения СЕИВК, царствование Николая I делится на два периода. В первый период созданная по западному образцу политическая полиция, находившаяся в прямом подчинении императору и являвшаяся самостоятельным и независимым от других государственных структур органом, имела несколько направлений деятельности, включавших, помимо надзора за общей благонадежностью, контроль над министерствами и ведомствами, а также выявление общественных настроений и преобразовательных проектов. В этот период, по мнению автора, происходило «развитие политической системы императора Николая I по восходящей линии». Во второй период николаевского царствования «служба тайной полиции, продолжая мониторинг общественного мнения, не сможет застраховать» монарха «от тяжелых политических ошибок» [Бибиков, 2009, с. 337–338]. Здесь следует сказать, что после 1848 г. важнейшей задачей III Отделения был не «мониторинг обще-

ственного мнения», как ранее, а борьба с европейским революционным влиянием. Отставание же России от передовых европейских государств было обусловлено не «политическими ошибками» Николая I, а неэффективной официальной стратегией, направленной на постепенное и поверхностное буржуазное развитие России, формирование примитивных, не затрагивавших самодержавный фундамент и феодальные сословно-крепостнические отношения верхушек капитализма, в то время, когда в Европе происходил форсированный аграрно-промышленный и социально-экономический переворот.

Монография Ф. Л. Севастьянова «Государственная безопасность есть предмет уважительный: политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I» (СПб., 2016) посвящена истории спецслужб в имперской России, важнейшей составной частью которых было III Отделение СЕИВК. С точки зрения автора, реорганизация службы высшей полиции при Николае I была обусловлена модернизацией в целом государственного аппарата, важностью формирования органа, являвшегося не только инструментом политического контроля, но и «каналом связи подданных со своим государем» [Севастьянов, 2016, с. 487–503]. Думается, актуализация вопроса о создании политической полиции была также связана с необходимостью купировать последствия династического и политического кризисов конца 1825 – начала 1826 г., предотвратить перерастание общественной активности в антиправительственное действие, ввести надзор за бюрократией и усилить борьбу с коррупцией в чиновничьей среде.

Также следует отметить обобщающие работы, посвященные социально-экономическому развитию Российской империи, в том числе в Николаевскую эпоху. Историография на эту тему проанализирована в исследованиях Б. Н. Миронова, в частности в его фундаментальной итоговой монографии «Российская империя: от традиции к модерну». Историк делает общий вывод об определенном запасе прочности дореформенной экономики, в силу этого считает, что отмена крепостного права была обусловлена не социально-экономическими причинами, а вызвана прежде всего военно-политическим противостоянием России и Запада [Миронов, 2014; 2015].

В последние годы в историографии актуализировались проблемы внешней политики и военных действий в царствование Николая I. Во втором томе истории внешней политики Российской империи, посвященном периоду 1825–1855 гг. О. Р. Айрапетов особое внимание уделяет взглядам самого Николая I на международную ситуацию в связи с геополитическими интересами России. Автор не только учитывает новейшую литературу, но и дает взвешенные оценки, при этом внешняя политика рассматривается в тесной связи с военными кампаниями [Айрапетов, 2017]. Г. А. Гребенщикова в серии капитальных монографий и прежде всего в монографии «Российский флот при Николае I» (СПб., 2014) показывает сложный процесс формирования морского щита России во второй четверти XIX в., анализирует взгляды самого императора. К сожалению, задуманную программу строительства винтовых кораблей, как показывает автор, не успели выполнить накануне войны [Гребенщикова, 2014]. Принципиально важными являются новые исследования, посвященные Крымской войне. Монография А. А. Кривопалова [2019], посвященная И. Ф. Паскевичу и русской стратегии накануне и во время войны позволила уточнить позицию и взгляды императора, до последних дней контролировавшего ход событий. Военные события на главном театре войны – Крымском – получили освещение в пяти продолжающихся книгах крымского военного историка С. В. Ченныка. Это наиболее обстоятельное исследование военных действий в Крыму с привлечением зарубежных публикаций [Ченнык, 2010; 2011; 2012; 2014]. По-новому заставляет взглянуть на организацию медицинской службы в годы Крымской войны монография Ю. А. Наумовой. Статистика, приведенная автором, позволила сделать вывод, что российская медицинская служба по своей эффективности находилась на уровне английской и была выше французской [Наумова, 2010].

Наконец в историографии николаевского царствования в последние годы получило развитие направление, связанное с историей науки, культуры, искусства в 1825–1855 гг. Эта тема

требует отдельного анализа, тем более что обобщающих исследований, в которых анализировалась бы объективно роль Николая I в этой сфере, пока нет. Однако изучение этой проблематики стало более активным [Вискочков, Шелаева, 2016].

Итак, анализ научной литературы конца XX – начала XXI в., посвященной личности, государственной деятельности Николая I и его эпохе, свидетельствует о позитивных переменах, которые характерны для современного историографического процесса. Фигура российского императора, различные аспекты поиска оптимального для России пути развития, важнейшие проблемы ее социально-экономической и институциональной модернизации в царствование Николая I всё активнее и целенаправленнее становятся объектом глубокого осмысления и анализа. И хотя работы историков написаны на основании различных исследовательских методик и отражают различные представления о частных и конкретных вопросах, в целом отечественная историография, прошедшая долгий путь ригористической критики, остановилась, наконец, на позиции здравого смысла и признания периода второй четверти XIX в. важнейшим этапом российской истории, масштабной и переломной эпохой кануна Великих реформ, а самого Николая I – не реакционером, а «консерватором с прогрессом».

Список литературы

- Айрапетов О. Р.** История внешней политики Российской империи. 1801–1914.: В 4 т. М.: Кучково поле, 2017. Т. 2: Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. 621 с.
- Андреева Т. В.** Государственное управление в России в начале царствования Николая I: к проблеме преемственности и различия в преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). С. 30–56.
- Андреева Т. В.** На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Николая I. Исследование и документы. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. 728 с.
- Андреева Т. В., Вискочков Л. В.** Николай I: Pro et contra (зеркало для героя) // Николай I: Pro et contra. Антология. СПб., 2011. С. 7–62.
- Бибииков Г. Н. А. Х.** Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Под ред. Б. В. Ананьича. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.
- Вискочков Л. В.** Император Николай I: человек и государь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 644 с.
- Вискочков Л. В.** Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. 694 с. (Серия ЖЗЛ)
- Вискочков Л. В.** Будни и праздники Императорского двора. СПб.: Питер, 2012. 493 с.
- Вискочков Л. В.** Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М.: Академический проект, 2018. 999 с.
- Вискочков Л. В., Шелаева А. А.** «Изящные искусства достойны монаршего покровительства...»: император Николай I и русские художники // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 285–295.
- Гребенщикова Г. А.** Российский флот при Николае I: документы, факты, исследования. СПб.: Остров, 2014. 799 с.
- Зорин А. Л.** Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001. 414 с.
- Капустина Т. А.** Николай I // Вопросы истории. 1993. № 11/12. С. 31–39.
- Кривопапов А. А.** Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. 287 с.
- Мироненко С. В.** Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. 236 с.
- Мироненко С. В.** Николай I // Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1993. С. 91–158.

- Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.; 2015. Т. 2. 912 с.; Т. 3. 992 с.
- Наумова Ю. А.** Ранение, болезнь и смерть: Русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М.: Изд-во «Модест Колеров», 2010. 319 с.
- Пашкова Т. Л.** Император Николай I и его семья в Зимнем дворце: В 2 ч. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. Ч. 1: 1796–1837. 464 с.; Ч. 2: 1838–1855. 521 с.
- Ружицкая И. В.** Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 358 с.
- Ружицкая И. В.** Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 311 с.
- Севастьянов Ф. Л.** Государственная безопасность есть предмет уважительный: политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб.: Победа, 2016. 552 с.
- Удалов С. В.** Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2018. 256 с.
- Христофоров И. А.** Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 367 с.
- Ченнык С. В.** Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.): В 5 ч. Севастополь, 2010. Ч. 1. 320 с.; 2011. Ч. 2. 319 с.; 2012. Ч. 3. 300 с.; 2014. Ч. 4. 304 с.; Ч. 5. 320 с.
- Шепелев Л. Е.** Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство, 2007. 461 с.

References

- Airapetov O. R.** Istoriya vneshnei politiki Rossiiskoi imperii. 1801–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801–1914.]. In 4 vols. Moscow, Kuchkovo pole, 2017, vol. 2: Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya I. 1825–1855 [Foreign Policy of Emperor Nicholas I. 1825–1855], 621 p. (in Russ.)
- Ananyich B. V.** (ed.). Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoi Rossii [Power and Reforms. From Autocratic to Soviet Russia]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1996, 800 p. (in Russ.)
- Andreeva T. V.** Gosudarstvennoe upravlenie v Rossii v nachale tsarstvovaniya Nikolaya I: k probleme preemstvennosti i razlichiya v preobrazovatel'noi politike [Public Administration in Russia at the Beginning of the Reign of Nicholas I: To the Problem of Continuity and Differences in Reformatory Policy]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal], 2017, iss. 2 (14), pp. 30–56. (in Russ.)
- Andreeva T. V.** Na dal'nikh podstupakh k Velikoi reforme: krest'yanskii vopros v Rossii v tsarstvovanie Nikolaya I. Issledovanie i dokumenty [On the Long Eve of the Great Reform: The Peasant Question in Russia during the Reign of Nicholas I. Research and Documents]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 2019, 728 p. (in Russ.)
- Andreeva T. V., Vyskochkov L. V.** Nikolai I: Pro et contra (zerkalo dlya geroya) [Nicholas I: Pro et Contra (a Mirror for the Hero)]. In: Nikolai I: Pro et contra [Nicholas I: Pro et Contra]. Anthology. St. Petersburg, 2011, pp. 7–62. (in Russ.)
- Bibikov G. N. A.** Kh. Benkendorf i politika imperatora Nikolaya I [A. Kh. Benkendorf and the Policy of Emperor Nicholas I]. Moscow, Tri kvadrata, 2009, 424 p. (in Russ.)
- Chennyk S. V.** Krymskaya kampaniya (1854–1856 gg.) Vostochnoi voiny (1853–1856 gg.) [Crimean Campaign (1854–1856) of the Eastern War (1853–1856)]. In 5 parts. Sevastopol, 2010, part 1, 320 p.; 2011, part 2, 319 p.; 2012, part 3, 300 p.; 2014, part 4, 304 p.; part 5, 320 p. (in Russ.)
- Grebenshchikova G. A.** Rossiiskii flot pri Nikolae I: Dokumenty, fakty, issledovaniya [Russian Fleet under Nicholas I: Documents, Facts, Researches]. St. Petersburg, Ostrov Publ., 2014, 799 p. (in Russ.)

- Kapustina T. A.** Nikolai I [Nicholas I]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1993, no. 11/12, pp. 31–39. (in Russ.)
- Khrstoforov I. A.** Sud'ba reformy: Russkoe krest'yanstvo v pravitel'svennoi politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.) [The Fate of the Reform: The Russian Peasantry in Government Policy before and after the Abolition of Serfdom (1830–1890)]. Moscow, Sobranie Publ., 2011, 367 p. (in Russ.)
- Krivopalov A. A.** Fel'dmarshal I. F. Paskevich i russkaya strategiya v 1848–1856 gg. [Field Marshal I. F. Paskevich and Russian Strategy in 1848–1856]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2019, 287 p. (in Russ.)
- Mironenko S. V.** Stranitsy тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия [Pages of the Secret History of Autocracy: The Political History of Russia in the 1st Half of the 19th Century]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 236 p. (in Russ.)
- Mironenko S. V.** Nikolai I [Nicholas I]. In: Rossiiskie samoderzhitsy. 1801–1917 [Russian Autocrats. 1801–1917]. Moscow, 1993, pp. 91–158. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Rossiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from Tradition to Modernity]. In 3 vols. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2014, vol. 1, 896 p.; 2015, vol. 2, 912 p.; vol. 3, 992 p. (in Russ.)
- Naumova Yu. A.** Ranenie, bolezni i smert': Russkaya meditsinskaya sluzhba v Krymskuyu voynu 1853–1856 gg. [Wound, Illness and Death: Russian Medical Service in the Crimean War of 1853–1856]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, 319 p. (in Russ.)
- Pashkova T. L.** Imperator Nikolai I i ego sem'ya v Zimnem dvortse [Emperor Nicholas I and his Family in the Winter Palace]. In 2 parts. St. Petersburg, GE Publ., 2014, part 1: 1796–1837, 464 p.; part 2: 1838–1855, 521 p. (in Russ.)
- Ruzhitskaya I. V.** Zakonodatel'naya deyatelnost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I [Legislative Activity during the Reign of Emperor Nicholas I]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015, 358 p. (in Russ.)
- Ruzhitskaya I. V.** Gosudarstvennyi soviet pri Nikolaye I: osobennosti funktsionirovaniya [State Council under Nicholas I: Features of Functioning]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018, 311 p. (in Russ.)
- Sevast'yanov F. L.** Gosudarstvennaya bezopasnost' est' predmet uvazhitel'nyi: Politicheskii rozysk i kontrol' v Rossii ot Pavla I do Nikolaya I [State Security is a Respectable Subject: Political Search and Control in Russia from Paul I to Nicholas I]. St. Petersburg, Pobeda Publ., 2016, 552 p. (in Russ.)
- Shepelev L. E.** Apparat vlasti v Rossii. Epokha Aleksandra I i Nikolaya I [The Government Machine in Russia. The Era of Alexander I and Nicholas I]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2007, 461 p. (in Russ.)
- Udalov S. V.** Imperiya na yakore: gosudarstvennaya ideologiya, vlast' i obshchestvo v Rossii vtoroi chetverti XIX veka [Empire at Anchor: State Ideology, Power and Society in Russia in the 2nd Quarter of the 19th Century]. Saratov, Saratov Uni. Press, 2018, 256 p. (in Russ.)
- Vyskochkov L. V.** Imperator Nikolai I: chelovek i gosudar' [Emperor Nicholas I: Man and Sovereign]. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2001, 644 p. (in Russ.)
- Vyskochkov L. V.** Nikolai I [Nicholas I]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2003, 694 p. (in Russ.) (Series "The Life of Wonderful People")
- Vyskochkov L. V.** Budni i prazdniki Imperatorskogo dvora [Everyday Life and Holidays of the Imperial Court]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012, 493 p. (in Russ.)
- Vyskochkov L. V.** Nikolai I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroi chetverti XIX veka [Nicholas I and his Era. Essays on the History of Russia in the 2nd Quarter of the 19th Century]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2018, 999 p. (in Russ.)
- Vyskochkov L. V., Shelaeva A. A.** "Izyashchnye khudozhestva dostoiny monarshego pokrovitel'stva...": imperator Nikolai I i russkie khudozhniki ["Fine Arts Are Worthy of the Royal Pat-

ronage...”: Emperor Nicholas I and Russian Artists]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, no. 3, pp. 285–295. (in Russ.)

Zorin A. L. Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka [Feeding the Two-Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last 3rd of the 18th – 1st Third of the 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001, 414 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Татьяна Васильевна Андреева, доктор исторических наук
WoS Researcher ID AAE-9846-2019

Леонид Владимирович Выскочков, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57195680033
WoS Researcher ID F-7316-2015

Information about the Authors

Tatiana V. Andreeva, Doctor of Sciences (History)
WoS Researcher ID AAE-9846-2019

Leonid V. Vyskochkov, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57195680033
WoS Researcher ID F-7316-2015

*Статья поступила в редакцию 11.07.2021;
одобрена после рецензирования 11.08.2021; принята к публикации 25.08.2021
The article was submitted 11.07.2021;
approved after reviewing 11.08.2021; accepted for publication 25.08.2021*

Научная статья

УДК 94(574)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-125-136

Описание обряда утверждения казахского хана Нуралы в 1749 году

Николай Сергеевич Лапин

Институт истории государства

Нур-Султан, Казахстан

lapin.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>

Аннотация

Представленный к публикации документ является подробным описанием обряда конфирмации казахского хана Нуралы, проведенного в окрестностях Оренбурга в июле 1749 г. В документе содержатся сведения, раскрывающие процедуру и ход событий: прибытие Нуралы к месту конфирмации, его встречу, объявление ханом, присягу, вручение царских даров, официальный обед с участием хана, его приближенных и оренбургских чиновников и военных и ряд других обстоятельств. Описание составлено оренбургским губернатором И. И. Неплюевым для Коллегии иностранных дел и является одним из документов, сопровождавших журнал губернатора, содержащий обстоятельства казахско-русских переговоров, состоявшихся как до дня утверждения, так и после. Публикация позволяет точнее представить, как российскими приграничными властями реализовывался новый механизм влияния на подданных казахов.

Ключевые слова

Российская империя, казахи, XVIII век, хан, присяга, конфирмация

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан, грант № AP08856071 «Казахстан и Россия: комплексное изучение истории становления и развития двусторонних взаимоотношений в Новое и Новейшее время (XVIII – начало XXI в.)»

Для цитирования

Лапин Н. С. Описание обряда утверждения казахского хана Нуралы в 1749 году // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 125–136. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-125-136

Description of the Rite of Approval of the Kazakh Khan Nuraly in 1749

Nikolay S. Lapin

Institute of the History of the State

Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

lapin.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>

Abstract

The article considers the confirmation of the Kazakh khans as the subjects of the Russian Empire. The implementation of the confirmation institute has become a new tool of Russia's influence on the Kazakh elite. The publication allows us to imagine how Russian border officials tried to introduce new mechanisms of control over the Kazakhs. The lack of military and political resources forced Russian administrators to use symbolic resources in their relations with the Kazakhs. One of these, along with the oath, was the confirmation of the Kazakh ruler by the khan, made on behalf

of the Russian ruling monarch. The first experience was the confirmation of the khan's dignity of Sultan Nuraly, the son of the elder khan of the Kazakhs, Abulhair, who died in 1748. Nuraly's statement became a precedent in relations with the Kazakhs. Russian authorities approved the Kazakh khan in July 1749; the first ceremony in the history of Kazakh-Russian relations took place near Orenburg. The Orenburg governor I. I. Neplyuev developed the rite of confirmation in detail. The ceremony included the arrival of Nuraly to the place of confirmation, the meeting of the khan, the announcement of his khan, the oath, the presentation of royal gifts, an official dinner with the participation of the approved khan, his entourage and Orenburg officials and military, and a number of other circumstances.

Keywords

Russian empire, Kazakhs, 18th century, khan, oath, confirmation

Acknowledgements

This research is funded by Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, grant no. AP08856071 "Kazakhstan and Russia: complex study of history of establishment and development of interrelations in new and modern time (18th – beginning of 21st century)".

For citation

Lapin N. S. Description of the Rite of Approval of the Kazakh Khan Nuraly in 1749. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 125–136. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-125-136

До первой трети XVIII столетия казахско-русские отношения не носили регулярный характер. Нередко контакты, в том числе посольские, прерывались на несколько лет или имели вялотекущий характер, обостряясь отдельными событиями на пограничье в разных точках соприкосновения на пространстве Южного Урала и Сибири. Непростое положение, в котором оказалось большинство казахских владений во втором десятилетии XVIII в., вызванное главным образом активизацией в Центрально-Азиатском регионе Джунгарского государства, привело в итоге к интенсификации казахско-русских контактов. В 1730-е гг. после серии присяг казахских правителей и признания над ними верховной власти российской монархии начинается новый этап двусторонних отношений, они приобретают регулярный характер.

В 1730–1740 гг. в среде русской приграничной администрации, в первую очередь оренбургской, в ведении которой и находились отношения с казахами, формируются идеи по дальнейшему развитию взаимодействия с казахскими правителями, учитывая их новый статус в отношениях с Российской империей.

Исходя из слабого, только формального подчинения казахов, не имея реальных рычагов воздействия и возможности оказывать непосредственное влияние на казахскую элиту, – положение, которое сохранялось практически до конца XVIII в., русскими администраторами были предприняты усилия по символической интеграции казахов. Это предполагалось реализовывать через разнообразные ритуалы и обряды, в первую очередь через присяги, которые в первые два десятилетия являлись практически единственным, наряду с институтом аманатства, и при этом весьма ненадежным инструментом удержания казахских династов в рамках новых отношений.

С приходом к руководству в Оренбурге И. И. Неплюева в начале 1740-х гг. начинается поиск новых подходов. И. И. Неплюевым выдвигается предложение о необходимости утверждения казахских ханов русским монархом, что должно было придать легитимность ханам, так как только после этого они должны были считаться «настоящими» ханами, и таким образом поставить в зависимость казахскую элиту от власти Российской империи: «зане будет то знаком прямого подданства» (КРО-1, 1961, с. 394).

В русской имперской практике уже был подобный опыт, в частности несколько ранее в соседнем Калмыцком ханстве стали утверждаться ханы [Кундакбаева, 2019, с. 193–200; Тепкеев, 2019]. С учетом этого опыта были предприняты усилия, чтобы опробовать данный механизм и в отношениях с казахами.

Учитывая отдаленность казахских владений от русских границ, а также непростые отношения, которые складывались у И. И. Неплюева со старшим казахским ханом Абулхайром, механизм утверждения казахского хана русским монархом удалось апробировать только после гибели Абулхайра в конце 1740-х гг. Обещая поддержку семье убитого в междоусобице

хана, И. И. Неплюев добивается от его старшего сына султана Нуралы обращения к имперским властям с просьбой об утверждении его ханского титула русской императрицей.

В феврале 1749 г. была подписана императорская грамота (МИПСК, 1960, с. 39), а через несколько месяцев, в июле того же года, впервые в истории казахско-русских отношений была проведена публичная церемония конфирмации казахского хана¹.

Это стало своего рода прецедентом, к нему в дальнейшем апеллировали имперские власти, пытаясь распространить данную практику на других казахских владетелей. Однако данная традиция складывалась довольно долго. Так, следующее подобное утверждение состоялось спустя несколько десятилетий, в 1780-е гг., после многолетних неудачных попыток провозгласить ханом султана Аблая (МИПСК, 1960, с. 40–41; КРО-2, 1964, с. 103–104).

Изучение различных аспектов казахско-русских отношений в Новое время имеет солидную традицию. В последние годы как казахстанские, так и российские исследователи обращают внимание на изучение механизмов включения, или инкорпорации, казахских земель в российское имперское пространство. Одним из предметов исследования в этих трудах является утверждение казахских ханов российскими властями, в том числе обращается внимание на утверждение ханом Нуралы в 1749 г. [Сухих, 2005, с. 8–10; Трепавлов, 2015, с. 12; 2017, с. 264–265; 2018, с. 187, 194–195, 199, 205; Вовк, Шебалин, 2016, с. 195–196; Васильева, 2019; Кундакбаева, 2019, с. 205–210, 212–213; Васильев, 2020, с. 222–232].

Не остается незамеченным по понятным причинам первая попытка русских властей утвердить в 1749 г. казахским ханом Нуралы. Именно утверждение Нуралы ханом связывается с началом нового этапа в имперской политике, а уровень взаимоотношений характеризуют как «эпоху фактического утверждения государственно-политического протектората Российской империи над Казахстаном» [Ерофеева, 2007, с. 409]. Конфирмация хана имела и другие последствия. Исследователи обращают внимание на то, что утверждение Нуралы повлияло на появление нового типа документов во взаимоотношениях России и казахских ханств – патента на ханство [Сухих, 2005, с. 10; Трепавлов, 2018, с. 187].

В. В. Трепавлов на основе сравнения российского имперского опыта в отношении разных зависимых народов пришел к выводу, что «церемония введения в должность правителя, зависимого от русского царя, составляла важную часть российской политики. Она была призвана совместить внушение подданным величия и мощи России с демонстрацией благосклонности верховной власти к новому вассальному назначенцу. С течением времени имперский антураж увеличивался, оказывая яркое эмоциональное воздействие на участников интронизации», и кроме того процедура «“воцарения” вассала способствовала психологическому примирению народа с властью русских» [Трепавлов, 2015, с. 8]. Яркой иллюстрацией этого тезиса является первый опыт утверждения русскими властями в 1749 г. Нуралы в качестве хана.

Всё это привлекает внимание к данному событию и источникам, которые позволяют исследовать его.

Источником для изучения связанных с этим событий являются материалы оренбургского губернатора И. И. Неплюева, направленные в Коллегию иностранных дел, частично опубликованные в сборнике документов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» в 1961 г. (КРО-1, 1961, с. 444–445, 450, 461, 475–481). При этом, когда исследователи изучают непосредственно обряд утверждения Нуралы ханом, состоявшийся 10 июля 1749 г., практически всегда используют документ, озаглавленный издателями как «Донесение оренбургского губернатора И. И. Неплюева Коллегии ин. дел о церемонии публичного избрания султана Нуралы ханом и состоявшихся при этом переговорах с казахскими феодалами», датированный 9 августа 1749 г. (КРО-1, 1961, с. 475–481). В документе содержатся некоторые факты, связанные с подготовкой к обряду конфирмации, и краткое описание самого обряда (КРО-1, 1961, с. 476). Именно это краткое описание является основным источником для современных

¹ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 8. Л. 1–8.

исследователей [Кундакбаева, 2019, с. 206–207; Васильев, 2020, с. 242]. Кроме того, изредка ссылаются на упоминание обряда, сделанное в книге непосредственного участника событий П. И. Рычкова [Ерофеева, 2007, с. 408].

В историографии единственным исключением является работа, в которой непосредственно ссылаются на публикуемый документ, – это работа Ж. К. Касымбаева который впервые и обнаружил в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) одну из копий «Выписки из журнала действительного тайного советника Неплюева, каким образом в 1749 году Меншей Киргис касацкой Орды Нуралы Хан подтвержден был в сем звании публичным обрядом» [Касымбаев, 1999, с. 149–152]. Им впервые при реконструкции биографии Нуралы хана был отмечен данный источник и сделаны на него ссылки при описании обряда утверждения Нуралы ханом. Возможно, вариант «Выписки», используемый Ж. К. Касымбаевым, был дефектным либо прочтен и интерпретирован с заметными ошибками. Так, ссылаясь на «Выписку», Ж. К. Касымбаев утверждает, что церемония конфирмации состоялась в феврале 1749 г., а в качестве места называет г. Омск, и кроме того имеется ряд других неточностей [Там же, с. 150–152].

В «Донесении» от 9 августа 1749 г. И. И. Неплюев очень кратко перечисляет отдельные моменты, которые сопровождали обряд утверждения Нуралы ханом: проведение процедуры в лагере на отведенном месте, речь самого оренбургского губернатора с объявлением об утверждении хана, принесение ханом присяги и вручение ему царских даров – шубы, шапки и сабли. Само описание обряда в «Донесении» приводится отдельным пунктом и занимает всего 15 строк (КРО-1, 1961, с. 476).

В отличие от этого описания публикуемая «Выписка» позволяет рассмотреть весь процесс, тщательно проработанный оренбургскими властями. Документ содержит уникальные данные об обстоятельствах, связанных с утверждением Нуралы ханом.

Как показывает публикуемый документ, русские власти тщательно подготовили конфирмацию, которая включала не только объявление нового хана и принесение им присяги, но и целый ряд других эпизодов, рассматривавшихся И. И. Неплюевым как важный элемент всего церемониала.

В «Выписке» подробно показаны прибытие Нуралы со своей свитой к месту конфирмации и его встреча, которая стала, по сути, началом всей церемонии. Перечислены присутствующие как с казахской, так и русской стороны. Дано последовательное описание чтения царского «патента» на двух языках и указывается, в отличие от «Донесения», на участие в обряде ахуна, который читал вслух текст присяги хана. Из документа видно, что хан не просто выслушал текст присяги, но и публично подтвердил, что «он содержание ее все внятно разумеет и исполнять все усердно желает»². Важным элементом обряда, как следует из документа, стало возложение царских даров на хана – шубу и саблю надели на хана русские чиновники, участвовавшие в обряде, а шапку вручил сам губернатор И. И. Неплюев³. Кстати, Ж. К. Касымбаев этот фрагмент интерпретировал так, что шуба и сабля были присланы от императрицы, а шапка – лично от И. И. Неплюева [Касымбаев, 1999, с. 151].

Важным элементом, который отсутствует в «Донесении», является указание на то, что в ходе обряда хан целовал не только имеющий особое значение для мусульман «куран», но и императорский «патент», которым Нуралы провозглашался казахским ханом, что стало новым элементом в церемониале.

Публикуемый документ показывает события, произошедшие после обряда: поздравления хана, пальба из пушек, торжественный обед, состоявшиеся беседы и целый ряд других интереснейших данных.

Эти и другие подробности, содержащиеся в «Выписке», делают необходимым ее публикацию, что позволит более предметно показать механизмы, привлекаемые русской имперской администрацией для удержания казахских владений в поле своего внимания. Документ

² АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 8. Л. 4.

³ Там же.

позволяет точнее представить, каким образом Российская империя пыталась впервые через проработанный ритуал получить дополнительный рычаг влияния на казахскую элиту.

Публикуемый документ представляет собой выписку, извлеченную из журнала оренбургского губернатора И. И. Неплюева, который содержал подробное описание обряда. Необходимо отметить, что в донесении от 9 августа И. И. Неплюев указал на существование обстоятельного описания церемонии утверждения нового хана, которое он ранее этого числа отправил в Коллегию иностранных дел (КРО-1, 1961, с. 476). Таким образом, автором описания обстоятельств утверждения Нуралы казахским ханом является оренбургский губернатор И. И. Неплюев, а сама публикуемая выписка была сделана из материалов его журнала уже в Коллегии иностранных дел.

На сегодняшний день можно утверждать о существовании двух «Выписок» – на одну ссылался Ж. К. Касымбаев, она хранится в АВПРИ в том же фонде, но в другом деле, и публикуемый вариант.

Документ не содержит даты создания самого описания обряда, но это время следует ограничить периодом с июля (не ранее 10–11-го числа, когда происходили описываемые события) до начала августа 1749 г. (не позднее 9-го числа, когда И. И. Неплюев в своем донесении уже упоминает о его существовании и отправлении в Коллегию). Время и обстоятельства создания собственно «Выписки» не ясны. Учитывая прецедентное значение конфирмации Нуралы в 1749 г., можно предположить, что данную выписку в Коллегии иностранных дел могли сделать в связи с новыми утверждениями казахских ханов, состоявшихся в 1780–1790-е гг.

Данная публикация является первым изданием «Выписки из журнала действительного тайного советника Неплюева, каким образом в 1749 году Меншей Киргис касацкой Орды Нуралы Хан подтвержден был в сем звании публичным обрядом», хранящейся в АВПРИ в фонде 122 «Киргиз-кайсацкие дела»⁴. В деле хранится только сама «Выписка» общим объемом восемь листов, на листах с первого по седьмой текст имеется и на обороте. Документ написан одним почерком, черными чернилами.

Публикация документа производится по упрощенным правилам издания исторических источников. Текст документа публикатором разбит на абзацы и предложения, расставлены знаки препинания.

**Выписка из журнала действительного тайного советника Неплюева,
каким образом в 1749 году Меншей Киргис касацкой Орды Нуралы Хан
подтвержден был в сем звании публичным обрядом**

(л. 1) Для принятия его хана послан был подполковник Кудрявцов с коляскою тайного советника, шестью лошадьми заложенную, пред которою были два верховых лакеев, с ним же, с подполковником, командировано было при той каляске 24 человека гранодер с одним прапорщиком да 24 человека казаков с одним сотником. И тако помянутой подполковник, прибыв к хану, объявил о себе, что он прислан поздравить его, хана, и просить в лагерь к тайному советнику, и препроводить с подобающею честью.

Хан оного подполковника спрашивал, какой он имеет чин, и, уведомясь о том, посадил его в своей полатке, а между тем приказал салтанам и старшинам убираться к езде и, немного посидев, вышел и сел в коляску обще с помянутым подполковником, а напротив их сидел переводчик Гуляев. Братья ж его и протчие солтаны и старшины все ехали верхами, что чинилось в начале 12го часу пополудни.

И понеже подлой киргиской народ, о котором было от хана сообщено, что оного // (л. 1 об.) более пяти сот человек, поехали за ним ханом весьма не стройно и, по их обычаю, не

⁴ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 8. Л. 1–8.

порядочно подле каляски, то хан приказал своим ясаулам многих отогнать. Почему те подлыя люди по большой части отстали и возвратились паки в свой лагерь, что, как видно, он, хан, нарочно учинил, дабы от них во время его приезде и трактования безобразия и непорядков не произошло.

К принятию ж его ханскому в лагерь учреждено было ниже следующее. А именно:

Под команду Троицкого полку полковника Фрауэндорфа в параде стояло регулярных пеших Троицкого и Казанского, и Шешминского полков драгун с штаб и обер офицеры и прочими чинами 1050

Да нерегулярных конных с оренбургским атаманом Могутовым казаков 400

Да калмык крещеных и башкирцов по 100

А всех чинов не регулярных 611

При артиллерии 13

Всего Регулярных и нерегулярных 1674 человека.

И с того числа при ставке тайного советника Неплюева Пензенского полку гранодерская рота для караула и носки кушанья.

// (л. 2) Да на пекете от степи того ж полку салдат 40 человек.

Все без знамен.

Когда хан приблизился к фрунту, тогда штаб и обер офицеры и бывшие в параде редовые Регулярные и нерегулярные отдали честь, и в барабаны бит поход, а когда он проехал фрунт и был между фрунта и Тайного Советника ставки, тогда выпалено из пяти пушек. И в проезд его мимо караулу, стоявшего при ставке, от одного отдана так же честь с барабанным боем.

И как он, хан, подъехал к кибитке тайного советника, нарочно для того убранный, то у коляски принял его полковник Палчиков, потом здоровался он с братом своим Айчувак солтаном, а близ кибитки тайного советника поздравил его генерал майор фон Штокман, за которым пред кибиткой принял и поздравил его сам тайный советник, по их киргискому обыкновению, обнявса руками и взяв за руку, по кратком пиветствии ввел в кибитку свою, где он хану еще особливо краткую речь сказал, которой содержание в том состояло, что он Тайный Советник // (л. 2 об.) по премногу радуется, видя его, хана, толь благополучное сюда прибытие. И хотя никогда не имел случая персонально с ним видется, но его верность и добрыя поступки по смерти отца его Абулхаир хана побудили его, тайного советника, столь горячо в его честь и достоинство вступить и возыметь старание, дабы в его персоне ханство отца его возстановить. И о том по народному их избранию Ея Императорскому Величеству всеподданнейше представлять и всемилостивейшей конфирмации всенижайше просить, которая, как то он уже известен, и воспоследовала. И он, тайный советник, имеет Ея Императорского Величества высочайшее повеление на то ханство Всемилоостивейший патент ему вручить, також и знаки Ея Императорского Величества высочайшей милости публично на него, хана, возложить, с чем его, хана, яко своего дознанного друга и приятеля поздравляет.

Хан на то ответствовал, по их обыкновению, примером из закона их, что в душах человеческих еще прежде, нежели они на сей свет происходят, от самого Бога назнаменовано бывает, когда и с кем союз дружелюбия иметь, и тако они на сем свете и в теле будучи то, что от Бога уже назнаменовано, действием исполняют, уподобляя, что и дружба, между ими имеющаяся, // (л. 3) такое ж основание имеют, за которую яко ж и за все его, тайного советника, о нем старательства он, хан, по премногу благодарствует и высочайшую Ея Императорского Величества милость по крайней своей возможности заслуживать долженствует.

Потом сели за стол в кресла, хан по правую сторону, а подле его братья и прочия солтаны, а с другую сторону тайный советник и подле его генерал майор фон Штокман, подле же оно-го Айчувак солтан и бывшей у двора Ея Императорского Величества Джанбек солтан, а несколько и старшин в той же кибитке сели на разосланных коврах, по их обыкновению.

Потом тайный советник ему, хану, предложил, о учинения исполнения по силе высочайшего Ея Императорского Величества повеления, а между тем от кибитки в сажнях в 10 ти, к реке Яику, послан был казенной в золотом персидский ковер, вокруг которого с ясаулом

ханским были киргисские старшины, всего человек более 100, а притом и народ всякого звания по отдале смотрели.

Как тайный советник с ханом с солтанами и с бывшими в кибитке старшинами, також и генерал майор фон Штокман с штаб и обер офицерами // (л. 3 об.) пришли на то место, где ковер разослан, то тайный советник к имеющимся притом солтанам и старшинам чрез переводчика кратко объявил, что Ея Императорское Величество из высочайшего своего к ним милосердия по их избранию и по всеподданейшему прошению Нуралы солтана киргис касацким ханом всемилостивейше конфирмовать изволила и на то ханское достоинство соизволила пожаловать ему патент и особливые знаки высочайшей своей милости, и чтоб они тот ханской патент все внятно слушали и тако.

Оной патент подлинной парчею обложенной из ученного на то особливо и красным сукном обитого ящика вынут и читан сперва по руски чрез ассессора Рычкова, а после того приложенной к оному перевод на татарском языке читал переводчик Гуляев, что выслушав, как хан солтаны, так и все старшины за высочайшую Ея Императорского Величества к ним оказанную милость благодарили.

После сего хану предложено было о учинении присяги, на что он отвечал, что он то от всего своего сердца исполнить должен и желает. И тако стал он на колени, а ахун для того с кураном приготовленной вслух всего народу чел ему присягу, // (л. 4) по окончании которой хан целовал куран и еще подтвердил, что он содержание ея все внятно разумеет и исполнять все усердно желает, и, взяв ея в руки, вынул имеющуюся у него печать, и своими руками ту свою печать к ней приложил.

После чего чрез ассессора Рычкова и двух губернских секретарей Иванова да Коптяжева надета на него, хана, присланная шуба и сабля, а шапка от самого тайного советника ему, хану, вручена, которую он, хан, тот час надел себе на голову, и потом от тайного советника самого вручен ему, хану, реченый патент, которой он, приняв, поцеловал и на голову поднял, на конец объявлен и читан солтанам, беем и старшинам, и всему народу перевод с грамоты присланной к ним с бывшим у двора Ея Императорского Величества Джанбек солтаном о произведении помянутого хана, что також и краткую тайного советника речь, на то сказанную, выслушав, они за высочайшую Ея Императорского Величества милость благодарили и по крайней своей возможности исполнять обещали.

За тем хану от тайного советника и генерал майора и от бывших при том штаб и обер офицеров учинено поздравление, и играла музыка с литаврами, при том же выпалено из 7 пушек и учинен беглым огнем залп один раз.

// (л. 4 об.) Потом паки пошли в кибитку тайного советника, где между тем приготовлены были для тракования 8 столов в четырех больших палатках. Из которых за первым обедали хан с солтанами и лучшими старшинами да тайный советник с генерал майором да двумя полковниками, а за другим прочия штаб офицеры и старшины, и в других полатках старшины с обер офицерами, которых их потчивали, и тракованы были все со всяким удовольствием.

При столе питы были с пушечною пальбою следующие здоровьи, а именно:

1е Ея Императорского Величества, и выпалено из 15ти пушек.

2е Их Императорских высочеств, и выпалено из 9ти пушек.

3е Верных подданных Ея Императорского Величества всякого народа и звания, и выпалено из 5ти пушек.

4е Хана со всею его фамилиею и со всем подчиненным ему касацким народом и благополучного его правления, и выпалено из 5ти пушек потом.

5е Как и генерал майор, пили за здоровье тайного советника и просили, чтоб учинена была пальба, почему и выпалено из 5ти пушек.

// (л. 5) 6е Генерал майора Фонштокмана со всеми штаб и обер офицерами и со всею воинскою командою, и выпалено из 5ти пушек.

7е За благословение Божие городу Оренбургу, яко по высочайшему Ея Императорского Величества Указу для пользы и защищения киргис кайсацкого народа построенному, и живущих в нем, и выпалено из 5 ж.

А подлые их люди и кощей, при лошedah бывшия, трактованы особо в лагире как пищею, так и питьем с удовольствием, причем и из купечества яко то татары, хивинцы, бухарцы, ташкенцы, и кашкарцы и протчия довольствовались. Ибо того и запрещать было не сходно, яко собрались для смотра.

И понеже подлой народ с ним, ханом, как выше означено, не приехал, а для одного мяса и питья приготовлено было довольно, того ради по согласию с ханом оное заготовленное послано к ним в ханской лагерь, где чрез бывшего при том обер офицера и толмачей трактованы, и многия из них были весьма пьяны.

По выходе из за стола хан благодарил тайного советника за содержание Айчювак // (л. 5 об.) солтана и за то, что, как он, хан, слышел, назвал его себе сыном, и радуется сему весьма, что он его видит не только в таком, но и в лучшем еще здоровье против того, как он, Айчювак солтан, в орде был, и просил дабы оставляемой на место его, Адиль солтан, равномерно ж содержан был.

Потом подаван был кофе, которым хан солтаны и знатные старшины были трактованы, а между тем тайный советник в генеральных терминах старшинам еще говорил, каким образом надлежит им выбранного ими и от Ея Императорского Величества всемилостивейше подтвержденного и сей день формально объявленного хана почитать и ему надлежащее послушание отдавать и прочее, за что они его, тайного советника, паки благодарили и исполнять обещали.

После того за двором была эскерция Пензенского полку гранодерской роты с пальбою из ружей и метанием шлагов, которой якоже и исправности и скорости во всех эскерциях и в пальбе весьма он, хан, и солтаны, и старшины дивились и войски Ея Императорского Величества выхваляли, а потом в вечеру подле реки // (л. 6) Яика сожено в их же удовольствие несколько верховых и водяных также и земляных ракет, а затем уже в 11м часу пополудни он, хан, с солтаны и старшины поехали в свой лагерь, в той же коляске, в которой привезен был в лагерь, и за препровождением выше помянутого же подполковника Кудрявцова и с таким конвоем, как выше сего означено, а пальбы притом ни какой чинено уже не было. Тайный же советник с протчими, також и Айчювак солтан, возвратились в город.

Помянутый подполковник из ханского лагеря возвратился в первом часу по полуночи и доносил, что хан за все показанные к нему от Ея Императорского Величества высочайшие милости и за благодеянии тайного советника приказал его благодарить, а о киргисцах, бывших в его ханском лагире, объявлял, что многия из них были весьма пьяны, так что и нагие ходили, однако без всякого замешания и посланным к ним пищею и питьем оказывали себя довольными.

При отправлении в ханской лагерь для оставшагося тамо от хана народу на пищу заготовленного мяса оному ж народу послано питья.

// (л. 6 об.) Збитня 10 ведр.

Вина горячего простого 3 [ведра].

Меду 6 [ведер].

Да после того в вечеру как для хана, солтанов и старшин, так и для всех на 11е число послано же.

Бык 1.

Баранов 8.

К отпущенным накануне в ханской лагерь.

Послано для него хана баранов 2.

Вотки гданской штоф 1.

Да для вновь прибывших киргисцов баранов 3.

Пред полуднем хан к тайному советнику присылал от себя с благодарением за высочайшую Ея Императорского Величества милость, накануне к нему оказанную, також и за все тайного советника благодеяния, желая после полудни для разговору с ним, тайным советником, о их народных и прочих делах приехать в город с братьями своими. Чего ради послана была к нему коляска // (л. 7) его, тайного советника, цугом в провожании порутчика Максютова, их язык знающего, и канвою 12ю гранодер с ундер афицером да 12ю человек казаков с их ундер офицером же, в которой он после полудни часу в седмом в город приехал, и сперва заезжал в квартиру обретавшагося в городе брата своего Айчювак солтана и был у него с час, а в начале уже девятого часу по полудни с братьями своими, в том числе и с оным Айчюваком, також и с бывшим у двора Ея Императорского Величества зятем своим Джанбек солтаном к тайному советнику приезжал.

При въезде его, хана, на двор отдана была ему от стоящего тут караула ружьем с барабанным боем и с музыкою, яко же и у градских ворот ружьем с барабанным же боем, честь, а пальбы и никакого параду для того его в город приезде не было. При выходе ж из коляски встретил его полковник Палчиков, а как взошли на крыльцо и приблизились к сеням, то его, хана, тайной советник повстречал, ввел в зал, в котором несколько людей нарочно было собрано, и хан посажен был по правую сторону в кресла, а подле его Эрали, Ходжа-Ахмет, Айчювак, Адиль // (л. 7 об.) да Джанбек и Чингиз солтаны на стулья. Ис киргисцов же кроме их служителя Байбека с ними никого не было. Причем тайный советник его, хана, за вчерашнюю компанию, а он, хан, его тайного советника за угощение благодарили и спрашивали друг друга о здоровье. Притом же от тайного советника разговор был, что здесь место новое и от старинных российских жил не блиское, и за тем хотя что и мог, но лутче сделать, но ко всему времени и удобства еще нет, чего ради здешней город таков есть, как он, хан, видит. На что хан сказал, яко сей построенной по благословению Божию и по соизволению Ея Императорского Величества город так хорош ему показался, что он такого еще и не видел. Между тем же хан смотрел на поставленные в зале картины, причем ему Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества благоверного государя великаго князя Петра Феодоровича патреты указаны были, из которых он как Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества государя великаго князя в золотых рамах стоящие персоны особливо примечал, а Эрали солтан сказал к тому, // (л. 8) что хотя кто и у двора Ея Императорского Величества быть не случился, однако не может того сказать, чтоб он Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества высочайших персон не видал, ибо то что они ныне видят есть точное изображение их высочайших лиц. Потом все бывшие тут высла- ны, а оставлены при нем, тайном советнике, только присутствующей в оренбургской канцелярии ассессор Рычков, секретной экспедиции секретарь Коптяжев да употребляющийся в переводы Сергиевского полку порутчик Максютов и переводчик Гуляев. А потом Байбеком и Чингиз, так же и Джанбек солтаны по приказу ханскому выведены в другую камору, а Адиль солтан еще прежде сам уехал, и тако при нем, хане, остались только три брата его, а именно Эрали, Козь-Ахмет и Айчювак солтаны да Байбек стоял. И начался разговор о делах, о которых в особливом протоколе значит, и продолжался до 1го часу по полуночи, а по окончании разговоров он, хан, в лагерь его в коляске препровожден таким же образом, как и привезен.

АВПРИ. Ф. 122. Он. 1. 1749 г. Д. 8. Л. 1–8.

Список литературы

- Васильев Д. В.** Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Васильева Н. Е.** Известия губернатора Оренбургской губернии Г. С. Волконского об инаугурации казахского хана Младшего Жуза Жанторе. Новые материалы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 1 (75). DOI 10.18254/S0002551-5-1
- Вовк И. В., Шебалин И. А.** «Присяга» и «Подданство» в политической практике казахской элиты в 30–40-е гг. XVIII в. // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2016. № 1 (105). С. 193–197.
- Ерофеева И. В.** Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- Касымбаев Ж. К.** Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
- Кундакбаева Ж. Б.** Организация имперского пространства в кочевой среде: казахи и волжские калмыки в орбите внимания России в XVIII веке. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 384 с.
- Сухих О. Е.** Как «чужие» становятся «своими», или лексика включения Казахской степи в имперское пространство России // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 5–29.
- Тепкеев В. Т.** «Всемилоостивейше жалуюм тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г. // Oriental Studies. 2019. Т. 12, № 4 (44). С. 627–633.
- Трепавлов В. В.** «Древнее обыкновение» и царская инвеститура. Восшествие на трон вассальных правителей в России XVII – начала XX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 4. С. 5–16.
- Трепавлов В. В.** Казахская правящая элита в Российской империи. Церемониальное отображение подданства // Страны и народы Востока. М., 2017. Вып. 37: Государство на Востоке. С. 263–297.
- Трепавлов В. В.** Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.

Список источников

- КРО-1 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 743 с.
- КРО-2 – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.
- МИПСК – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской соц. революции). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. Т. 1. 441 с.

References

- Erofeeva I. V.** Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: Commander, Ruler, Politician]. Almaty, Daik-Press, 2007, 456 p. (in Russ.)
- Kasymbaev Zh. K.** Gosudarstvennye deyateli kazkahskikh khanstv (XVIII v.) [Statesmen of the Kazakh Khanates (18th Century)]. Almaty, Bilim Publ., 1999, 288 p. (in Russ.)
- Kundakbaeva Zh. B.** Organizatsiya imperskogo prostranstva v kochevoi srede: kazakhi i volzhskie kalmyki v orbite vnimaniya Rossii v XVIII veke [Building the Imperial Space inside

- a Nomadic Environment: Kazakhs and Volga Kalmyks in the Orbit of Russia's Attention in the 18th Century]. Almaty, Kazak universiteti, 2019, 384 p. (in Russ.)
- Sukhikh O. E.** Kak "chuzhie" stanoviyatsya "svoimi", ili leksika vklyucheniya Kazakhskoi stepi v imperskoe prostranstvo Rossii [How "Strangers" Become "Friends", or the Vocabulary of Incorporation of the Kazakh Steppe into the Imperial Space of Russia]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 2005, no. 3, pp. 5–29. (in Russ.)
- Tepkeev V. T.** "Vsemilostiveishe zhaluem tebya, poddannogo Nashego, i uchrezhdaem Khanom Kalmytskim". Tseremoniya ob'yavleniya Donduk-Ombo v khanskoe dostoinstvo v 1737 g. ["We Most Graciously Favor You, Our Subject, and Establish the Khan of Kalmyk". The Ceremony of Declaring Donduk-Ombo to the Khan's Dignity in 1737]. *Oriental Studies*, 2019, vol. 12, no. 4 (44), pp. 627–633. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** "Drevnee obyknovenie" i tsarskaya investitura. Vosshestvie na tron vassal'nykh pravitelei v Rossii XVII – nachala XX v. ["Ancient Custom" and Royal Investiture. Accession to the Throne of Vassal Rulers in Russia in the 17th – Early 20th Century]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [East. Afro-Asian Societies: Past and Present], 2015, no. 4, pp. 5–16. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** Kazahskaya pravyashchaya elita v Rossiiskoi imperii. Tseremonial'noe otobrazhenie poddanstva [Kazakh Ruling Elite in the Russian Empire. Ceremonial Display of Subjectship]. In: Strany i narody Vostoka [Countries and Peoples of the East]. Moscow, 2017, iss. 37: Gosudarstvo na Vostoke [State in the East], pp. 263–297. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI–XIX vv. [Symbols and Rituals in the Ethnic Policy of Russia in the 16th – 19th Centuries]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2018, 320 p. (in Russ.)
- Vasilyev D. V.** Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii: XVIII – pervaya polovina XIX v. [The Birth of an Empire. Southeast of Russia: 18th – 1st Half of 19th Century]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2020, 608 p. (in Russ.)
- Vasilyeva N. E.** Izvestiya gubernatora Orenburgskoi gubernii G. S. Volkonskogo ob inauguratsii kazakhskogo khana Mladshogo Zhuzha Zhintore. Novye materialy [Information on the Inauguration Ceremony of the Kazakh Junior Zhuz' Khan Zhintore by Governor of Orenburg Province Prince Grigory Volkonsky on the Inauguration of the Kazakh Khan of the Younger Zhuz Zhintor. Some New Data]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal "Istoriya"* [The Online Journal of Education and Science "Istoriya"], 2019, vol. 10, iss. 1 (75). (in Russ.) DOI 10.18254/S0002551-5-1
- Vovk I. V., Shebalin I. A.** "Prisyaga" i "Poddanstvo" v politicheskoi praktike kazakhskoi elity v 30–40-e gg. XVIII v. ["Oath" and "Subjectship" in the Political Practice of the Kazakh Elite in the 1730s – 1740s]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, no. 1 (105), pp. 193–197. (in Russ.)

List of Sources

- Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian Relations in the 16th – 18th Centuries (Collection of Documents and Materials)]. Alma-Ata, AS KazSSR Publ., 1961, 743 p. (in Russ.)
- Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gody): sbornik dokumentov i materialov [Kazakh-Russian Relations in the 18th – 19th Centuries (1771–1867): Collection of Documents and Materials]. Alma-Ata, Nauka, 1964, 575 p. (in Russ.)
- Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii) [Materials on the History of the Political System of Kazakhstan (from the Time of the Accession of Kazakhstan to Russia until

the Great October Socialist Revolution)]. Alma-Ata, AS KazSSR Publ., 1960, vol. 1, 441 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Николай Сергеевич Лапин, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57110148000
WoS Researcher ID AAW-4281-2021

Information about Author

Nikolay S. Lapin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57110148000
WoS Researcher ID AAW-4281-2021

*Статья поступила в редакцию 12.04.2021;
одобрена после рецензирования 31.08.2021; принята к публикации 14.09.2021
The article was submitted 12.04.2021;
approved after reviewing 31.08.2021; accepted for publication 14.09.2021*

Научная статья

УДК 281.93«1944»

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-137-144

Патриарх Сергей (Страгородский) о сложностях восстановления общения с Грузинской церковью в свете преодоления обновленческого раскола (1944 год)

Александр Владимирович Мазырин

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Москва, Россия

am@pstbi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745>

Аннотация

Публикация вводит в научный оборот одно из последних личных писем патриарха Московского и всея Руси Сергея (Страгородского), в котором он делился с близким ему епископом Димитрием (Градусовым) своими переживаниями по поводу взаимоотношений с главой Грузинской православной церкви католикосом-патриархом Каллистратом (Цинцадзе). Проблему породило бывшее общение Грузинского католикосата с российскими церковными обновленцами, которых Московская патриархия воспринимала как отпавших от православной церкви раскольников. Привлечь внимание к этому обстоятельству грузинская сторона на рубеже 1943–1944 гг. по соображениям национального престижа не желала, но для патриарха Сергея было делом принципа документально зафиксировать разрыв католикосата с обновленцами и официально опубликовать соответствующий документ.

Ключевые слова

Русская православная церковь, Грузинская православная церковь, межцерковные отношения, обновленческий раскол, патриарх Сергей (Страгородский), католикос-патриарх Каллистрат (Цинцадзе)

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта «Развитие взаимоотношений Русской православной церкви с другими поместными церквями в 1917–1945 гг. в свете изменений политической обстановки и особенностей эклизиологических воззрений ведущих церковных деятелей того времени» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Фонда «Живая традиция»

Для цитирования

Мазырин А. В. Патриарх Сергей (Страгородский) о сложностях восстановления общения с Грузинской церковью в свете преодоления обновленческого раскола (1944 год) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 137–144. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-137-144

Patriarch Sergius (Stragorodsky) on the Difficulties of Restoring Communion with the Georgian Church in the Light of Overcoming the Renovationist Schism (1944)

Alexander V. Mazyrin

St. Tikhon's Orthodox University
Moscow, Russian Federation
am@pstbi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745>

Abstract

Written in early 1944, a letter of confidence from Patriarch Sergius (Stragorodsky) to bishop Dimitri (Gradusov) reveals the nature of the friction between the head of the Moscow Patriarchate and the Georgian Catholicos-Patriarch Kallistratus (Tsintsadze). The solemn announcement at the end of 1943 of the overcoming of the division between the Russian and Georgian Orthodox Churches, which had lasted since 1917, did not put an end to the mutual perplexities. The difficulty arose due to the fact that in 1927–1943 the Georgian Catholicosate was officially in ecclesiastical communion with the Russian schismatics, also known as Renovationists. But in the changed circumstances, the head of the Georgian Church preferred to keep in secret this historical fact, so as not to raise doubts about the Orthodoxy of the Georgians. The embarrassment of Catholicos Kallistratus led to the fact that the documents on the restoration of canonical communion between the Russian and Georgian Churches, which had already been prepared for publication in the Journal of the Moscow Patriarchate in December 1943, were removed from the almost finished issue and replaced with other materials. However, for Patriarch Sergius, the canonical aspect of the problem was crucial. The break of the Georgian Catholicosate with the Russian schismatic Renovationists was required to be documented and made public. Otherwise, according to Patriarch Sergius, the Russian Church itself could be schismatic. As a result, the head of the Moscow Patriarchate was able to convincingly argue his position and achieve the official publication of the necessary documents in the Journal of the Moscow Patriarchate in March 1944. Such persistence of Patriarch Sergius did not harm the further positive development of relations between the Russian and Georgian Churches.

Keywords

Russian Orthodox Church, Georgian Orthodox Church, inter-church relations, Renovationist schism, Patriarch Sergius (Stragorodsky), Catholicos-Patriarch Kallistratus (Tsintsadze)

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the project “Development of Relations between the Russian Orthodox Church and other Local Churches in 1917–1945 in the light of changes in the political situation and the peculiarities of ecclesiological views of church leaders of that time” and financially supported by the St. Tikhon's Orthodox University and the Living Tradition Foundation

For citation

Mazyrin A. V. Patriarch Sergius (Stragorodsky) on the Difficulties of Restoring Communion with the Georgian Church in the Light of Overcoming the Renovationist Schism (1944). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 137–144. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-137-144

История взаимоотношений Русской и Грузинской православных церквей в первой половине XX в. складывалась весьма непросто. В марте 1917 г. грузины в одностороннем порядке восстановили свою церковную автокефалию, ранее упраздненную царской властью, и стали требовать подчинения воссоздаваемому Грузинскому католикосату всех православных приходов на территории Грузии, включая русские. Руководство Православной российской церкви предлагало рассмотреть спорные вопросы на открывшемся в августе того же года в Москве Всероссийском соборе, но грузины отказались это делать, после чего каноническое общение двух поместных церквей фактически прекратилось. В 1920-е гг. положение дел дополнительно осложнилось в связи с возникновением поддержанного советской властью обновленческого раскола в Русской церкви. В 1927 г. противостоящая Московской патриархии обновленческая структура, именующая себя Священным синодом Православной российской церкви, и Грузинский католикосат взаимно признали друг друга. При этом русские обновленческие приходы на территории Грузии на правах автономии подчинились католикосату. Ситуация изменилась во время Великой Отечественной войны, когда советское руководство

во главе с И. В. Сталиным решило сделать ставку в церковной сфере на Московскую патриархию, а обновленческий раскол стал стремительно сходить на нет. Знаковым событием в сентябре 1943 г. стало избрание на вакантный в течение 18 лет Московский патриарший престол митрополита Сергия (Страгородского), с чем его не преминул поздравить Грузинский католикос Каллистрат (Цинцадзе). Вскоре после этого полноценное общение между двумя церквями было торжественно восстановлено, а о былых трудностях на официальном уровне старались не вспоминать.

Всем этим перипетиям ни в отечественной, ни в иностранной (включая грузинскую) историографии до сих пор не посвящено ни одного комплексного научного исследования, хотя, например, об обновленческом расколе написано уже несколько монографий (см. [Шишкин, 1970; Левитин, Шавров, 1978; Шкаровский, 1999; Лобанов, 2019] и др.). Проблемы взаимоотношений Русской и Грузинской православных церквей в первой половине XX в. рассматривались либо в обзорных церковно-исторических трудах [Скурат, 1994, т. 1, с. 51–63], либо в немногочисленных тематических и профильно-энциклопедических статьях [Вардосанидзе С., Н. Т.-М., 2006; Мельникова, 2011; Мазырин, 2017]. Явным образом ощущается и недостаток публикаций документов по данной проблематике. Наиболее объемным сборником здесь, как это ни удивительно, остается выпущенная Московской патриархией еще во время войны брошюра объемом в 16 страниц (Возрождение..., 1944). Особого упоминания заслуживает восторженное письмо патриарха Сергия Сталину ноября 1943 г. про «наставшее единение доселе разделенных церквей» (Русская Православная Церковь..., 2009, с. 80–81). Кроме того, М. И. Одинцовым опубликованы документы Совета по делам РПЦ при СНК СССР 1943–1944 гг., содержащие намеки на то, что процесс примирения Русской и Грузинской церквей проходил не без сложностей [Одинцов, 1999, с. 297–308]. Однако понять причину неожиданных для Московской патриархии новых осложнений во взаимоотношениях с Грузинским католикосатом из этих документов нельзя, сам патриарх Сергей выражал тогда крайнее недоумение на этот счет.

В полной мере ответ на вопрос, чем же грузинская сторона на рубеже 1943–1944 гг. оказалась недовольна Московской патриархией, дает публикуемое ниже письмо патриарха Сергия. Оно имело доверительный характер и было написано довольно эмоционально. Адресатом письма являлся епископ Димитрий (Градусов), управлявший в то время Орловской епархией и входивший в комиссию Московской патриархии по чиноприему обновленческих архиереев. По-своему он был довольно примечательной фигурой. Еще будучи мирянином, имевшим высшее юридическое образование, 36-летний Владимир Валерианович Градусов в 1917 г. был избран членом Всероссийского поместного собора от Вологодской епархии. Своей активностью на соборе он обратил на себя внимание патриарха Тихона (Беллавина), который предложил ему принять священный сан, что В. В. Градусов и сделал в 1919 г. Дальнейшее его служение в основном проходило в родном ему Ярославле. В 1942 г. он как высокообразованный овдовевший протоиерей получил предложение от митрополита Сергия (Страгородского), в то время патриаршего местоблюстителя, принять монашество и епископство. Хиротония новопостриженного Димитрия (Градусова) во епископа Можайского, викария Московской епархии, состоялась в январе 1943 г. Впоследствии он сменил еще ряд кафедр и окончил жизнь в 1956 г., будучи архиепископом Ярославским и Ростовским [Питерский и др., 2007].

Как видно из письма патриарха Сергия епископу Димитрию, главной претензией католикоса Каллистрата к Московской патриархии было то, что последняя в своих официальных документах, предназначенных к публикации, не обошла стороной тему грузино-обновленческих связей, имевших место в прежние годы. Делегированному патриархом Сергием в октябре 1943 г. в Тбилиси архиепископу Ставропольскому Антонию (Романовскому) было поручено поставить католикосу Каллистрату на вид, что «препятствием... к восстановлению молитвенного и канонического общения для Русской Церкви может явиться молитвенное общение Грузинской Церкви с отделившимися от... Русской Церкви разными церковными

группами антиканонического характера». Под последними, собственно, и подразумевались обновленцы. Исполняя поручение патриарха Сергия, архиепископ Антоний предложил тогда католикосу Каллистрату «ответить исчерпывающе и по возможности в письменной форме на следующий вопрос: в каком отношении Грузинская церковь находится к вышеупомянутым группам?» Ответить письменно католикос Каллистрат, насколько можно понять, не стал, а устно заверил архиепископа Антония: «Чем мы были в прошлом, тем же остаемся и в настоящем: находящиеся в Грузинском Католикоате церковные приходы, без различия национальностей, живут под сенью православия в мире и согласии, подчиняются мне и не имеют никаких антиканонических уклонов, могущих помешать возобновлению молитвенно-канонического общения Русской и Грузинской Церквей» (Возобновление..., 1944, с. 9–10).

Архиепископу Антонию, а затем и Священному синоду при патриархе Сергии пришлось удовлетвориться таким разъяснением грузинского первоиерарха. Расспросы о взаимоотношениях с обновленцами католикосу Каллистрату были малоприятны, а когда он узнал, что о них будет сообщено в официальной публикации Московской патриархии, то, как следует из публикуемого документа, постарался этого не допустить, и отчасти ему это удалось. Уже сверстанные страницы с материалами по грузинскому вопросу из последнего за 1943 г. номера «Журнала Московской Патриархии» пришлось изъять, чем патриарх Сергей был весьма огорчен. Однако в итоге он смог тактично, но твердо настоять на их публикации, и они вышли упомянутой отдельной брошюрой (Возобновление..., 1944), а также и в журнале, хотя и с трехмесячной задержкой (ЖМП, 1944, № 3, с. 6–20).

Стоит заметить, что инцидент с публикацией документов о возобновлении общения Русской и Грузинской церквей был достаточно быстро исчерпан и на их последующих взаимоотношениях не отразился. Католикос-патриарх Каллистрат исправно принимал участие во всех значимых церковных мероприятиях, проводимых под эгидой Московской патриархии и санкционируемых советской властью, таких как Поместный собор Русской православной церкви 1945 г., празднование 500-летия ее автокефалии в 1948 г. и т. д. [Вардосанидзе С., Н. Т.-М., 2012, с. 560–563].

Публикуемое письмо интересно также тем, что оно является одним из последних неофициальных документов патриарха Сергия и достаточно ярко иллюстрирует настроение этого выдающегося церковного деятеля незадолго до его кончины, случившейся 15 мая 1944 г.

Документ публикуется по фотокопии подлинника из архива издательства Московской патриархии (номера фонда, описи, дела отсутствуют) с сохранением всех стилистических особенностей источника, включая использование автором (патриархом Сергием) прописных и строчных букв. Воспроизведены авторские подчеркивания отдельных фраз. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Каких-либо орфографических или пунктуационных ошибок документ не содержит, поэтому исправления их не потребовалось.

Письмо патриарха Сергия (Страгородского) епископу Димитрию (Градусову)

29 янв[аря] 1944 г.

Преосвященнейший и дорогой владыко!

Только теперь собрался написать Вам, когда уже о Празднике¹ и говорить поздно, не только поздравлять. Не могу оправдываться и делами, потому что и дел по-настоящему я не делал. Даже церковные службы справлял нерегулярно. Напр[имер], на Богоявление – на свой главный соборный праздник² мог отслужить только литургию-вечерню в сочельник³, а на первый и второй день забастовал. Значит, не одним Вам жаловаться на неудовлетворенность работой. Все мы мазаны одним миром.

Меня очень огорчает неувязка с Грузией. Обрадовавшись возобновлению с ними сношений, мы совсем забыли о восточной дипломатии и, конечно, сели в лужу. Условием молитвенного общения мы поставили прекращение молитвенного общения с обновленцами (иначе рисковали сами попасть в раскольники). При переговорах личных нашего представителя А[рхиепископа] Антония с Католикосом последний как будто охотно пошел на такое условие. Но когда пришли к нему наши бумаги (копии Определения Синода, Послание и пр.), да еще с оговоркой, что все это предназначается к помещению в № 4 нашего журнала⁴, Католикос перепугался. Грузины, даже неверующие, очень ревниво относятся к тому, чтобы их считали непоколебимо верными православию во всей их истории. Раз признаете нас православными, так излишне писать о каких-то условиях. Из-за этого задержан наш № 4. Пришлось выбросить все, касающееся Грузии, и заменить другим материалом. Глупость главная в том, что в Тбилиси с самого появления обновленчества устроено было обновленческое Управление русскими церквами в Грузии⁵. Там сидели обновленцы и притом весьма ярые (особенно на первых порах). Католикосы относились к этому управлению как к законному, были постоянно в общении с ними, служили с ними⁶, давали протоиереям-председателям необыкновенные отличия, напр[имер], панагии, даже осенение дикириями и под.⁷ Все это совершалось официально и на глазах у всех. Русское население видело все и сторонилось от грузинской службы. И вдруг теперь Католикос законфузился признать всем очевидное.

В ответ на это конфуженье я напомнил об Управлении и о наградах и пр. Замалчивать такие факты – значит рисковать церковным скандалом. Нам приходится остерегаться не укола национальному самолюбию, а полного крушения нашего канонического авторитета... Все-таки, сен-жульены⁸ эти восточные человеки! Наше послание о том, что русское население Грузии теперь, по примирении церквей, может безбоязненно посещать грузинские храмы, обращаться с требами к грузинам-священникам и пр.⁹, не преминули тотчас же распространить, а тут вдруг напала на грузин такая конфузливость. Впрочем, сами мы виноваты, сунулись в воду, не спросив броду. Посочувствуйте хоть Вы нашей неудаче...

Прошу Ваших молитв, а Вас да хранит Господь от недугов и всяких злоключений

Преданный Вам о Христе П[атриарх] Сергей.

Архив издательства Московской патриархии. Фотокопия подлинника. Машинопись. Подпись патриарха Сергея – автограф. Штамп на первой странице: «МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ. ЕПИСКОП ДИМИТРИЙ (Градусов)». Надпись епископа Димитрия: «Спаси и поддержи тебя, Господи, мой дорогой Святейший Отец! 8 февр[аля] [19]44 г.».

Примечания

¹ По всей видимости, письмо патриарха Сергея было ответом на поздравление его епископом Димитрием с праздником Рождества Христова.

² Богоявление (Крещение Господне) – престольный праздник московского патриаршего Богоявленского Елоховского собора, отмечаемый 19 января по новому стилю.

³ Крещенский сочельник – день накануне праздника Богоявления.

⁴ Имеется в виду № 4 «Журнала Московской Патриархии» за декабрь 1943 г. (выпуск журнала был после восьмилетнего перерыва возобновлен в сентябре 1943 г.).

⁵ В ноябре 1922 г. был организован «Союз православных русских приходских советов в г. Тбилиси» под председательством протоиерея Иоанна Лозового. В декабре того же года правление этого союза признало московское обновленческое Высшее церковное управление и официально подчинилось последнему [Мельникова, 2011, с. 63].

⁶ Полноценное общение обновленцев с Грузинским католикосатом было установлено в 1927 г. Тогда же было создано «Церковное управление русских православных общин Грузинского Католикосата», а московский обновленческий синод постановил: «Протоиерей г. Тифлиса Иоанн Лозовой, во внимание к его трудам по установлению нормальных отноше-

ний между Грузинской и Русской Церквями, награжден саном Протопресвитера» [Мазырин, 2017, с. 54].

⁷ Панагии, дикирии, трикирии – принадлежности архиерейского обихода. Здесь также имеется в виду Иоанн Лозовой, который был «13 апреля 1932 г. награжден правом осенения дикирием и трикирием при богослужении по обычаю Соловецкой обители и правом ношения жезла без сулка. 25 июля 1932 г. католикос-патриарх Грузии Каллистрат (Цинцадзе) благословил принятие награды» [Лавринов, 2016, с. 338].

⁸ Сен-жульены – не вполне ясная игра слов. Публикатор не смог выявить какие-то подходящие по смыслу аллюзии на известных исторических или литературных персонажей. По всей видимости, надо понимать как эвфемизм: «святые жулики».

⁹ В обращении патриарха Сергия к православным русским, живущим в Грузии, говорилось: «Как верные овцы единого Христова стада, вы теперь можете уверенно идти за данными вам Богом церковными грузинскими пастырями во главе со Святейшим Патриархом-Католикосом и молиться с ними в храмах, где за службами возносятся их имена, принимать от них святые тайны и вообще чувствовать себя в Грузинской Церкви, как в истинном доме Божием» (Возрождение..., 1944, с. 6).

Список литературы

- Вардосанидзе С., Н. Т.-М.** Грузинская Православная Церковь [1917–1945 гг.] // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 219–224.
- Вардосанидзе С., Н. Т.-М.** Каллистрат (Цинцадзе Каллистрат Михайлович) // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 29. С. 558–563.
- Лавринов В. В.** Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Об-во любителей церк. истории, 2016. 736 с.
- Левитин А. Э., Шавров В. М.** Очерки по истории русской церковной смуты. Küssnacht: Inst. Glaube in der 2. Welt, 1978. Т. 1. 296 с.; Т. 2. 338 с.; Т. 3. 419 с.
- Лобанов В. В.** «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). СПб.: Петроглиф, 2019. 268 с.
- Мазырин А. В.** К вопросу об обновленческом факторе во взаимоотношениях Русской и Грузинской Церквей в 1920–1940-е гг. // Вестник Ставропольской духовной семинарии. 2017. № 1 (4). С. 43–67.
- Мельникова И. Е.** К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2. С. 60–68.
- Одинцов М. И.** Русские Патриархи XX века: судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М.: Изд-во РАГС, 1999. Ч. 1: «Дело» Патриарха Тихона; Крестный путь Патриарха Сергия. 334 с.
- Питерский С., Панкова М., Маякова И.** Дмитрий (Градусов Владислав Валерианович) // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 78–79.
- Скурят К. Е.** История Поместных Православных Церквей. М.: Русские огни, 1994. Т. 1. 336 с.; Т. 2. 320 с.
- Шишкин А. А.** Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. 367 с.
- Шкаровский М. В.** Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб.: Нестор, 1999. 100 с.

Список источников

- Возобновление молитвенно-канонического общения между двумя Православными Церквами – Грузинской и Русской. М.: Изд-во Московской патриархии, 1944. 16 с.
- ЖМП – Журнал Московской Патриархии. 1944. № 3.
- Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. док. / Сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М.: Крутицкое подворье, Об-во любителей церк. истории, 2009. 765 с.

References

- Lavrinov V. V.** Obnovlencheskii raskol v portretakh ego deyatelei [The Renovationist Schism in the Portraits of its Leaders]. Moscow, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2016, 736 p. (in Russ.)
- Levitin A. E., Shavrov V. M.** Ocherki po istorii russkoi tserkovnoi smuty [Essays on the History of the Russian Church Troubles]. Künsnacht, Inst. Glaube in der 2. Welt, 1978, vol. 1, 296 p.; vol. 2, 338 p.; vol. 3, 419 p. (in Russ.)
- Lobanov V. V.** “Obnovlencheskii” raskol v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (1922–1946 gg.) [“Renovationist” Schism in the Russian Orthodox Church (1922–1946)]. St. Petersburg, Petroglif Publ., 2019, 268 p. (in Russ.)
- Mazyrin A. V.** K voprosu ob obnovlencheskom faktore vo vzaimootnosheniyakh Russkoi i Gruzinskoi Tserkvei v 1920–1940-e gg. [On the Question of the Renovationist Factor in the Relations between the Russian and Georgian Churches in the 1920–1940s]. *Vestnik Stavropol'skoi dukhovnoi seminarii* [Vestnik of Stavropol Theological Seminary], 2017, no. 1 (4), pp. 43–67. (in Russ.)
- Melnikova I. E.** K istorii vosstanovleniya evkharisticheskogo obshcheniya Russkoi i Gruzinskoi Tserkvei v pervoi polovine XX v. [On the History of the Restoration of the Eucharistic Communion of the Russian and Georgian Churches in the 1st Half of the 20th Century]. In: XXI Ezhegodnaya Bogoslovskaya konferentsiya PSTGU [21st Annual Theological Conference of the PSTSU]. Moscow, 2011, vol. 2, pp. 60–68. (in Russ.)
- Odintsov M. I.** Russkie Patriarkhi XX veka: sud'by Otechestva i Tserkvi na stranitsakh arkhivnykh dokumentov [Russian Patriarchs of the 20th Century: The Fate of the Fatherland and the Church on the Pages of Archival Documents]. Moscow, RAGS Press, 1999, pt. 1. “Delo” Patriarkha Tikhona; Krestnyi put' Patriarkha Sergiya [“The Case” of Patriarch Tikhon; The Way to Calvary of Patriarch Sergius], 334 p. (in Russ.)
- Pitersky S., Pankova M., Mayakova I.** Dimitrii (Gradusov Vladislav Valerianovich) [Dimitri (Gradusov Vladislav Valerianovich)]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2007, vol. 15, pp. 78–79. (in Russ.)
- Skurat K. E.** Istoriya Pomestnykh Pravoslavnykh Tserkvei [History of Local Orthodox Churches]. Moscow, Russkie ogni, 1994, vol. 1, 336 p.; vol. 2, 320 p. (in Russ.)
- Shishkin A. A.** Sushchnost' i kriticheskaya otsenka “obnovlencheskogo” raskola Russkoi pravoslavnoi tserkvi [The Essence and Critical Assessment of the “Renovationist” Schism of the Russian Orthodox Church]. Kazan, Kazan Uni. Press, 1970, 367 p. (in Russ.)
- Shkarovsky M. V.** Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XX veka [The Renovationist Movement in the Russian Orthodox Church of the 20th Century]. St. Petersburg, Nestor Publ., 1999, 100 p. (in Russ.)
- Vardosanidze S., N. T.-M.** Gruzinskaya Pravoslavnaya Tserkov' [1917–1945 gg.] [The Georgian Orthodox Church]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2006, vol. 13, pp. 219–224. (in Russ.)

Vardosanidze S., N. T.-M. Kallistrat (Tsintsadze Kallistrat Mikhailovich) [Kallistratus (Tsintsadze Kallistratus Mikhailovich)]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2012, vol. 29, pp. 558–563. (in Russ.)

List of Sources

Vasilyeva O. Yu., Kudryavtsev I. I., Lykova L. A. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg. [The Russian Orthodox Church in the Years of the Great Patriotic War of 1941–1945]. A Collection of Documents. Moscow, Krutitskoe podvor'e, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2009, 765 p. (in Russ.)

Vozobnovlenie molitvenno-kanonicheskogo obshcheniya mezhdru dvumya Pravoslavnyimi Tserkvami – Gruzinskoi i Russkoi [The Resumption of Prayerful-canonical Communion between the Two Orthodox Churches – the Georgian and the Russian]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhi, 1944, 16 p. (in Russ.)

Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii [Journal of the Moscow Patriarchate], 1944, no. 3. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Владимирович Мазырин, доктор церковной истории, кандидат исторических наук

Information about Author

Alexander V. Mazyrin, Doctor of Church History, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 16.06.2021;
одобрена после рецензирования 04.09.2021; принята к публикации 18.09.2021
The article was submitted 16.06.2021;
approved after reviewing 04.09.2021; accepted for publication 18.09.2021*

Рецензия на книгу

УДК 94(47).06 + 94(47).07

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-145-150

Посад как поселение в эпоху «просвещенного абсолютизма»: город мастеров и купцов под сенью Святой Троицы

Людмила Михайловна Артамонова

Самарский государственный институт культуры

Самара, Россия

artamonovoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Аннотация

Рассмотрена новая монография Н. А. Четыриной об одном из примечательных «малых» городов России – Сергиевском посаде на начальном этапе его развития в ходе реформ «просвещенного абсолютизма». На этом примере показаны особенности статуса, состава населения, системы управления в посадах, являвшихся своеобразным типом городских поселений в имперский период. В книге сделан весомый вклад в экономическую, социальную, административную и культурную историю русского города конца XVIII – начала XIX в. в целом, собран ценный материал для изучения сословной структуры российского общества. Так, весьма подробный перечень в источниках «званий» и «состояний» разных групп жителей, не мешает сделать вывод о наличии общих сословных признаков у категории «городских обывателей».

Ключевые слова

история России, «просвещенный абсолютизм», Екатерина II, местное управление, социальная история, история города, сословия

Для цитирования

Артамонова Л. М. Посад как поселение в эпоху «просвещенного абсолютизма»: город мастеров и купцов под сенью Святой Троицы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 145–150. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-145-150

Posad as an Urban Settlement in the Age of “Enlightened Absolutism”: The Town of Masters and Merchants under the Canopy of the Holy Trinity

Lyudmila M. Artamonova

Samara State Institute of Culture

Samara, Russian Federation

artamonovoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Abstract

The paper discusses the new monograph by N. A. Chetyrina, a well-known researcher of Russian urban history. Her book is dedicated to studying one of the remarkable “small” towns of Russia – Sergievsky Posad at the initial stage of its development during the reforms of the “Enlightened Absolutism”. The author shows clearly that this town’s example highlights the features of the status, the composition of the population, the management system in the “posads”, which were a kind of urban settlement in the Russian Empire. The book made a significant contribution to the economic, social, administrative and cultural history of Russian urban settlements in the late 18th – early 19th century. In general, her monograph contains of valuable material explaining the estate structure of the Russian society in the period of the “Enlightened Absolutism”. So, a very fractional list of “titles” and “states” of different groups of resi-

© Артамонова Л. М., рец., 2022

dents in the historical sources now does not prevent us from the conclusion that there are common class characteristics in the category of “urban inhabitants” and in the category of “rural inhabitants planted on the state lands”. This monograph could be highly recommended for academic scholars and students in studying modern trends in the historical science – urban history, local history, social history.

Keywords

history of Russia, “enlightened absolutism”, Catherine II, local government, social history, urban history, estates

For citation

Artamonova L. M. Posad as an Urban Settlement in the Age of “Enlightened Absolutism”: The Town of Masters and Merchants under the Canopy of the Holy Trinity. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 145–150. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-145-150

В своей новой монографии Наталья Аркадьевна Четырина представила детальную реконструкцию особенностей социальной, демографической, административной, хозяйственной, культурно-бытовой и других сторон жизни Сергиевского посада на рубеже XVIII–XIX вв. [Четырина, 2020]. В отличие от многочисленной литературы, упоминающей этот город прежде всего как место расположения прославленной Троице-Сергиевой лавры или «столицу русской игрушки», в данной книге на его примере рассмотрен особый тип поселений Российской империи – «посадов».

Встречая это слово на географических картах, дорожных указателях, в печатных изданиях или СМИ, современный человек воспринимает Павловский Посад, Мариинский Посад и тому подобные названия просто как составной топоним. Историки знают о посадах как торгово-ремесленной составляющей многих городов допетровской Руси, но не все даже специалисты помнят, что начиная с преобразований первой четверти XVIII в. и до революции 1917 г. «посадами» назывались поселения определенного административного статуса. Н. А. Четырина не просто напоминает об этом, а раскрывает смысл и значение данного термина относительно, пожалуй, самого известного из посадов – подмосковного Сергиевского. В советское время он получил статус города и назывался Загорском. В 1991 г. историческое название ему было возвращено, хотя частично изменилось. Теперь это город Сергиев Посад [Там же, с. 9].

Временной выбор периода конца XVIII – начала XIX в. смотрится обоснованной привязкой к определенной исторической эпохе, часто именуемой периодом «просвещенного абсолютизма». В нем всё больше современных историков усматривает наличие глубоких модернизационных замыслов, нацеленных на формирование основ правового государства и гражданского общества [Алексеев, Побережников и др., 2016, с. 66; Артамонова, 2019, с. 534].

В указанный период шла отладка реформируемых Екатериной II, а затем ее преемниками механизмов местного управления и самоуправления, в ходе которой официально утвержденные посады сохраняли особенности, отличавшие их от других близких по типу городских поселений. В пореформенной и предреволюционной России считалось, что посад «только названием отличается от заштатного безуездного города» [Энциклопедический словарь..., 1898, с. 657].

Н. А. Четырина при анализе историографии хорошо ориентируется в дореволюционной, советской, современной литературе о русском городе вообще и о поселениях, именовавшихся посадами в частности. При решении терминологических вопросов она согласна с теми авторами, которые относят посады к городским поселениям, указывают на наличие в них общих тенденций развития, присущих всем дореформенным российским городам: М. Я. Волков, Б. Н. Миронов, А. Н. Зорин, С. Л. Перечицкая [Четырина, 2020, с. 37–39]. Некоторые из них, в свою очередь, также выразили согласие с наблюдениями и выводами, которые были изложены в более ранних работах Н. А. Четыриной [Миронов, 2018, с. 791, 862; Перечицкая, 2015, с. 507, 511].

Очень внушительно выглядит источниковая база, созданная автором в ходе кропотливой самостоятельной работы прежде всего с фондами Центрального государственного архива

Москвы и Российского государственного архива древних актов. Заслуживают высокой оценки детальные анализ материалов и реконструкция порядка делопроизводства учреждений, действовавших в посадах. Речь идет о документации городского самоуправления в России рассматриваемой эпохи вообще и специфических органов власти в Сергиевском посаде – Учрежденного собора Лавры и Богородской нижней расправы [Четырина, 2020, с. 11–16, 18, 20–21]. В отличие от Ратуши, в чьей компетенции были в основном вопросы, связанные собственнo с горожанами (купцами, мещанами, цеховыми и т. п.), два последних учреждения соответственно распространяли свои полномочия на штатных служителей Троицкого монастыря и крестьян, проживавших в Сергиевском посаде.

В этой связи вполне обоснованно выделение отдельных параграфов, посвященных каждому из указанных учреждений, и сведение их в одну главу «Органы власти Сергиевского посада». Ей предшествуют главы «Посад как тип городского поселения в XVIII веке в историографии и законодательстве России» и «Население Сергиевского посада». Вместе начальные главы монографии дают административно-правовой и социально-демографический обзор поселения, сложившегося вокруг Троице-Сергиева монастыря.

История и пестрая картина социального состава местных жителей делают такой обзор интересным не только с локально-исторической точки зрения, но и на общероссийском уровне. Это актуально в свете новейших разработок, ставящих под сомнение некоторые устойчивые представления о классовой и сословной структуре общества в имперской России, которые упрощают социальную реальность и не учитывают динамику ее изменений [Границы..., 2018, с. 71, 106, 117, 662; Смирнов, 2020, с. 164, 170].

Сама Н. А. Четырина не включается в эту дискуссию, но дает ценные аргументы для ее ведения, например, демонстрируя смену социально-правового статуса значительной частью жителей прежде всего путем перехода из разряда государственных крестьян в «городские сословия». Особенно активно эти переходы происходили в первое время после получения поселением в 1782 г. статуса посада, но продолжались и в дальнейшем.

На определении понятия «сословие» автор не останавливается. К числу отдельных сословий в Сергиевском посаде отнесены не только крупные, но и мелкие группы горожан («богаделенные», «раскольники», «приказные» и др.), выделенные по профессиональным, конфессиональным и иным признакам [Четырина, 2020, с. 54, 60].

Однако первостепенное внимание уделено «городским сословиям». Взятые во множественном числе они, тем не менее, представлены обладающими важными общими признаками: наличием общих корпоративных органов самоуправления, во-первых, и отсутствием наследования и пожизненного сохранения социального статуса, во-вторых. На вывод, высказанный Н. А. Четыриной ранее и повторенный в новой книге, о том, что «разница между купцом и мещанином заключалась не в наличии или отсутствии коммерческого занятия, а в возможности оплаты ежегодного минимального купеческого сбора, открывающего доступ к гильдейским привилегиям», уже было обращено внимание в литературе. Ему была дана оценка как «остроумного». Этот вывод поддерживается рассуждением о купцах и мещанах как «двух сообщающихся сосудах», которые по сути «представляли собой единое сословие» [Четырина, 2020, с. 64, 68; Белов, 2012, с. 68–69].

Здесь автор сближается с теми исследователями, которые предпочитают говорить об объединенном сословии «городских обывателей», подразделенном на категории-«состояния»: купцов разных гильдий, мещан, цеховых, других близких к ним групп. Они также подчеркивают наличие общих культурных, социальных и исторических представлений, а также проявлений повседневности у купеческо-мещанского большинства горожан [Границы..., 2018, с. 209, 226, 235; Смирнов, 2018, с. 366, 370].

«Для доставления суда и расправы купечеству и мещанству» в Сергиевском посаде была создана Ратуша, в ее состав входили городской голова, два бургомистра и четыре ратмана. Однако кроме судебных на этот орган, как показывает Н. А. Четырина, возлагались различные административные, фискальные, нотариальные, хозяйственные и прочие функции. Не-

редко они распространялись и на жителей других сословных категорий. Городское общество Сергиевского посада избирало также членов сиротского и словесного судов, купеческого и мещанского старост, ремесленную управу из представителей трех имевшихся в этом посаде цехов (кузнечного, сапожного и портного), некоторых других выборных лиц. Все выборные местного самоуправления работали безвозмездно, жалование получали только лица, нанятые для ведения делопроизводства.

В 1795 г. в Сергиевском посаде была создана городская дума, по закону формально называвшаяся «шестигласной». Однако конкретно здесь она состояла из пяти гласных. Ими могли стать купцы, мещане, цеховые [Четырина, 2020, с. 140].

Экономические крестьяне составляли следующую по количеству и значению группу населения Сергиевского посада, хотя их численность постоянно сокращалась из-за перехода в мещанство, купечество или штатные монастырские служители, причем не только этого посада и Лавры, но и других городов и монастырей [Там же, с. 74]. Они обладали всеми признаками «настоящего» сословия, бесспорными, с точки зрения большинства участников дискуссии о наличии «сословной парадигмы» в имперской России. Показаны не только их наследственный и пожизненный (с правом на изменение) статус, но и наличие у этих крестьян самоуправления (в данном случае – Клементьевской волости с мирским сходом, приказной избой, волостным головой), и участие в местном управлении в лице четырех сельских заседателей Богородской нижней расправы. Это свидетельствует в пользу мнения о наличии в социальной структуре дореформенной России сложившегося сословия «водворенных на казенных землях свободных сельских обывателей». В Сергиевском посаде это сословие в силу исторических причин было конкретно представлено одной из своих категорий – «состояний» – экономическими крестьянами.

Сложилась ситуация, подчеркивающая своеобразие статуса посада. Законодательство («Учреждение об управлении губерний» и другие акты) предписывало возложить функции «благочиния», как в екатерининское время продолжали именовать не совсем привычную русскому слуху «полицию», на уездный земский суд и исправника в уезде, а в городе – на городничего. В Сергиевском посаде после его образования эти нормы действовали всего два года. Уже в 1784 г. полицейские обязанности в этом посаде были переданы от Богородского земского суда и его исправника в руки Богородской нижней расправы и расправного судьи. Это было подтверждено в 1795 г. указом Московского главнокомандующего «о исправлении полиции в сем посаде» и обязанностей городничего расправным судьей. Это не снимало с того прямых обязанностей по судебной части в отношении государственных крестьян Богородского и соседнего Дмитровского уездов [Там же, с. 147–148].

При этом данная нижняя расправа располагалась в Сергиевском посаде, а не в уездном городе Богородске (ныне Ногинске). В связи с этим Н. А. Четырина задается вопросом, почему именно здесь был расположен один из уездных органов власти и суда. Не найдя прямых объяснений в источниках, она предположила, что причиной тому стало наличие значительной группы крестьян именно среди жителей этого посада [Там же, с. 144].

По нашему мнению, с этим связан еще один вопрос, поставленный, но оставшийся без «аргументированного ответа» в монографии: почему уездным центром стал маленький Богородск – бывшая слобода Рогожи, «значительно уступающая по всем параметрам» поселению у Лавры [Там же, с. 56–57]. Обратим внимание на то, что среди жителей Богородска доля дворян была самой большой из всех городов Московской губернии, составляя почти четверть населения, при почти полном отсутствии крестьян [Белов, 2012, с. 67, 69]. Как известно, в ходе губернской реформы Екатерины II везде, где было возможно, административные и полицейские функции в сельской местности возлагались на выборных из местных помещиков. Территориальный разнос по населенным пунктам с адекватным составом населения уездных властей, сформированных по дворянским выборам, и судебно-полицейских учреждений для свободных «сельских обывателей» выглядит, с нашей точки зрения, заранее продуманным.

Не менее интересны заключительные главы монографии Н. А. Четыриной «Хозяйственная жизнь Сергиевского посада» и «Уклад жизни Сергиевского посада». Они включают параграфы «Торговля», «Ремесло и мелкотоварное производство», «Городское пространство», «Школа», «Домашний быт», «Рекрутские наборы», «Православие в повседневной жизни». В них нет, правда, описаний каких-либо дополнительных черт, выделяющих посад как тип поселения из ряда остальных русских городов. Однако они содержат полезный материал для всех, кого интересуют перечисленные стороны жизни русского города как такового в эпоху «просвещенного абсолютизма».

Нет сомнений, что данная монография, которая является значительным вкладом в историографию целого ряда современных направлений отечественной и глобальной исторической науки (urban history, local history), придаст новый импульс их изучению. Специалисты, как опытные, так и начинающие свой путь в науку, найдут на ее страницах много такого, что расширит их знания о прошлом русского города и стимулирует его дальнейшее изучение.

Список литературы

- Алексеев В. В., Побережников И. В. и др.** Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
- Артамонова Л. М.** Просвещение и социальная эмансипация в представлениях элиты эпохи Екатерины II: от «культурного шока» – к модернизационным практикам // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 2. С. 525–538.
- Белов А. В.** Структура и особенности городского населения накануне «Великих реформ» (по материалам Московской губернии) // *Тр. исторического факультета Санкт-Петерб. ун-та*. 2012. № 9. С. 63–71.
- Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / Под ред. Д. А. Редина. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.
- Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.
- Перечицкая С. Л.** Характер социальных конфликтов в новообразованных посадах в конце XVIII в. (на примере Дубовского посада) // *Русь, Россия. Средневековье и Новое время*. 2015. № 4. С. 506–511.
- Смирнов Ю. Н.** Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного русского города // *Вестник Санкт-Петерб. ун-та. История*. 2018. Т. 63, № 2. С. 361–377.
- Смирнов Ю. Н.** Осмысление, конструирование и моделирование социального в истории России: новые подходы в коллективной монографии уральских ученых // *Вестник Перм. ун-та. История*. 2020. № 4 (51). С. 163–172.
- Четырина Н. А.** Сергиевский посад – город с именем Преподобного (конец XVIII – начало XIX в.) М.: АИРО-XXI, 2020. 392 с.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1898. Т. 24А. 502 с.

References

- Alekseev V. V., Poberezhnikov I. V., et al.** Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie [The Actors of the Russian Imperial Modernization (the 18th – Early 20th Century): A Regional Dimension]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, 2016, 316 p. (in Russ.)
- Artamonova L. M.** Prosveshcheniye i sotsial'naya emansipatsiya v predstavleniyakh elity epokhi Ekateriny II: ot "kul'turnogo shoka" – k modernizatsionnym praktikam [The Enlightenment

- and Social Emancipation under Catherine II: From “Cultural Shock” to Modernisation Practices]. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 2, pp. 525–538. (in Russ.)
- Belov A. V.** Struktura i osobennosti gorodskogo naseleniya nakanune “Velikikh reform” (po materialam Moskovskoi gubernii) [The Structure and Features of the Urban Population on the Eve of the “Great Reforms” (Based on the Materials of the Moscow Province)]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [St. Petersburg University Faculty of History's Works], 2012, no. 9, pp. 63–71. (in Russ.)
- Chetyrina N. A.** Sergiyevskiy posad – gorod s imenem Prepodobnogo (konets XVIII – nachalo XIX v.) [Sergievsky Posad – a City with the Name of the Reverend (Late 18th – Early 19th Century)]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2020, 392 p. (in Russ.)
- Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, Tipo-litografiya I. A. Efrona, 1898, vol. 24A, 502 p. (in Russ.)
- Mironov B. N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from Tradition to Modernity]. 2nd ed., rev. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2018, vol. 1, 896 p. (in Russ.)
- Perechitskaya S. L.** Kharakter sotsial'nykh konfliktov v novoobrazovannykh posadakh v kontse XVIII v. (na primere Dubovskogo posada) [The Character of Social Conflicts in Newly Established Posads (Towns) at the End of the 18th Century (the Case of Dubovsky Posad)]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya* [Rus, Russia. Middle Ages and Modern Times], 2015, no. 4, pp. 506–511. (in Russ.)
- Redin D. A.** (ed.). Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya [Boundaries and Markers of Social Stratification in the 17th – 20th Centuries Russia: Vectors of Research]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2018, 722 p. (in Russ.)
- Smirnov Yu. N.** Retrospektivnyi analiz v zhanre ustnoi istorii besed s zhitelyami doreformennogo rossiyskogo goroda [Retrospective Analysis of Conversations with Residents of the Pre-reform Russian City in the Genre of Oral History]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2018, vol. 63, no. 2, pp. 361–377. (in Russ.)
- Smirnov Yu. N.** Osmysleniye, konstruirovaniye i modelirovaniye sotsial'nogo v istorii Rossii: novye podkhody v kollektivnoi monografii ural'skikh uchenykh [Understanding, Constructing and Describing Social Patterns in Russia of the 17th – 20th Centuries: New Approaches in the Collective Monography by Ural Scholars]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2020, vol. 51, no. 4, pp. 163–172. (in Russ.)

Информация об авторе

Людмила Михайловна Артамонова, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 55968740500
WoS Researcher ID B-1804-2017

Information about Author

Lyudmila M. Artamonova, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 55968740500
WoS Researcher ID B-1804-2017

Статья поступила в редакцию 01.06.2021;
одобрена после рецензирования 16.06.2021; принята к публикации 30.06.2021
The article was submitted 01.06.2021;
approved after reviewing 16.06.2021; accepted for publication 30.06.2021

Список сокращений

АВПРИ	–	Архив внешней политики Российской империи, Москва
АРАН	–	Архив Российской академии наук, Москва
АрСПБИН РАН	–	Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
ГААК	–	Государственный архив Алтайского края, Барнаул
ГАНО	–	Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск
ГАРФ	–	Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГАТюмО	–	Государственный архив Тюменской области, Тюмень
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов, Москва
РГАЭ	–	Российский государственный архив экономики, Москва
РГВИА	–	Российский государственный военно-исторический архив, Москва
ЦГАСПб	–	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь – февраль (№ 1) и октябрь – ноябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь, в № 8 – с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем.

Статьи: до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Документальные публикации: до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера.

Рецензии и Научная информация: до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание ФИО, сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона и электронный адрес автора.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»